

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Р У С С К О Й Л И Т Е Р А Т У Р Ы (П У Ш К И Н С К И Й Д О М)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
НА 1972 ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО « НАУКА »
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД
1974

Редакционная коллегия:

*М. П. Алексеев, В. Н. Баскаков, Н. В. Измайлов,
В. И. Малышев, К. Д. Муратова*

Ответственный редактор *К. Д. Муратова*

Е $\frac{70202-1092}{042 (01)-74}$ 257-74

© Издательство «Наука», 1974

О Т Р Е Д А К Ц И И

В основе «Бюллетеней Рукописного отдела Пушкинского Дома» (вып. I—IX, Л., 1947—1961) и «Ежегодников Рукописного отдела Пушкинского Дома» (на 1969—1971 гг., Л., 1971—1973) лежали научные описания рукописей известных русских литераторов (В. М. Гаршина, Д. В. Григоровича, И. А. Гончарова, В. Г. Короленко, Н. С. Лескова, А. П. Чехова и др.). Однако Редакция пришла к выводу, что пространные научные описания рукописей отдельных авторов рациональнее публиковать в качестве самостоятельных изданий (таковы научные описания рукописей А. С. Пушкина, Д. И. Писарева и других авторов, опубликованные Пушкинским Домом). Кроме того, возросшие научные потребности говорят о необходимости создавать сводные научные описания рукописей писателей, т. е. одновременно учитывать их рукописное наследие во всех крупнейших архивохранилищах (Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — ГПБ, Государственная библиотека им. В. И. Ленина — ГБЛ, Центральный государственный архив литературы и искусства — ЦГАЛИ, Институт русской литературы — ИРЛИ). Подобный опыт кооперированного научного описания сделан в связи с описанием рукописей Ф. М. Достоевского (Описание рукописей Ф. М. Достоевского. Под ред. В. С. Нечаевой. М., 1957) и А. А. Блока (в печати).

С настоящего, четвертого выпуска «Ежегодник Рукописного отдела» будет состоять из трех разделов.

В первом из них («Обзоры и сообщения») характеризуются наиболее интересные фонды и отдельные рукописи, хранящиеся в отделе. В настоящем выпуске даются обзоры фондов декабристов — братьев Бестужевых, литературоведа Ф. Д. Батюшкова и советского писателя Адама Дмитриева. Данные обзоры включают публикацию ряда архивных материалов. Из отдельных рукописей нами избраны для обозрения списки одной из сатир Е. А. Баратынского.

Второй раздел посвящен обзору новых поступлений в Рукописный отдел. Напоминаем читателям, что обзоры поступлений в Собрание древнерусских рукописей в настоящее время систематически публикуются на страницах журнала «Русская литература» (последний из них опубликован в № 1 за 1974 г.).

Третий раздел включает публикации новых архивных материалов, сопровождаемые вводными заметками и комментариями.

В настоящем выпуске (4-м) приняли участие сотрудники Пушкинского Дома (Рукописный отдел: Л. П. Архипова, С. С. Гречишкин, Б. Н. Капелюш, М. И. Малова, К. Д. Муратова, Г. Г. Полякова; Сектор новой русской литературы и Сектор взаимосвязей литератур: В. Э. Вадуро, А. В. Лавров), сотрудники Ленинградского университета (А. Б. Муратов, И. Г. Ямпольский), Ленинградского художественного училища (М. Г. Альшуллер), а также вдова писателя — В. В. Зоценко.

Редакция надеется, что и в дальнейшем постоянные посетители Рукописного отдела Пушкинского Дома примут активное участие в его «Ежегодниках».

Б. Н. Капелюш

АРХИВ БРАТЬЕВ БЕСТУЖЕВЫХ

Архив братьев Бестужевых очень важен для изучения декабристского движения и декабристской литературы. Это архив большой талантливой семьи, имена представителей которой вошли в историю России. В нем отражены их семейные взаимоотношения, общественная и литературная деятельность, разносторонний интерес к науке.

Александр Бестужев (литературный псевдоним Марлинский, 1797—1837) был членом Северного общества декабристов, так же как и его братья Николай (1791—1855) и Михаил (1800—1871); причастными к «делу» декабристов оказались и младшие братья — Петр (1806—1840) и Павел (1808—1846). Старшие три брата были приговорены Верховным уголовным судом к каторжным работам; двое младших сосланы солдатами на Кавказ, куда потом попал и Александр Бестужев.

Все братья — правда, в разной степени — проявляли интерес к литературному творчеству. В истории русской литературы самый заметный след из пяти братьев оставил Александр. Среди декабристов-прозаиков не последнее место занимает и Николай Бестужев. Значительный вклад в декабристскую мемуарную литературу внесли также братья Михаил и Петр Бестужевы.

Большое влияние на формирование духовного и нравственного облика пяти братьев оказали родители — Александр Федосеевич (1761—1810) и Прасковья Михайловна (1775—1846). Отец декабристов, довольно известный в свое время писатель, издавал в 1798 г. совместно с И. П. Пнинным «Санкт-Петербургский журнал». Придавая большое значение вопросам воспитания, Александр Федосеевич написал трактат «Опыт военного воспитания относительно благородного юношества...» (СПб., 1803), в котором изложил свои педагогические воззрения. В архиве сохранилась небольшая переписка его с детьми, несколько писем к нему разных лиц, а также кое-что из его личных документов.

Мать Бестужевых, малограмотная женщина, из мещан, отличалась большой душевной теплотой и оказалась превосходным воспитателем своих детей. О любви и уважении к ней сыновей говорят их многочисленные письма.

Родители воспитали в детях любовь, дружбу и уважение друг к другу; поэтому старшие всегда заботились о младших. Отсюда большая переписка между ними, составляющая одну из основных частей архива.

Если главой семьи после смерти отца в 1810 г. стал Николай Бестужев, то после 14 декабря 1825 г. его место заняла старшая сестра Елена (1792—1874), взявшая на себя все заботы по обеспечению семьи, оказывавшая нравственную и духовную поддержку всем ее членам. Она всячески стремилась облегчить участь братьев, была редактором и издате-

лем их сочинений. Е. Бестужева вела большую переписку как с ними, так и с их друзьями-декабристами, литераторами и издателями. Эта стойкая и мужественная женщина, не побоявшись трудностей и невзгод, в 1847 г. уехала с младшими сестрами к братьям в Селенгинск и возвратилась оттуда только в 1858 г.

1

Архив Бестужевых дошел до нас не в полном объеме, что объясняется прежде всего трагической судьбой его фондообразователей — пяти декабристов Бестужевых. Весь архив отчетливо делится на два временных периода: до 14 декабря 1825 г. и после него. Первая часть невелика, так как большинство бумаг было уничтожено как самими декабристами перед арестом, так и их родственниками, друзьями и знакомыми. Из рассказов М. и Е. Бестужевых, записанных М. И. Семевским, мы узнаем, что «множество важнейших писем, например знаменитого Каподистрия к Николаю Александровичу», по его поручению сожжены были струсившими сестрами. Остались самые неважные».¹ Жаль, что при отобрании бумаг брата Николая, — писал Михаил Бестужев Семевскому 19 августа 1869 г. из Москвы, — исчезло <...> письмо <...>, где он (Александр, — Б. К.) оригинально, бойко и верно рисует московское общество и различные впечатления на лица, произведенные чтением комедии Грибоедова „Горе от ума“.² В III отделении по окончании следствия было истреблено все, что сумели захватить при аресте. Сохранившееся в семье Елена Бестужева, по-видимому, оставила на хранение друзьям перед своим отъездом в Селенгинск.

Бумаги, относящиеся к периоду после декабристского восстания, составляют основную часть архива, которая в свою очередь делится на две части, но уже не по временному признаку, а по месту своего появления — сибирская и кавказская. Обе части дошли до нас также не в полном составе. Так, известно, что сохранились далеко не все письма Александра Бестужева, посылаемые им в Сибирь. Михаил Бестужев писал 16 августа 1860 г. Семевскому присылке уцелевших писем брата: «... жалею только, что в коллекции есть большие пробелы. Из пяти его писем мы едва получали одно».³ Письма А. Бестужева к братьям с Кавказа проходили длинный путь: они посылались сначала к матери, а затем пересылались в Сибирь. «Я каждые два месяца по крайней мере писал к ним», — сообщал Александр матери из Дербента 21 декабря 1833 г., удивляясь тому, что братья получили только два письма со времени приезда его на Кавказ.⁴

Мы не знаем, насколько точно было выполнено завещание Александра Бестужева, в котором говорилось: «Бумаги же и прочие вещи небольшого объема отослать брату моему Павлу в Петербург».⁵ Известно только, что Павел Бестужев занимался разбором присланных бумаг. Вероятно, они все осели в семейном архиве. Сокрушаясь по поводу исчезновения черновых рукописей двух капитальных сочинений брата Николая — «Система мира» и «Упрощенное устройство хронометров», М. Бестужев предполагал, что, может быть, «сестра Елена Александровна взяла их с собою», и отмечал, что до сих пор он «не мог их отыскать

¹ Воспоминания Бестужевых. Редакция, статья и коммент. М. К. Азадовского. М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 411 (далее: Воспоминания).

² Там же, стр. 466.

³ Там же, стр. 426.

⁴ «Русский вестник», 1870, № 7, стр. 56.

⁵ «Отечественные записки», 1860, № 7, стр. 79.

в море-океане» семейного «глубокого архива».⁶ Местонахождение этих рукописей так и не установлено. Заметим также, что после смерти брата Николая М. Бестужев не обнаружил в его сундуке многих бумаг, там хранившихся. В письме к Семевскому от 28 июня 1862 г. по поводу «Воспоминаний о Рылееве» Н. Бестужева М. Бестужев рассказывал, что брат собирался «написать полную <его> биографию <...> но при каких-то казематских невзгодах должен был истребить начатое вместе с материалами».⁷ Отвечая на вопросы Семевского, М. Бестужев писал, что в Петровском заводе были сочинены повести, «уничтоженные при периодических мерах строгости или при других обстоятельствах. Тогда же были написан целый ряд морских повестей, из коих самые лучшие были сожжены Мухановым при домовом обыске полиции на поселении <...> Все они были отданы ему, как и многие сочинения брата Николая, для напечатания <...> Черновые мы сохранять боялись от казематских обысков».⁸ Замысел задуманных М. Бестужевым записок «Мои тюрьмы» не был полностью осуществлен, но то, что было написано, дважды подвергалось уничтожению: часть сгорела летом 1861 г. по неосторожности, от детской шалости, а в 1862 г. вновь написанная половина записок была сожжена самим автором из-за боязни обыска в доме, который намеревался произвести «архинегодий» — городничий Селенгинска.⁹

Некоторое количество семейных бумаг было потеряно или уничтожено при переездах. Елена Бестужева увезла в 1858 г. из Селенгинска на родину часть архива, которая была воссоединена в 1867 г. с частью, привезенной в Москву М. Бестужевым. Можно предположить, что из материалов, оставшихся в семье, кое-что исчезло после смерти М. и Е. Бестужевых у их младших сестер — Марии и Ольги.

В 1856 г. в связи с коронацией Александра II был издан манифест о восстановлении декабристов в их гражданских правах и разрешении им возвратиться из Сибири.

Стала возможной, хотя и очень ограниченная, публикация материалов, связанных с их жизнью и деятельностью.

Историк Михаил Иванович Семевского (1837—1892) давно привлекала эта тема. Он стал одним из первых собирателей материалов о декабристском движении. В частности, Семевского заинтересовала судьба двух одаренных братьев — Александра и Николая Бестужевых; с них он и начал свое знакомство с декабристами. В этом историку помог его знакомый, второстепенный литератор Александр Николаевич Креницын (1801—1865), который владел небольшим, но ценным собранием бумаг Бестужевых. Креницын был дружен с Александром и Павлом Бестужевыми, знаком с их матерью — Прасковьей Михайловной. Прасковья Михайловна и Павел подарили ему письма Александра Бестужева, которые Креницын бережно хранил, а потом предоставил в распоряжение Семевского, частью в автографах, частью в списках, им самим тщательно сделанных. Эти письма составили основу публикации Семевского в «Отечественных записках» (1860, №№ 5—7). Через Креницына историку удалось познакомиться с большим другом семьи Бестужевых — профессором архитектуры Иваном Ивановичем Свиязовым (1797—1874), который передал Семевскому имевшиеся у него материалы. Так, от Свиязова была получена рукопись Николая Бестужева «Воспоминания о Рылееве», отданная им уезжавшему на поселение П. А. Муханову, сумевшему, видимо, переслать ее Свиязову. Свиязов же содействовал знакомству Семевского — сначала письменному, а потом и лич-

⁶ Воспоминания, стр. 287.

⁷ Там же, стр. 454.

⁸ Там же, стр. 158.

⁹ Там же, стр. 467.

ному — с Е. Бестужевой, а через нее с жившим в Селенгинске М. Бестужевым.

Из писем Е. и М. Бестужевых (ф. 604, № 13, лл. 255—259, 264—282; Воспоминания, стр. 424—474) становится ясно, как постепенно, проникаясь доверием и уважением к Семевскому, они стали передавать ему отдельные рукописи, пачки писем и документы из своего семейного архива. «Бумаги же, все без исключения, присланные мною Вам, — писал М. Бестужев Семевскому 28 июня 1862 г., — пусть навсегда остаются в полном Вашем распоряжении».¹⁰ Переписка между Е. и М. Бестужевыми и Семевским началась в 1860 г. (письма М. Бестужева охватывают почти десятилетний период), личное же их знакомство состоялось только в 1869 г., когда Бестужев посетил Семевского в Петербурге.

В связи с работой над статьями о Бестужевых и публикацией их бумаг Семевский обращался к М. Бестужеву с рядом самых разнообразных вопросов, на которые тот присылал обстоятельные ответы.¹¹ Умело поставленные вопросы натолкнули М. Бестужева на мысль написать воспоминания, что частично и было им осуществлено.

Семевский расширил вскоре сферу поисков бумаг Бестужевых. Ему удалось получить значительное количество материалов, сохраненных частным к «делу» декабристов штабс-капитаном Куринского пехотного полка Иваном Петровичем Жуковым, с которым был дружен на Кавказе Александр Бестужев, посвятивший ему свою повесть «Наезды» (они вместе служили в дербентском гарнизоне). Эти материалы составили целый том собрания Семевского, озаглавленный «Бумаги Жукова» (ф. 604, № 5). Сюда входят материалы Александра, Петра и Павла Бестужевых за 1828—1836 гг.

В 1833 г. Жуков вышел в отставку и уехал на постоянное жительство в Казанскую губернию, в свое имение. Можно предположить, что А. Бестужев передал ему все имевшиеся при нем тогда бумаги, а именно «Памятные записки» Петра Бестужева, которые он не рискнул отправить с больным братом при отъезде последнего с Кавказа домой, и переписку всех трех братьев.

Семевский не только публиковал материалы из своего богатейшего собрания бумаг Бестужевых, но и предоставлял их для работы другим лицам. Так, Л. Н. Толстой, будучи в 1878 г. в Петербурге, познакомился с Семевским и тогда же договорился о присылке ему некоторых бумаг из архива братьев Бестужевых. Изучением их Толстой хотел заняться в связи с работой над романом «Декабристы». Пересылку материалов должен был осуществлять Н. Н. Страхов. Сначала он получил от Семевского письма Н. А. Бестужева (ф. 604, № 9). Под описью материалов данного тома сохранилось следующее примечание: «Сборник этот был препровождаем к гр. Льву Николаевичу Толстому в 1879 г. как материал для его романа „Декабристы“. М. С.».¹² В письме от 16 марта 1878 г. Толстой писал Страхову: «Очень благодарен вам, дорогой Николай Николаевич, за присылку тетради Семевского. Я ее прочел и отослал и прошу другую — именно записки Бестужева».¹³ Семевский сразу откликнулся на эту просьбу и уже 19 марта сообщал Толстому: «Посылаю к Вам два тома, — копия с подлинных, переплетенная... Посылаемая рукопись не есть собственно записки. Это ответ на вопросы, разновременно мною задававшиеся по почте в 1859—1861 гг. — в Селенгинск

¹⁰ Там же, стр. 453.

¹¹ «Русская старина», 1881, № 11, стр. 592.

¹² Семевский сделал примечание не ранее 1886 г., когда составлялась опись, но, запамätовав, датировал это событие 1879 г.

¹³ Л. Н. Толстой. Полное собрание сочинений. Письма. Т. 62. М., ГИХЛ, 1953, стр. 399.

из СПб.». ¹⁴ Речь идет о «Записках» Михаила Бестужева (ф. 604, №№ 19 и 20). Кроме того, Толстой просмотрел том с бумагами Александра Бестужева (ф. 604, № 12). ¹⁵ Семевский отмечал, что из писем Толстого к нему, посланных при возврате прочитанных рукописей, было «видно, что он внимательно изучал источники к задуманной им хронике-роману „Декабристы“». ¹⁶

2

Бумаги братьев Бестужевых поступили в Рукописный отдел Пушкинского Дома в 1919—1920 гг. в составе собрания материалов журнала «Русская старина» и личного архива его редактора и издателя М. И. Семевского. Впоследствии они были выделены в самостоятельный фонд — фонд 604. По количеству номеров он невелик — всего 40 единиц хранения, но большинство из них представляют собой толстые, большого формата тома.

В силу разных причин некоторые материалы Бестужевых оказались вне архива Семевского, в фондах и собраниях других лиц. Так, ряд рукописей поступил в Пушкинский Дом в составе собрания П. Я. Дашкова (ф. 93, оп. 2, №№ 12, 13, 15—21); там эти материалы находятся и в настоящее время, хотя и считаются нами неотъемлемой частью основного фонда Бестужевых. Это 11 единиц хранения, 9 из которых заключены в коричневые, темно-зеленые и темно-бордовые переплеты. Среди рукописей этого собрания повести Александра Бестужева «Наезды», «Лейтенант Белозор», «Аммалат-Бек», сочинения Николая Бестужева «Отрывок из журнала флотского офицера 1815 года», «Шлиссельбургская станция», «Воспоминания о Рылееве» и записки Михаила Бестужева «Мои тюрьмы».

Как эти рукописи попали к П. Я. Дашкову, пока установить не удалось; ясно только, что часть из них в свое время находилась у Семевского. Это подтверждается хотя бы наличием среди них «Моих тюрем» М. Бестужева, написанных по просьбе Семевского и ему адресованных.

В архиве литератора, делопроизводителя Следственной комиссии по делу декабристов — Андрея Андреевича Иванова (ф. 591), собиравшего автографы писателей и документы декабристов, несколько единиц хранения также имеют непосредственное отношение к фонду Бестужевых. Среди них письма к А. А. Бестужеву кн. П. А. Вяземского, А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, И. И. Дмитриева, А. П. Ермолова, В. А. Жуковского, С. Д. Нечаева. Некоторые бумаги были, видимо, изъяты Ивановским из дел Следственной комиссии сразу же по окончании следствия над декабристами.

Таким образом, с присоединением материалов из разных фондов архив братьев Бестужевых в Рукописном отделе Пушкинского Дома насчитывает сейчас 74 единицы хранения.

Переплеты томов, поступивших от Семевского, в отличие от переплетов собрания П. Я. Дашкова покрыты красным коленкором; на корешках их золотом вытиснены заглавия, кратко характеризующие состав данного тома. К каждому из томов приложена опись, датированная 1886 г. Составление описей относится, видимо, к моменту заключения материалов в переплеты. К сожалению, этому не предшествовала тщательная систематизация всех бумаг, что привело к нарушению целостности текстов произведений и писем: листы одних и тех же рукописей оказались в разных томах, иногда в пределах одного переплета сильно

¹⁴ Там же, стр. 400—401.

¹⁵ Единицы хранения №№ 12, 19 и 20 имеют пометы: «У Толстого был».

¹⁶ «Русская старина», 1889, № 1, стр. 204.

нарушена их последовательность. Примером может служить черновая рукопись А. А. Бестужева «Знакомство с Гр<ибоедовы>м», первая половина которой находится в переплете № 7, вторая — в № 12, а список с рукописи, сделанный Е. А. Бестужевой, оказался в № 11.

Из-за отсутствия систематизации тексты одних и тех же писем, находящихся в архиве в трех видах — черновики, рукой М. К. Юшневской и скопированные переписчиком, — попали в разные тома. Естественно, что все это затрудняло использование архива исследователями и создавало сложности при научном описании его материалов.

В настоящее время такое описание сделано и на каталожных карточках дана сводка всех сведений о каждом произведении, письме и документе. Пересортировка же материалов в самих переплетах (т. е. расшивка их) сочтена нецелесообразной, так как материалы архива братьев Бестужевых неоднократно использовались в печати со ссылками на соответствующие тома собрания. Перемещение материалов может вызвать путаницу.

Необходимо отметить, что не только Пушкинский Дом является хранителем бумаг Бестужевых. Небольшое количество их находится в Отделе рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве.

3

Рукописей произведений Александра Бестужева додекабристского периода сохранилось немного. Это списки стихотворений рукой Е. Бестужевой, заменяющие отсутствующие автографы («Себе любезного ищущ...», «Близ стана юноша прекрасный...» и «Подражание первой сатире Буало...» <1818—1819>); рукопись перевода «Словаря людей большого света. (Из пустынного Гвианы)» (<1823—1825>);¹⁷ дневниковые записи в двух записных книжках о пребывании в Москве в 1823 г. и памятная книжка на 1824 г., на чистых листках которой Бестужев в течение года помечал, где был, что делал, с кем виделся.¹⁸ Сохранился также не вошедший в публикацию Н. В. Измайлова двойной листок из записной книжки 1823 г. с зарисовками и описанием предметов, увиденных Бестужевым в Московском Кремле. В архиве хранится ряд списков с литературно-критических статей и рецензий Бестужева, помещавшихся им в журналах «Благонамеренный», «Соревнователь просвещения», «Сын отечества» в 1818—1824 гг.

В 1827 г. А. Бестужев, находящийся в заключении в форте Слава в Финляндии, начал работать над исторической повестью в стихах «Андрей, князь Переяславский», которая осталась незавершенной: были написаны две первые главы и два отрывка из пятой. В собрании П. Я. Дашкова имеется автограф первой и второй главы (в первой отсутствует строфа 14). Кроме того, в архиве имеется список с «Отрывка из 2-й песни <...>» (56 стихов), под текстом которого находилась помета М. А. Назимова: «Рукí Александра Бестужева, когда он уехал из Якутска в Грузию и был у меня в Витиме, на Лене» (<1829>). По приезде на Кавказ Бестужев вписал в одну из тетрадей ранее созданный «Отры-

¹⁷ Речь идет о произведении известного французского писателя Э. Жуи (E. Jouy, 1764—1846) «Гвианский отшельник, или Наблюдения над французскими нравами и обычаями начала XIX-го века» («L'Ermitte de la Guyane, ou Observations sur les mœurs et les usages français du commencement du XIXe siècle»).

¹⁸ См. публикацию всех трех книжек и их описание: Н. В. Измайлов. А. А. Бестужев до 14 декабря 1825 г. — В кн.: Памяти декабристов, т. I. Л., Изд. Акад. наук, 1926, стр. 3—7, 55—70, 83—99.

вок из V песни поэмы Андрей, князь Переяславский» и «Думу Свято-слава. (Из V песни поэмы Андрей к. Пер-ий)», датировав их 1828 г. К этому же периоду относится стихотворение «Имениннику» (2 марта 1828 г.), обращенное к управляющему откупом в Якутске Федоту Федотовичу Колесову. Стихотворение сохранилось только в списках, в архиве их два.

Уже будучи на Кавказе, А. Бестужев переписал набело ранее написанные им стихотворения, по-видимому подготавливая их к печати. Находятся они в той же тетради, что и два отрывка поэмы «Андрей, князь Переяславский». Сюда же вошли: окончание стихотворения (со стиха 54) «Тост» (1829), «Шебутуй. (Водопад Станового хребта)» (май 1829) и «Осень» (апрель 1829). Авторская датировка двух последних стихотворений вызывает сомнение у исследователей.¹⁹

Черновая рукопись незаконченных воспоминаний А. Бестужева «Знакомство с Гр<ибоедовы>м» (<1829>) в двух небольших тетрадях оказалась включенной в разные тома, о чем уже говорилось выше. Кроме автографа воспоминаний, в архиве имеется еще список с него рукой Е. Бестужевой. Это наборная рукопись журнала «Отечественные записки» (1860, № 10). Под текстом данной рукописи рукой Семевского помечено карандашом: «Кавказ, 1829»; сделано это, по-видимому, со слов Е. Бестужевой. В первой тетради воспоминаний два последних листа заполнены Бестужевым разрозненными стихотворными и прозаическими черновыми набросками. Среди них зачеркнутый набросок последней строфы известного стихотворения «Осень» и стихотворный отрывок «Вечерел в венце багряном...» (опубликован позднее по данной рукописи). Многие же наброски с трудом поддаются прочтению. Из разобранных нами строк одни, видимо, являются литературными заготовками, а другие — записями прочитанного или услышанного (ф. 604, № 7, лл. 13—14). Приведем некоторые из них:

Но ты как ангел-истребитель
С мечом карательной судьбы
Громшь веселости обитель
И сеешь по следу гробы.

Изречения: «Одни теряют деньги, чтобы купить имя, другие его теряют, чтобы достать денег. Третьи — то и другое, чтобы добиться власти»; «Размышляй с мудрецами, но говори с простолюдинами»,

Поговорка: «Украшен золотом и шелком, теперь и волк не смотрит волком».

С начала 1830-х годов, несмотря на тяжелые, неблагоприятные условия, А. Бестужев возвращается к литературной деятельности. В творчестве этого периода значительное место занимают повести и очерки из кавказской жизни. Наибольшее количество сохранившихся рукописей относится именно к этим годам. Среди них следующие: «Наезды. 1613 год» (1830) — на последней странице рукописи Бестужев записал «Прибавление, или, лучше сказать, окончание „Лейтенанта Белозора“»; «Лейтенант Белозор» (<1830>); черновая рукопись отрывка «Следствие вечера на Кавказских водах. Предрассудки» (<1830>); «Аммалат-Бек» (<1831>) — черновая рукопись первоначальной редакции части повести и выявленные нами разрозненные черновые листы, попавшие в разные переплеты собрания П. Я. Дашкова вместе с другими произведениями; <«Латник, рассказ партизанского офицера»> — черновая рукопись, озаглавленная «Рассказ гусара» (<1831>); «Кавказская стена.

¹⁹ См.: Полное собрание стихотворений А. Бестужева-Марлинского. Л., «Сов. писатель», 1961 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 283—284.

(Письмо из Дагестана)» (<1834>); «Путь до города Кубы» (<1834>) — вторая половина очерка и черновой отрывок из главы «Дорога от станции Алмалы до поста Мунгалы»; «Вадимов» (<1834>) — черновая рукопись неоконченного романа, состоящая из четырех отрывков: 1) «Осада» (в рукописи «Вадимов. Роман» и «Приступ»); 2) «Выстрел» (первоначальное заглавие «Золото и свинец» зачеркнуто); 3) «Журнал Вадимова» (в рукописи «Вадимов»); 4) «Свидание»; кроме того, в архиве обнаружены три черновых листа неопубликованного отрывка романа, озаглавленного нами «Снятие осады Ахалпыха. Грабеж города», содержание которого предваряет «Журнал Вадимова». Назовем также отрывки из журнала убитого в бою с горцами офицера под заглавием «Он был убит» — разрозненные листы черновой рукописи (<1835>); главы первую и начало второй повести «Мулла-Нур» (<1836>) рукопись «Мулла-Нур. Заключение» и сделанную Бестужевым черновую запись «Рассказа Муллы-Нура» (здесь же список с этого автобиографического рассказа).

При ближайшем рассмотрении материалов из собрания Дашкова оказалось, что в три тома, в которых находятся рукописи произведений «Аммалат-Бек», «Кавказская стена» и «Латник...», вплетено еще 17 разрозненных листов черновой рукописи «Рассказа офицера, бывшего в плену у горцев» (<1834>). Кроме того, в архиве обнаружен еще один черновой лист этого рассказа с началом главы «Койсубулинцы». До сих пор рукопись «Рассказа офицера, бывшего в плену у горцев» не значилась среди наследия Александра Бестужева в Пушкинском Доме.

В архиве хранятся два списка стихотворения, написанного Бестужевым накануне гибели, 5 июня 1837 г., озаглавленного в печати «Адлерская песня» («Плывет по морю стена кораблей...»). Это «военная песнь, как последняя песнь лебедя, — писала Е. А. Бестужева М. И. Семевскому 29 сентября 1860 г., — незабвенным братом написанная накануне его кончины!» (ф. 604, № 13, л. 266). Один список сделан Е. Бестужевой, другой — бароном А. Е. Розеном с его пояснением: «Предсмертное сочинение А. А. Бестужева-Марлинского на фрегате „Анна“, когда флотилия перевозила наш Кавказский отряд по Черному морю к мысу „Адлер“, где при высадке войск Бестужев сам напросился в передовую цепь застрельщиков и был убит 7 июня 1837 года» (ф. 604, № 23, лл. 34—35).

В архиве сохранилось много разрозненных черновых листов рукописей Александра Бестужева, представляющих собой отдельные наброски и отрывки художественных текстов и заготовок к ним, литературно-критических заметок (например, рассуждение об историческом романе), записей для памяти мыслей, изречений, поговорок, присловий, образных выражений. Многие из них плохо поддаются прочтению, не датированы, но можно с уверенностью отнести их к периоду пребывания писателя на Кавказе.

Все эти записи и наброски отражают разнообразие интересов Бестужева. «Языки, фольклор, этнография, экономика, история горских народов, природные данные Кавказа привлекали к себе усиленное внимание Бестужева», — писал В. Васильев.²⁰ И действительно, мы находим записи русскими буквами отдельных татарских слов и целых текстов, названия геологических пород Кавказа, запись маршрута из Дербента в Тифлис и др. Но особого внимания заслуживают художественные отрывки. Вот начало одного из таких отрывков, имеющего прямое отношение к кавказским очеркам: «Наконец мы въехали в самые горы. Все выше и выше вставали великаны Кавказа друг над другом...». Содержание отрывка следующее. Небольшой отряд, состоящий из рассказ-

²⁰ В. Васильев. Бестужев-Марлинский на Кавказе. Краснодар, 1939, стр. 68.

чика, полковника с племянником и драгунского капитана, в сопровождении вооруженных проводников — черкесов направляется в горы. «Каждый из спутников, любясь окрестностями, поехал в страну мечтой на любимом коньке своем». Драгунский капитан любую возвышенность превращает в «новую крепостцу», а при виде балки восклицает: «Какая славная позиция для засады!». Перед взором же полковника рисуется мирная картина: плотина с мельницей, пастбище со стадами коров, от которых «за полверсты пахло бы швейцарским сыром». Полковник мечтает о мирном освоении Кавказа, о преобразовании земель его, о создании сельского хозяйства и промышленности на основе использования местных ресурсов, о развитии здесь торговли. Драгунский же капитан стоит за расширение военных действий. Между ними возникает спор. Все рассуждения полковника вызывают протест и насмешки со стороны драгунского капитана, называющего горцев «хищниками» и «вероломными», с которыми можно разговаривать только языком картечи, а не рисовать себе «идиллии сельской жизни». Полковник упрекает драгунского капитана за желание «делать завоевания с огнем и мечом» и утверждает, что «торговля опутает скорее своими серебряными цепями, чем крепости и пушки». На это драгунский капитан возражает, считая, что нечего заезжать «со своими сеяльниками да веяльниками к людям, которые любят пахать землю подковами коней и жать чужой хлеб саблями». «Тише едешь, дальше будешь, — говорит полковник. — Я бы так стал действовать скромно да мирно. Ведь и ястреба ручным делают, а горцы хоть и головорезы, да все же люди». В конце концов драгунский капитан предлагает полковнику стать миссионером, на что тот и соглашается. На этом текст обрывается (ф. 604, № 7, лл. 75, 67, 68).

Приведем несколько образных выражений, записанных А. Бестужевым: «Жить без крова, умирать без гроба»; «Уважьте предрассудки побежденных, ибо их лишь вы и оставили»; «Жажда золота в низких душах рождает жажду крови»; «Презрение — опасное оружие (хлыст, а не меч), оно раздражает слабого, не обеспечивая сильного»; «Мед — уста, очи — пламень»; «Искры слез могут зажечь порох, но не растопить лед»; «Это умертвило просьбу на устах»; «Я устал быть игрушкой хитрых, жертвою сильных»; «Стальные лучи у звезды славы, кровь — заря ее»; «Месяц усыпает золотым песком дорогу по морю»; «Раздеть донага их души»; «Он утонул в собственных слезах» (ф. 604, № 7, лл. 64, 71, 78).

Большая часть писем Александра Бестужева, сохранившаяся в архиве, адресована близким родным — матери, братьям и сестрам. В них он предстает как нежный сын, любящий и заботливый брат. Из писем до 14 декабря 1825 г. мы узнаем о его служебной деятельности, литературных успехах; в них сообщаются разные светские и литературные новости, описываются его военные походы и поездки, красочно рассказывается об увиденных им впервые городах, памятниках архитектуры и т. д.

В письмах с Кавказа он говорит о своей тяжелой, безрадостной, полной лишений жизни: о болезнях, притеснениях начальства, бессмысленной муштре, отсутствии условий для литературного творчества. Но вместе с тем из этих же писем вырисовывается человек жизнелюбивый, веселый, храбрый, хороший товарищ, сын и брат. В них он делится литературными новостями, описывает военные действия русских против горцев и свое участие в них.

Много места в письмах кавказской поры уделяется сообщениям о своих творческих планах и литературных занятиях, издательских делах; становится ясно, что, несмотря на неблагоприятные условия, Бестужев много и плодотворно работал. Он часто вспоминает о друзьях-декабристах, о товарищах по литературе. Среди других тем писем особое

леву (<1825>), С. В. Савицкой, список рукой Е. А. Бестужевой 2 (<1817—1819>), А. Ф. Смирдину 2 (1835), Е. П. Торсон 3 (1833—<1836>), Н. В. Шимановскому 2 (1837), Ф. А. Шнитникову (1834) и др. Всего 28 адресатов.

Письма к А. А. Бестужеву: Н. А. Бестужева — некоторые также от имени М. А. Бестужева, рукой М. К. Юшневской (рожд. Круликовская, в первом браке Анастасьева), с ее приписками — 6 (<1819>—1837), Павла А. Бестужева 23 (1832—1837), Петра А. Бестужева 5 (1829—1833), Е. А. Бестужевой (1829), гр. М. С. Воронцова (1836), кн. П. А. Вяземского 7 (<1823>—1825), Н. И. Греча 2 (1831, 1833), А. С. Грибоедова 2 (1825 и б. д.), Д. В. Давыдова 2 (<1822>, 1824), И. И. Дмитриева (1824), А. П. Ермолова (1825), В. А. Жуковского (1822), С. Д. Нечаева 2 (1825), А. А. Никитина (1821), К. А. Полевого 6 (1832—1833), Н. А. Полевого 3 (1830—1831), В. И. Туманского (1823), гр. Д. И. Хвостова (1823), Н. В. Шимановского (1835), Т. М. Шнитниковой (во втором браке Свизева) (1835) и др. Всего 22 корреспондента.

Личные документы А. А. Бестужева: грамоты на военные чины 2 (1819, 1821); диплом на звание действительного члена СПб. Вольного общества любителей словесности, наук и художеств (1820); приказ о производстве из унтер-офицеров в прапорщики, печатный (1836); заветание, в трех копиях (1837) и др.

4

Николая Бестужева интересовали история, география и этнография, техника и искусство, а также многое другое, но особенно тянуло его к литературному творчеству.

С 1818 г. Н. Бестужев плодотворно сотрудничает в журналах и альманахах, печатая в них повести, рассказы, путевые очерки, исторические статьи, рецензии, переводы (главным образом из английских авторов).

Из материалов, относящихся к периоду до декабристского восстания, в архиве сохранились следующие рукописи Н. Бестужева: отрывок «Нечто о пароходах» (<1810—нач. 1820-х годов>); «Продолжение естественного права. Семейственное право» (1814) — не полностью, только тетрадь № 2; «Письмо к издателю Сына отечества» о колоннах Исаакиевского собора (<1820>); черновая рукопись «О удовольствиях на море» (<1823>). Интересен неопубликованный отрывок из путевых записок в форме письма, начинающийся словами «Он отменно любит русских и всякой раз просит нашего министра...» (с обращением: «в<аше> п<ревосходительство>»), с описанием Копенгагена, несомненно имеющий отношение к «Запискам о Голландии 1815 г.» (по-видимому, Бестужев собирался описать свое пребывание в Копенгагене по пути в Голландию).

Последний рассказ, написанный Бестужевым перед восстанием декабристов, «Трактирная лестница» (<1825>), был напечатан уже после его ареста в альманахе «Северные цветы» на 1826 г. под псевдонимом «Алексей Коростылев». Рукопись его не сохранилась. В 1860 г. Е. Бестужева, подготавливая к печати сборник рассказов и повестей брата Николая, поместила в него другую редакцию этого рассказа, озаглавленную самим автором «Отрывок из журнала флотского офицера 1815 года»²¹ (в настоящее время находится в собрании П. Я. Дашкова). То была черновая рукопись более ранней редакции рассказа по сравнению с опубликованной в альманахе «Северные цветы». М. К. Азадовский в при-

²¹ Н. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка. М., 1860, стр. 102—110.

вом листе рукой Н. Бестужева написано заглавие «Холостая жизнь», которое затем им зачеркнуто и над ним обозначено другое — «Трактирная лестница».

Из записных книжек Николая Бестужева додекабристского периода сохранилась только одна, содержащая дневниковые записи на французском и русском языках, которые относятся ко времени пребывания его в Голландии и заканчиваются уже по приезде в Петербург (с 16 августа 1815 по 12 февраля 1816 г.). Кроме поденных записей, здесь находятся черновые письма к сахарозаводчику в Роттердаме Бейеру-Топу (1) и к Л. И. Степовой (3).²³

Наиболее значительное произведение Н. Бестужева после 1825 г. — повесть «Шлиссельбургская станция» («1830—1831»), являющаяся, по определению М. К. Азадовского, «одной из жемчужин декабристской художественной прозы».²⁴ В 1860 г. этот во многом автобиографический рассказ был опубликован с большими цензурными изъятиями и под измененным заглавием «Отчего я не женат!».²⁵ Подлинный текст его по рукописи (собрание П. Я. Дашкова), в которой утрачено несколько последних страниц, напечатан М. К. Азадовским в «Воспоминаниях Бестужевых». Кроме этой рукописи, в архиве находится несколько неопубликованных черновых отрывков, относящихся несомненно к первоначальной редакции «Шлиссельбургской станции». Среди них: 1) «Недавно случилось мне после скучного обеда...»;²⁶ 2) «Я выехал, никаких мыслей не было у меня в голове...»; 3) «Проехав Пеллу, про которую некогда Китаец в Петербурге сказал...».

Большое место в литературном наследии Николая Бестужева занимают «Воспоминания о Рылееве». В письме к Семевскому от 28 июня 1862 г. из Селенгинска Михаил Бестужев писал: «Никогда и ничего брат Николай не писал ни о себе, ни о других, хотя собирался все сделать это во всю свою сибирскую жизнь. Единственные записки, писанные им в тюрьме, это о Рылееве, составленные им по настоянию одной из наших милых дам, Александры Григорьевны Муравьевой (урожд. графиня Чернышева)».²⁷ Из всех мемуаров декабристов они самые ранние, написанные не позднее 1832 г. «Воспоминание брата Николая Александровича о К. Ф. Рылееве, — сообщил Михаил Бестужев, — было написано в Петровском каземате в первое время нашего там пребывания, именно в эпоху, когда у нас много писалось».²⁸ Ценно то, что воспоминания читались, обсуждались и корректировались в коллективе декабристов.

Непосредственным дополнением к этим воспоминаниям является рассказ «14 декабря 1825 года», представляющий собой небольшой черновой отрывок. В архиве хранится также список с него, сделанный П. И. Семевским, в который в 1862 г. внес свои поправки барон В. И. Штейнфельд. Имеется еще наборная рукопись этого рассказа рукой переписчика, происхождение которой, по-видимому, относится к 1885 г., когда М. И. Семевский собирался печатать в «Русской старине» оба мемуарных произведения Н. Бестужева под общим заглавием «Воспомина-

²³ См. публикацию записей и писем: Н. А. Бестужев. Статьи и письма. М.—Л., Изд. политкаторжан, 1933, стр. 297—299, 304.

²⁴ Литературное наследство, т. 59. Декабристы-литераторы, I. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 710.

²⁵ Н. Бестужев. Рассказы и повести старого моряка, стр. 447—481.

²⁶ На первом листе данного отрывка М. И. Семевским сделана помета: «Рассказ Н. А. Бестужева „Отчего я не женат“. Напечатано». Помета Семевского со ссылкой на измененное заглавие наводит на мысль, что он не видел рукописи «Шлиссельбургской станции».

²⁷ Воспоминания, стр. 454.

²⁸ Там же, стр. 286.

ния Николая Александровича Бестужева»; цензура, однако, запретила их публикацию.

Среди рукописей Н. Бестужева сибирского периода назовем еще черновой отрывок рецензии на переводы Жуковского <«Нечто о гекзаметрах»> и заметку «К северным сияниям».

В 1831 г. Н. Бестужев написал историко-экономический трактат «О свободе торговли и вообще промышленности» (рукопись в пяти тетрадах). Материалы к нему собирались в 1830—1831 гг., о чем свидетельствует записная книжка Бестужева этих лет с выписками и записями на русском и французском языках, использованными затем в трактате.²⁹

Для характеристики творческой личности Н. Бестужева большое значение имеют его записные книжки. Они не датированы. Записи в них охватывают период с 1833 по 1850 г. В книжках заметки по истории и этнографии, литературные наброски, черновики писем, автобиографические сведения, высказывания о домашнем и общественном воспитании, записи, связанные с изучением техники живописи, рецепты красок и наброски об их свойствах, рецепты изготовления чернил и золочения металлов, записи изречений и различных мыслей, данные наблюдений за погодой, технические расчеты, заметки о часовых маятниках, медицинские и хозяйственные рецепты. В одной из книжек находится дневник магнетического лечения, примененного Н. Бестужевым к своему больному товарищу декабристу кн. А. П. Барятинскому. В этих книжках содержится значительное количество выписок и переводов из русских и иностранных книг и журналов; среди них перевод большого отрывка из знаменитой книги А. де Токвиля «О демократии в Америке», обширные выписки из статьи Ж.-Ш. Сисмонди «Ирландия в 1834 году».³⁰

Эпистолярное наследие Николая Бестужева до декабрьских событий невелико: два письма его — к капитану О. Коцебу, возглавлявшему в 1815 г. кругосветную экспедицию на корабле «Рюрик», и к норвежскому моряку Эриксену, а также письма к нему Д. Василевского, его домашнего учителя, доктора философии, преподавателя Академии художеств, и Эриксена.

Подавляющее количество писем написано Н. Бестужевым из Сибири. Они дают «понятие о <...> житье-бытье за Байкалом», как писал М. А. Бестужев М. И. Семевскому 9 августа 1869 г.³¹

Наиболее интенсивная переписка шла между Бестужевым и родными — матерью, братьями, сестрами, особенно с сестрой Еленой. Переписка эта касается чаще всего хозяйственно-бытовых вопросов. В письмах к Александру Бестужеву прослеживается живой интерес к творчеству брата-писателя, высказывается ряд суждений и замечаний о его произведениях. Письма из Селенгинска содержат богатый материал для изучения этнографии и экономики бурят-монгольского народа.

Многие письма из Сибири написаны от лица двух братьев — Николая и Михаила, но сохранившиеся черновики, написанные рукой Николая, убеждают нас в том, что текст составлялся исключительно им одним. Так как декабристам в заключении было запрещено писать письма самим, то они составляли черновик, с которого жены декабристов «обыкновенно списывали своею рукою», делая вид, что пишут под диктовку; об этом рассказывал Михаил Бестужев в письме к Семевскому от 19 августа 1869 г.³² Переписчицей писем Н. Бестужева была М. К. Юшнев-

²⁹ См.: Н. А. Бестужев. Статьи и письма, стр. 91—172, 285—297, 237—241, 304.

³⁰ Публикацию и описание записных книжек см.: Н. А. Бестужев. Статьи и письма. 241—250, 305—306.

³¹ Воспоминания, стр. 464.

³² Там же, стр. 465—466.

ская. Довольно часто М. Бестужев делал приписки в письмах брата Николая.

Следует отметить, что наибольшее количество писем, адресованных братьям Бестужевым, написано именно к Николаю. Это объясняется тем, что он сам вел обширную корреспонденцию; кроме того, его ум, разносторонние знания, высокие нравственные качества привлекали к нему сердца многих товарищей-декабристов и их жен.

Среди корреспондентов Бестужева сибирского периода много должностных лиц, имевших непосредственное отношение к судьбам декабристов и находившихся с ними в дружеских отношениях. В числе их: управляющий Петровским заводом А. Арсеньев, горный инженер О. Дейхман, врач Петровского завода Д. Ильинский, плац-майор Петровского завода Я. Казимирский, комендант Нерчинских рудников и Петровского завода С. Лепарский, иркутский врач И. Персин, комендант Петровского завода Г. Ребиндер. Среди других корреспондентов Н. Бестужева, с которыми велась переписка научного характера, секретарь Ученого комитета Морского министерства А. Никольский, основоположник русской гидрографии вице-адмирал М. Рейнеке, архитектор, профессор Горного института, изобретатель особой системы отопления И. Связев, писатель, член совета Главного управления Восточной Сибири И. Сельский, известный писатель по морским вопросам А. Соколов. Необходимо отметить роль А. Никольского в научной деятельности Н. Бестужева. Он посылал в Сибирь книги, карты и другие необходимые материалы, а также осуществлял связь между Бестужевым и его знакомыми в морских и научных кругах. Многие из писем Н. Бестужеву обращены также и к М. Бестужеву.

Письма Н. А. Бестужева: к Л. Антуан (б. д.), Д. И. Завалишину 6 (1840—<1855>), В. П. Ивашеву (<1835>), Е. Д. Ильинской (рожд. Старцева) (1843), О. А. фон Коцебу (1814), А. А. Никольскому, список рукой А. А. Никольского (1853), М. Ф. Рейнеке, список рукой А. А. Никольского (1852), бар. А. Е. Розену (1838), А. С. Связевой 12 (1837—1844), И. И. Связеву 11 (1844—1854 и б. д.), И. С. Сельскому (1847), Л. И. Степовой 3 (<1815—1816>), В. Я. Струве (?) (б. д.), О. В. Эриксену (1825) и др. Всего 19 адресатов.

Письма к Н. А. Бестужеву: И. А. Анненкова (б. д.), Н. В. Басаргина (б. д.), Г. С. Батенкова (1855), А. А. Бестужева 38 (1821—1836), А. Ф. Бестужева 4 (1805), Павла А. Бестужева 8 (1831—1838), Петра А. Бестужева 2 (1829, 1833), Е. А. Бестужевой (1830), Д. Е. Василевского 8 (1821—1847), кн. С. Г. Волконского (1854), кн. М. Н. Волконской (рожд. Раевская) (1837), М. Н. Глебова (б. д.), И. И. Горбачевского 5 (<1839>—1854), О. А. Дейхмана (б. д.), В. А. Ершова (1844), К. П. Ивашевой (рожд. Ле-Дантю) (б. д.), Д. З. Ильинского (1839), Г. А. Иоссы (1854), Я. Д. Казимирского 6 (<1849, 1855> и б. д.), И. П. Корнилова 3 (<1852>—1855), М. К. Кюхельбекера (1854), С. Р. Лепарского 18 (б. д.), А. А. Никольского 7 (1850—1853), кн. Е. П. Оболенского (1839), А. И. Орлова (<1839>), Н. А. Панова 3 (1839—<1845—1846?>), И. С. Персина 7 (<1851>—1855), И. И. Пущина 2 (1854, <1850—1854>), А. С. Ребиндер (рожд. кн. Трубецкая) (<1854>), Г. М. Ребиндера 15 (б. д.), Н. Р. Ребиндера (б. д.), М. Ф. Рейнеке, с приписками А. А. Никольского 6 (1850—1855), баронессы А. В. Розен (рожд. Малиновская) (б. д.), бар. А. Е. Розена 2 (1833, 1845), И. И. Связева 2 (1848), А. С. Связевой (1851), И. С. Сельского 4 (1846—1854 и б. д.), А. П. Соколова, с приложением его же статьи «Замечания о Гангутской битве» (1852), К. П. Торсона 4 (1836—1839), кн. С. П. Трубецкого 4 (1846—1854), кн. Е. И. Трубецкой (рожд. гр. Лаваль) (<1839>), П. И. Фаленберга, с приложением плана дома П. И. Фаленберга

в с. Шуша (близ г. Минусинска) (1849), М. А. Фонвизина 2 (б. д.), Н. Д. Фонвизиной (рожд. Апухтина, во втором браке Пущина) 3 (б. д.), Н. М. Чихачова (1852), В. С. Шапошникова (<1839>), С. Ф. Шелковникова (1846), О. В. Эриксона 6 (1819—1825) и др. Всего 56 корреспондентов.

Деловые бумаги Н. А. Бестужева: материалы по баллотировке его в почетные члены Адмиралтейского департамента («Предложение» за подписью А. В. фон Моллера; протокол избрания, подписанный Ф. Ф. Беллинсгаузеном, И. Ф. Крузенштерном, Г. А. Сарычевым и др.; утверждение А. В. фон Моллера и др.), заверенные копии (1825); запрос гражданского губернатора Иркутской области А. В. Пятницкого селенгинскому городничему относительно печати, которой М. А. Бестужев запечатывал свои письма, и объяснение о принадлежности печати Н. А. Бестужеву, список рукой Н. А. Бестужева (1846).

5

Михаил Александрович Бестужев до 14 декабря 1825 г. ничего не напечатал. Но он также чувствовал в себе призвание к литературному творчеству, братья поддерживали его в этом.

В 1830-е годы Михаил Бестужев выступил с чтением ряда морских повестей на литературных вечерах, устраивавшихся еженедельно в каземате Петровского завода. Они имели большой успех в среде декабристов. В своих «Записках» Михаил называет только три из них: «Случай — великое дело», «Черный день» и «Наводнение в Кронштадте 1824 года». Судьба рукописей морских повестей печальна. В письме к М. И. Семеvскому от 24 декабря 1860 г. из Селенгинска Бестужев писал: «большая часть их погибла, другие стали искалеченные — без начала, без середины, без конца».³³

Среди рукописного наследия Михаила Бестужева хранится черновая рукопись повести «Черный день. (Морская сцена)». В тот же том (ф. 604, № 6) беспорядочно вплетен целый ряд черновых листов, исписанных его же рукой. После систематизации, изучения и сопоставления отдельных листов удалось получить связный текст, к сожалению далеко не полный. Несомненно, это сохранившиеся листы морской повести «Наводнение в Кронштадте 1824 года». В данном случае определить эти листы помогло название повести, из которого раскрывается ее содержание. Труднее дело обстоит с повестью «Случай — великое дело», так как нам неизвестно ее содержание.

В собрании П. Я. Дашкова в том, где находится рассказ Николая Бестужева «Отрывок из журнала флотского офицера 1815 года», вплетена рукопись морской повести, из которой сохранились только главы III и IV (без окончания). Всего 26 листов большого формата. Это переплетенная рукопись с правкой. Изучение почерка, а также содержание склоняют нас к мысли, что рукопись принадлежит Михаилу Бестужеву. Вполне возможно, что это отрывок повести «Случай — великое дело». В своих «Записках» М. Бестужев рассказывает, что у сестры Елены сохранились черновые отрывки названной повести «с некоторыми поправками брата Николая»;³⁴ и действительно, часть правки в нашей рукописи сделана рукой Н. Бестужева. Кроме того, М. Бестужев вспоминает именно эту повесть, когда рассказывает о мастерском чтении брата Николая.³⁵ В нашей же рукописи на полях размечена карандашом прямая

³³ Там же, стр. 432.

³⁴ Там же, стр. 285.

³⁵ Там же, стр. 292.

речь действующих лиц, по-видимому для особого выделения ее при чтении вслух. Вот краткое содержание данного текста. На рейде у датского берега, у города Эльсинор три корабля — русский, датский и английский. Два последних потрепаны вчерашней бурей. Русский корабль и его команда во главе с вахтенным лейтенантом, умело и четко маневрировавшая во время бури, привели в восторг датчан. Командир русского крейсера — капитан Сеславин, под его командой служит племянник лейтенант Евгений Тленский. Он и был вахтенным во время прошедшей бури. Евгений Тленский заинтересовался юной красавицей, испуганное лицо которой промелькнуло перед ним на датском корабле во время бури. Он едет на берег, но сначала заезжает на датский корабль, где знакомится с офицерами, которые восхищаются русским кораблем: его оснасткой, порядком на нем, ловкостью и смекалкой матросов и особенно действиями вахтенного офицера. Евгений и датский офицер Жорж Норберг подружились. Вместе они едут в Эльсинор. Оба попадают на обед к русскому консулу. Евгений знакомится там со вчерашней юной незнакомкой — Фанни Кларенс и ее дедом Грубером, которые оказываются большими друзьями Жоржа Норберга. Грубер — бывший моряк, устроил у себя дома музей, куда перетащил все, что можно было спасти и унести с корабля «Ахиллес», на котором он плавал. «Ахиллес» пострадал во время англо-датской кампании. В библиотеке Грубера собраны книги по истории датского флота. Музей и библиотека, дом и сад Грубера искренне восхищают Евгения. Юноша понравился старику. Фанни и Евгений полюбили друг друга. Происходит ряд недоразумений, так как датчанин Жорж не подозревает о чувстве Фанни к Тленскому, а компаньонка Фанни мисс Филингс, старая дева, думает, что она нравится Евгению. Влюбленные объясняются с помощью подчеркивания слов во французской книге и обмениваются кольцами. Они грустят из-за скорой разлуки. Перед уходом русского корабля на нем готовится торжественный обед, на который приглашаются Грубер с Фанни. На этом рукопись обрывается (ф. 93, оп. 2, № 21).

М. К. Азадовский писал: «Повесть „Случай — великое дело“ еще в шестидесятых годах находилась в Москве у Е. А. Бестужевой. К М. И. Семевскому она почему-то не попала и погибла вместе с той частью бестужевского архива, которая осталась у сестер после смерти М. А. Бестужева».³⁶

Обнаруженная нами рукопись находится в собрании П. Я. Дашкова, Семевский ее мог не видеть. Никто не обращал на этот отрывок внимания. Но, видимо, это и есть часть повести «Случай — великое дело».

Морские повести Михаила Бестужева не дошли до читателя. Из поэтических же его произведений известна только песня о Сергее Муравьеве «Что ни ветер шумит», написанная в Петровском заводе. Текст песни сохранился в записи М. И. Семевского и датирован им 1835 г. Долгое время авторство приписывалось Александру Бестужеву, и под его именем песня публиковалась даже в авторитетных советских изданиях. Эта песня входит в число лучших произведений декабристской поэзии.

Для понимания личности Михаила Бестужева большое значение имеет его тетрадь 1830—1835 гг. с самыми разными записями и выписками по истории, географии, экономике, статистике и литературе. Среди них: выписки из О. Барбье, В. Гюго, Э. Дешана, Б. Дюнуайе, П. Корнеля, Л. Тьера, из «Истории Петра Великого» В. Бергмана (перевод с немецкого. СПб., 1833); «Таблица <А.> Бальби по царствам животному и растительному»; скопированная им официальная переписка по по-

³⁶ Литературное наследство, т. 59. Декабристы-литераторы, I. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 713.

воду поездки в Сибирь М. К. Юшневской к мужу и П. Гебль к И. А. Анненкову. Здесь же стихотворения Г. С. Батенкова, П. С. Бобрищева-Пушкина, Н. В. Кукольника, кн. А. И. Одоевского, А. С. Пушкина, К. Ф. Рылеева и др. Необходимо отметить, что некоторые басни Бобрищева-Пушкина и стихотворения Одоевского дошли до нас только потому, что были в свое время переписаны М. Бестужевым. Так, басня П. С. Бобрищева-Пушкина «Кляча, Дрова и Дровни» была впервые опубликована В. Н. Орловым именно по списку М. Бестужева, но с ошибочным указанием, что он сделан Николаем Бестужевым.³⁷ Одоевский сам редко записывал свои стихи, многое из его поэтического наследия дошло до нас благодаря записям его товарищей. «Стихи на переход наш из Читы» в Петровский завод» также публикуются по записям в тетради М. Бестужева. Благодаря ему же окончательно установлено, что автором «Стихов, писанных при известии о польской революции», также является А. Одоевский.

Отдельно, не в тетради, Бестужев записал стихотворение Одоевского «Моему отцу» (<1836>), которое было опубликовано М. И. Семевским по этой рукописи в «Русской старине» (1875, № 9).

В упомянутой тетради находится также «Дневник путешествия нашего из Читы» в Петровский завод, охватывающий период с 7 августа по 23 сентября 1830 г. Михаил Бестужев вспоминает о подготовке к переходу: «Мы запаслись записными книжками, карандашами и перьями для записывания впечатлений — и все книги и бумаги пришли в Петровск безукоризненно чистыми».³⁸ «Дневник» составлен, видимо, сразу же по прибытии в Петровский завод. В основу его лег дневник барона В. И. Штейнгеля, записи которого частично пересказаны, частично приведены дословно. М. Бестужев расширил записи Штейнгеля, дополнив их своими заметками.

В другой тетради находятся заметки и записи М. Бестужева во время его поездки по Сибири и плавания по Амуру по делам Первой Амурской компании (1857—1858).

В архиве хранятся воспоминания М. Бестужева о брате Николае, написанные в виде примечаний к биографическому очерку М. И. Семевского «Николай Александрович Бестужев» (1860). Очерк не был разрешен к печати Главным управлением цензуры. Рукопись представляет собой цензурный экземпляр (рукой переписчика), с правкой, вставками и вычерками самого Семевского, а также с пометами цензоров и примечаниями барона В. И. Штейнгеля (синим карандашом). Рукопись биографии Н. Бестужева Семевский отправил в Селенгинск для просмотра к Михаилу Бестужеву, который читал ее друзьям, а потом отослал в Петербург вместе с тетрадью своих «Примечаний» (<1861>).

По мнению М. К. Азадовского, «в полной мере литературное дарование М. Бестужева раскрылось в его „Записках“, отдельные главы которых имеют вид своеобразных историко-художественных очерков».³⁹ Писались они не для печати. Это были ответы на вопросы М. И. Семевского, работающего над статьями о декабристском движении и декабристах. Первые вопросы Семевский послал сразу же после завязавшегося знакомства. Ответы на них датируются 1860—1861 гг. Рукопись «Ответов» Семевский в 1862 г. дал в Петербурге для прочтения барону В. И. Штейнгелю, который сделал на ней свои примечания.

«Ответы на вопросы, — писал М. Бестужев Семевскому 29 ноября 1860 г., — <...> Вы, может быть, прочтете в особом изложении, которое

³⁷ Декабристы. Составил Вл. Орлов. М.—Л., ГИХЛ, 1951, стр. 626.

³⁸ Воспоминания, стр. 154.

³⁹ Там же, стр. 622.

мне хочется написать под заглавием *Le mie prigioni*,⁴⁰ в подражание Сильвио Пелико». ⁴¹ Им было написано несколько глав, которые пришлось уничтожить в 1862 г. И только в 1869 г., после личного знакомства с Семевским, Бестужев возобновил работу над своими воспоминаниями. Замысел этот осуществлен был не полностью. В 1869—1870 гг. им был написан ряд дополнительных ответов. Таким образом, все выше перечисленное и составляет так называемые «Записки» Михаила Бестужева, содержащие как отдельные очерки и рассказы, так и отдельные ответы, примечания, замечания и справки. В архиве сохранились все названные нами рукописи «Записок».

Кроме того, в архиве имеется наборная рукопись, озаглавленная «Записки Михаила Александровича Бестужева в виде ответов на вопросы Михаила Ивановича Семевского», сделанная рукой переписчика, с правкой и примечаниями Семевского, а также с перенесенными им примечаниями барона В. И. Штейнгеля и несколькими примечаниями И. И. Свизева («1870-е годы»).

Среди бумаг сохранились записанные Семевским устные рассказы М. А. Бестужева во время их встреч в 1869 г. Многие из них трудно поддаются прочтению, так как записывать живую речь можно было наскоро, сокращая слова, не дописывая их. Некоторые записи опубликованы: частично они повторяют то, что было рассказано в «Записках», а иногда вносят какие-то новые штрихи, дополняющие уже известные факты.

М. Бестужеву принадлежит очерк «Буддийская космология», подписанный псевдонимом «О. Ковальский». Это результат пристального этнографического изучения местного бурят-монгольского населения. В 1858 г. в Петербурге вышло сочинение духовного писателя архиепископа Нила (Н. Ф. Исакович) «Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири». М. К. Азадовский дважды в своих работах говорил о том, что архиепископ Нил широко воспользовался данными очерка Михаила Бестужева (например, описанием священных обрядов). Знакомство их состоялось, по-видимому, тогда, когда Нил был архиепископом в Иркутске. Однако следует заметить, что М. К. Азадовский не видел самой рукописи Бестужева, считал, что она затерялась.⁴²

Несомненный интерес представляют два рисунка М. Бестужева, дополняющие его воспоминания. Выполнены они по просьбе М. И. Семевского, которому М. Бестужев писал по этому поводу 29 ноября 1860 г.: «Не знаю, удастся ли мне прислать просимый Вами вид нашего дома. Но я постараюсь. Уж не взыщите за работу». ⁴³ Назовем эти рисунки: 1) Дом братьев Н. и М. Бестужевых в Селенгинске; 2) Памятник на могиле Н. А. Бестужева.⁴⁴

Переписка Михаила Бестужева, по сравнению с перепиской братьев Александра и Николая, невелика. Он вообще писал мало, а из казематов предпочитал совсем не делать этого, чтобы не давать чиновникам III отделения возможности просматривать его личные письма. Большинство из писем к близким написано к сестре Елене.

Среди корреспондентов М. Бестужева два интимнейших его друга — И. Горбачевский и барон В. Штейнгель. Многие письма к нему разных лиц в 1855 г. написаны в связи со смертью Н. А. Бестужева.

⁴⁰ Мои тюрьмы (*итал.*).

⁴¹ Воспоминания, стр. 430.

⁴² Там же, стр. 778; Литературное наследство, т. 59. Декабристы-литераторы, I, стр. 731.

⁴³ Воспоминания, стр. 431.

⁴⁴ Подробное описание рисунков см.: М. Ю. Барановская. Декабрист Николай Бестужев. М., Гос. изд. культпросвет. литературы, 1954, стр. 240.

Письма М. А. Бестужева: к Александру II — отпуск (1866), Н. Г. Наквасину (1843), А. С. Связевой 3 (1842—1844), М. И. Семевскому 5 (1860). Всего 4 адресата.

Письма к М. А. Бестужеву: В. А. Бечаснова 3 (1842—1849), светл. кн. С. Г. Волконской 3 (1855), И. И. Горбачевского 2 (<1839> и б. д.), О. А. Дейхмана (<1855>), Д. И. Завалишина 5 (1857—1860), П. Э. Кларка (1860), Е. В. Пфаффиуса (<1856>), М. Ф. Рейнеке 2 (1855, 1856), бар. А. Е. Розена, одно с припиской баронессы А. В. Розен 2 (1855, 1856), кн. С. П. Трубецкого 2 (1855), бар. В. И. Штейнгеля 19 (1844—1859) и др. Всего 18 корреспондентов.

Из личных документов М. Бестужева имеется только патент на чин мичмана (1819).

6

Фонд мемуарной декабристской литературы кавказского периода менее богат, чем сибирского, поэтому особенно ценны «Памятные записки. 1828—1829 годы» Петра Бестужева, рассказывающие о пребывании ссыльных декабристов на Кавказе. Они дошли до нас не в полном своем объеме, на рукописи помечено «Тетрадь вторая», первая же не обнаружена.

Письма Петра Бестужева сохранились в незначительном количестве, большинство из них обращено к близким родным. Кроме них имеются еще письма к И. П. Жукову (1830), А. С. Связевой 2 (б. д.) и неустановленному лицу Михаилу Матвеевичу, в котором рассказывается о тяжелых условиях жизни Петра Бестужева на Кавказе, приведшие его в конце концов к психическому заболеванию.

Письма к Петру Бестужеву сохранились всего от трех корреспондентов: А. А. Бестужева 6 (1828—1829 и б. д.), Павла А. Бестужева (1832) и К. П. Торсона (<1823>).

В этом же фонде находится заверенная копия протокола освидетельствования умственных способностей Петра Бестужева в С.-Петербургском губернском правлении (1840).

В материалах архива нет ни одной творческой рукописи Павла Бестужева, хотя известно, что старшие братья находили его безусловно литературно одаренным и поэтому неоднократно в письмах призывали его к труду. Первый и единственный очерк Павла Бестужева был напечатан в одном из журналов за подписью Марлинского, что глубоко его обидело. Этот неблагоприятный поступок редактора, принесшего имя автора в жертву коммерции, навсегда отбил у него охоту к творчеству.⁴⁵

Адресатами Павла Бестужева являются его родные, и только одно письмо (черновое, неоконченное) обращено к А. О. Корниловичу (<1833—1834>).

Письма к Павлу Бестужеву: А. А. Бестужева 82 (1828—<1837>), М. А. Бестужева 5 (1839—<1844>), Н. А. Бестужева 38 (1835—1845), А. Потockого (1837). Всего 4 корреспондента.

В архиве сохранился формулярный список Павла Бестужева «о службе и достоинстве», заверенная копия (1840).

7

Среди небольшого числа рукописей Е. А. Бестужевой можно отметить «Некоторые подробности, служащие к биографии Ник<олая> Александровича Бесту<жева>» (<1860>), составленный ею список его сочинений (бывших и не бывших в печати) (б. д.), неоконченную черно-

⁴⁵ Воспоминания, стр. 700.

вую рукопись, содержащую биографические сведения о А. А. Бестужеве (<1860>), заметки о его письмах (б. д.). Кроме того, в архиве хранятся устные рассказы Елены Бестужевой в записи М. И. Семевского.

Письма Е. А. Бестужевой: к А. С. Свизевой (1851), И. И. Свизеву 5 (1849—1857), М. И. Семевскому 9 (1860—1861). Всего 3 адресата.

Письма к Е. А. Бестужевой: А. А. Бестужева 21 (<1820>—1836), М. А. Бестужева 40 (1841—1867), Н. А. Бестужева 46 (1836—1847), Павла Бестужева 2 (<1825, 1826>), Ф. В. Булгарина (1830), Д. Е. Васильевского (<1847>), Н. И. Греча (1832), Д. И. Завалишина 3 (1857—1858), Е. Д. Ильинской (рожд. Старцева) (<1845>), Н. В. Киренского (1851), С. А. Мудровой (в замуж. Лайкевич, с припиской А. Е. Лабзиной (рожд. Яковлева, в первом браке Карамышева) (<1826>), А. А. Никольского 3 (1850—1852), К. А. Полевого 4 (1833—1836), Н. А. Полевого 2 (1833), А. Н. Потапова (1826), И. И. Пущина 2 (1858), А. С. Ребиндер (1854), баронессы А. В. Розен (1855), И. И. Свизева 2 (<1852>), А. С. Свизевой 6 (1832—1851), Т. М. Свизевой (1867), Е. П. Торсон (1839), С. П. Хруцова (1838), М. К. Юшневской 3 (1832, 1834 и б. д.) и др. Всего 29 корреспондентов.

В архиве находится небольшое число писем, адресованных младшей сестре Бестужевых — Марии (род. между 1793—1796 — ум. 1889), некоторые из них обращены также к сестре Ольге: А. А. Бестужева 3 (<1822>—1828), М. А. Бестужева (1839), Н. А. Бестужева 9 (<1822>—1875), баронессы М. А. Боде (б. д.). Всего 4 адресата.

Ольга Бестужева составила сведения о роде и семействе Бестужевых (б. д.). Сохранилось также пять писем к ней брата Михаила (1839—1843) и два письма Николая (1840, <1843>).

8

Из бумаг А. Ф. Бестужева в архиве сохранились письма к нему Н. А. Бестужева 8 (1805) и С. А. Глухова 2 (1809, 1810). Кроме того, имеются еще три выданных ему аттестата об участии в боевых действиях против шведского флота (1788—1790).

Материалы П. М. Бестужевой состоят из писем к ней в основном ее сыновей: А. А. Бестужева 136 (<1815?>—1837), М. А. Бестужева 6 (1823—1842), Н. А. Бестужева 24 (1821—1846), Павла А. Бестужева 10 (1829—<1840>), Петра А. Бестужева 12 (<1824>—1832), Н. И. Селявина (1827), бар. В. И. Штейнгеля (1836). Всего 7 корреспондентов.

Надо отметить, что Александр Бестужев обращается к матери, но адресует свои письма и к сестрам, главным образом к сестре Елене.

В архиве Бестужевых находятся черновые рукописи М. И. Семевского, представляющие собой его записи устных рассказов разных лиц, а также различные выписки и заметки, собранные им для статей и публикаций о декабристах (1860—1869). Среди них: «Воспоминание о К. Ф. Рылееве Евгения Петровича Оболенского», «Рассказ В. И. Штейнгеля 7 мая 1869 г.», «Рассказы и заметки И. И. Свизева», «Воспоминание о Николае Александровиче Челищеве», «Выборка некоторых фактов из рукописной статьи Ипполита Иринарховича Завалишина 1869 г. <...> „Декабристы“...».

Непосредственное отношение к бумагам Бестужевых имеют: рисунок В. П. Ивашева «Петровский железный завод» (Дамская улица), с объяснительными подписями М. А. Бестужева и барона А. Е. Розена (<1831—1835>); нарисованный акварелью П. И. Фаленбергом план «Чита за Байкалом с временными острогами», с объяснительной подписью барона А. Е. Розена (<1827—1830>); «Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату» (1827—1828), записанные со слов

В. П. Колесникова бароном В. И. Штейнгелем в Петровском заводе в 1835 г., с его вступлением и примечаниями («Записки» были напечатаны М. И. Семевским в журнале «Русская старина» (1881, № 12 и 1882, № 1) прямо с данной рукописи, в которую им внесены исправления; здесь же его предисловие); стихотворение знакомой семьи Бестужевых баронессы М. А. Бодде «К домику в 14 линии» (там жили Бестужевы), список рукой М. А. Бестужева (<1843>).

Сюда же относится переписка следующих лиц, касающаяся семьи Бестужевых: К. П. Ивашева (рожд. Ле-Дантю) — М. К. Юшневской (б. д.); Е. Д. Ильинская — А. С. Свиязевой 2 (<1839>); М. А. Назимов — М. И. Семевскому (<1868>); иеромонах Палладий (П. М. Кафаров) — Д. З. Ильинскому (1841); К. А. Полевой — И. П. Жукову (1832); М. Ф. Рейнеке — А. А. Никольскому 2 (1849 и б. д.); бар. В. И. Штейнгель — М. Н. Бестужевой (рожд. Селиванова) (1858).

В архиве сохранились произведения разных лиц (в списках), которые собраны, как указывает М. И. Семевский, М. А. Бестужевым. Назовем некоторые из них: Н. А. Арбузов. «Врагам России» (1854); Ф. Н. Глинка. «Вот в воинственном азарте...» (<1854>); А. М. Жемчужников. «К Русским» (1854); А. С. Пушкин. «На выздоровление Лукулла. Подражание латинскому» (<1835>); И.-Х. Струве. «Жизнь Екатерины Второй императрицы всероссийской» (перевод на русский язык С. Адвиновского) (1798); Ф. Ф. Ушаков. «Журнал кампании вице-адмирала Ушакова в 1798-м и следующих годах» (1798); Д. И. Фонвизин. «Историческое известие о жизни графа Никиты Ивановича Панина» (<1786>).

При просмотре выше перечисленных рукописей становится ясно, что они не случайно попали в архив Бестужевых. Так, например, стихотворения Арбузова, Глинки и Жемчужникова, написанные в связи с Крымской войной, по своему патриотическому накалу были созвучны чувствам Николая и Михаила Бестужевых. Остальные рукописи раскрывают и характеризуют их живой и горячий интерес к настоящему и прошлому своей родины.

К. Д. Муратова

АРХИВ Ф. Д. БАТЮШКОВА

Федор Дмитриевич Батюшков (1857—1920), внучатый племянник поэта К. Н. Батюшкова, — историк западноевропейской и русской литературы, критик и литературно-общественный деятель.

Ф. Д. Батюшков окончил в 1880 г. историко-филологический факультет Петербургского университета и был оставлен при нем. В 1891 г. он получил звание магистра и стал штатным приват-доцентом Петербургского университета по романо-германской филологии.

В августе 1899 г. Батюшков покинул университет, продолжая читать лекции на Высших женских (бестужевских) курсах. Уход из университета был обусловлен тягостью Батюшкова «к интересам современной действительности»¹ и стремлением к критической деятельности. Вскоре он становится видным критиком, к его суждениям начинают прислушиваться.

Не была заброшена Батюшковым и наука. С 1900 г. он стал помощником редактора «Журнала Министерства народного просвещения», а в 1910-е годы возглавил издание «Истории западной литературы».²

Батюшков принимал активнейшее участие в литературно-общественной жизни начала XX в. Большой круг интересов обеспечил ему широкие связи с деятелями науки, журналистики, литературы и искусства.

После смерти Батюшкова архив его был передан родственниками в Рукописный отдел Пушкинского Дома. В разборе архива активное участие принимал академик Н. А. Котляревский. Позднее, в 1960 г., поступило небольшое добавление к нему от Е. Н. Батюшковой. В настоящее время архив Ф. Д. Батюшкова (фонд 20) содержит 882 единицы хранения.

Некоторое число материалов архива Ф. Д. Батюшкова поступило в Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ) (ф. 51, 34 единицы хранения), в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) (ф. 81, 23 единицы хранения).

1

Материалы архива позволяют проследить за развитием творческой деятельности Ф. Д. Батюшкова. В юношеские годы он пишет стихи и поэмы («Отшельник», «Султанша»), работает над трагедией «Вадим» (не закончена), ведет дневники. После окончания Петербургского университета начинается интенсивная научная деятельность, посвященная в основном изучению западноевропейской литературы и чтению курсов

¹ К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн. Материалы Всероссийской научной конференции в Устюжне. Вологда, 1968, стр. 113.

² История западной литературы (1800—1910). Под ред. Ф. Д. Батюшкова. При ближайшем участии Ф. А. Брауна, Н. А. Котляревского, Д. К. Петрова, Е. В. Аничкова и К. Ф. Тиандера. Тт. 1—3. М., «Мир», 1912—1914.

всеобщей литературы и литератур отдельных стран в Петербургском университете и на Высших женских курсах.

В архиве хранятся:

черновые рукописи и наброски статей и лекций по языкознанию: «Современное направление языкознания. (Новограмматическая школа)», «Введение в провансальскую грамматику», вступительная лекция к курсу провансальского языка и литературы и др.;

черновые материалы в связи с изучением исландской, немецкой, итальянской, испанской, провансальской и французской литератур, в том числе наброски лекций по отдельным вопросам и темам («Песнь о Роланде», «Рыцарские романы», «Происхождение драматической литературы во Франции», «Романский национальный эпос», «Немецкий эпос», «Романское влияние на немцев», «Ронсар и плеяда» и др.);

литографированный курс «Начало французской литературы — первый период, с IX по XIII в. Общий обзор памятников духовной поэзии» и литографированные программы (5) курсов, читаемых Батюшковым в университете по всеобщей и французской литературе;

черновые материалы и наброски для «Курса по истории поэтик», прочитанного в 1901—1902 гг. на Высших женских курсах, черновая рукопись курса «Из истории романа», прочитанного там же, и «Темы для рефератов»;

материалы и наброски, относящиеся к диссертации Батюшкова «Спор души с телом в памятниках средневековой литературы» и к работе «Сага о Финнбоге Сильном»;

рукописи рецензий на ряд книг по зарубежной литературе, которые были затем опубликованы;

рукописи статей «К вопросу о национальности в науке», «О значении и задачах филологии как цельной системы знания», «Кальвин и Монтэн», «Рабле — сатирик и утопист» и др.; статьи об истории кафедр всеобщей литературы в русских университетах, об образовании Романо-германского отделения Филологического общества при Петербургском университете, о Неофилологическом обществе.

В архиве сохранились сделанные Батюшковым отчеты о рефератах, прочитанных в Филологическом обществе по романо-германской филологии, и печатные сведения о его заседаниях.

В 1900—1910-е годы Батюшков уделяет основное внимание русской литературе. Многие его рукописи, беловые и черновые, посвящены творчеству писателей XIX—XX вв. Батюшков писал о В. Гаршине, М. Лермонтове, Н. Некрасове («Импрессионизм в творчестве Некрасова» и др.), А. Островском, Л. Толстом («Вечер у Толстого», «Из встреч с Л. Н. Толстым», «Три афоризма Толстого об искусстве» и др.), И. Тургеневе («Тургенев-западник», «Народные рассказы Тургенева в связи с литературой о деревне и крестьянине на Западе»), П. Якубовиче. Полемике с П. Якубовичем (Гриневичем) посвящена неопубликованная статья о «Заметках читателя», появившихся в «Русском богатстве» (1900, № 4).

Из писателей нового века внимание критика привлекали Л. Андреев, М. Горький, В. Короленко, А. Куприн, А. Сумбатов-Южин, К. Бальмонт, В. Брюсов, Д. Мережковский, Ф. Сологуб и другие авторы.

Сохранилось пять неопубликованных отзывов Батюшкова 1907—1911 гг. о произведениях, представленных на соискание Пушкинской премии, но не заслуживающих, по его мнению, поощрения. Это «Повести и рассказы» (тт. 2—3) Б. Лазаревского, переводы Н. Б. Хвостовым произведений Ф. Коппе, «Стихотворения» С. Сулина, «Прелюдия творчества» Р. Viola (Пихно), «Рассказы» А. Ярошко.

Ряд статей носит незаконченный характер, некоторые из них только начаты («Мой критерий», «От Гоголя к Горькому. Из истории эволюции реалистического романа», «В стране мертвых. По поводу Маринетти», о Поль де Коке, о романе Лилиан Белл и др.). Сохранились дополнительные материалы к статьям о современной русской литературе, опубликованным в 1906 г. в газете «Речь».

В годы первой мировой войны Батюшков готовил к изданию сборник «Отклики и веяния войны», куда должны были войти его газетные статьи.

Особенно много писал Батюшков о В. Г. Короленко. В 1913—1919 гг. он работал над книгой о писателе, вышедшей в свет уже после смерти критика.³ В основу ее легли ранее опубликованные статьи об авторе «Сна Макара». Батюшков хранил некоторые рукописи Короленко — «О Глебе Ивановиче Успенском», «Последний луч», «Мороз», «Феодалы», «Дом № 13», отрывок из «Истории моего современника» (Житомирская гимназия. Отъезд), а также копию очерка «Искушение», правленную и подписанную Короленко (дата в конце рукописи «31 сент. 1894»; в начале рукописи дарственная надпись: «На добрую память Ф. Д. Батюшкову от автора 8 мая 1899 г.»), копию рассказа «Чудная», сделанную самим Батюшковым, с пометой Короленко и его подписью, и другие материалы.

Короленко сделал пером портрет Батюшкова; тому в свою очередь принадлежат три портрета Короленко (карандаш) и иллюстрация к рассказу «Чудная».⁴

После 1917 г. Батюшков продолжал свою критическую деятельность (см., например, статью «Гуманизм и революция», вызванную выступлениями в печати А. Блока и Вяч. Иванова, статьи-некрологи «Памяти Г. М. Князева», «В. А. Беклемишев», статью о пребывании в Даниловском в 1918 г. и др.).

Помимо книги о Короленко, Батюшков готовил в последние годы жизни книгу «Около талантов» (№ 15.780), в основу которой легли ранее написанные воспоминания. В книге 12 этюдов:⁵ «В семье Майковых. — Влад<имир> Серг<еевич> Соловьев. — На банкете в Болонье с Карлудчи. — Интеллигентская душа (Вс. М. Гаршин). — Вечер у Л. Н. Толстого. — Две встречи с А. П. Чеховым. Переписка с ним. Общая характеристика. — Репин как иллюстратор Чехова и Горького. — М. Г. Савина. (Ранние и поздние воспоминания). — М. Горький на пороге славы. — Свидание с Н. Ф. Анненским „под арестом“. — Стихийный талант (А. И. Куприн). — Приезд Верхарна в Петербург. Верхарн как поэт-лирик».

Батюшков предполагал вначале включить в книгу воспоминания об А. Н. Веселовском и Л. Андрееве («Несколько штрихов»). Воспоминания о первом (№ 15.711) были отданы им, по свидетельству Н. А. Котляревского, А. А. Шахматову для включения в сборник о Веселовском, но сборник этот (Памяти акад. А. Н. Веселовского. Пгр., 1921) вышел без раздела воспоминаний. Воспоминания же о Л. Андрееве в архиве отсутствуют и, возможно, не были написаны.

³ Ф. Д. Батюшков. В. Г. Короленко как человек и писатель. М., «Задруга», 1922, 124 стр.

⁴ В настоящее время материалы эти переданы на хранение в музей Института русской литературы. Туда же переданы другие портреты, сделанные Батюшковым (22), среди них портреты П. Вейнберга, И. Потапенко, А. Потехина. В архиве Батюшкова хранятся рисунки гимназических лет и 1880-х годов (№№ 15.550, 15.551).

⁵ Воспоминания «Вечер у Л. Н. Толстого» опубликованы с комментариями П. П. Ширмакова в журнале «Русская литература» (1963, № 4); воспоминания «Стихийный талант» вошли в кн.: К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн. Вологда, 1968. Этуд «В семье Майковых» включает воспоминания и о семье Бекетовых.

Сборнику «Около талантов» предпослано вступление «Вместо предисловия», в котором Батюшков раскрывал свою жизненную позицию: «никого не заслонять, а наивозможно выдвигать других, помогая полному выявлению их индивидуальности, направленной к положительным идеа-

— Помните, не прощенье важно, — только признательность

Иллюстрация Ф. Д. Батюшкова к рассказу В. Г. Короленко «Чудная». 1899 г.

лам». Такая жизненная позиция делала Батюшкова желанным членом различных литературных обществ и содружеств.

В 1919 г. М. Горький привлек Батюшкова к работе в издательстве «Всемирная литература», но это не нашло отражения в материалах его архива.

По материалам архива и библиотеки Пушкинского Дома Н. А. Котляревский составил далеко не полную библиографию трудов Батюшкова (№ 15.669).

2

Среди корреспондентов Ф. Д. Батюшкова (их около 450) первое место занимают литературоведы и критики. В архиве хранятся письма: Е. В. Аничкова 34 (1889—1911), А. А. Бобринского 37 (1882—1914), Ф. А. Брауна 18 (1885—1912), З. А. Венгеровой 4 (1897—1914), Александра Н. Веселовского 182 (1880—1904), Е. М. Гаршина 8 (1884—1913), К. Ф. Головина 3 (<1898—1902>), А. Г. Горнфельда 3 (1904—1911), Л. Я. Гуревич 5 (1902—1911), Ф. Ф. Зелинского 2 (1915), Г. М. Князева 5 (1884—1913), В. Д. Комаровой (псевд. В. Каренин) 15 (1897—1911), Н. А. Котляревского 4 (1900—1910), В. И. Ламанского 3 (1885—1904), Р. О. Ланге 41 (1881—1899), Л. Н. Майкова 6 (1870-е—1900 г.),

П. Мейера 2 (1891), Н. К. Михайловского 5 (1900-е годы), С. Ф. Ольденбурга 12 (1888—1906), А. А. Павловского 18 (1882—1896), Д. К. Петрова 4 (1898—1914), Г. В. Плеханова 5 (1911—1915; к письмам приложено письмо Плеханова к М. Я. Фитерману — 1913),⁶ Вл. С. Соловьева 3 (1898—1899), Н. И. Стороженко 20 (1891—1903), К. Ф. Тиандера 12 (1897—1913), Фарнгагена 9 (1889—1891), Д. В. Filosofova 2 (1915—1917), К. И. Чуковского (1909) и др.

Наиболее оживленный обмен мнениями с коллегами по изучению западной литературы Батюшков вел в 1880—1890-х годах. Остановимся на некоторых переписках.

Письма Р. О. Ланге (№ 15, 146) относятся ко времени его работы за рубежом (Франция, Англия, Германия) над магистерской диссертацией и подготовки к преподавательской деятельности. Переписка эта хорошо отражает настроения молодого научного работника, увлеченного своим трудом, но в то же время нередко переживавшего острое недовольство собою. Письма 1881—1885 гг. красноречиво говорят о трудном научном становлении Ланге, о его научных увлечениях и разочарованиях.

Вначале он несколько беспечен, заграничная жизнь увлекает его. Но постепенно, с расширением круга занятий, Ланге начинает задумываться над тем, как следует изучать мировую литературу, и над необходимостью большей специализации в этой области. При этом все письма его пронизывает огромное уважение к А. Н. Веселовскому как ученому и учителю.

Ланге был занят изучением романских языков, но после чтения трудов английских философов это уже не удовлетворяет его. 26 апреля 1883 г. он пишет Батюшкову: «<...> во мне пробуждаются интерес и потребность в общих идеях и вопросах. Перед такими вопросами изучение фонологий и морфологий etc угрожает безвозвратно скрывается в ненавистном прошлом. Я чувствую, что все подготовительное время, все дорогие годы университетские и последнее время пропали на ложном, или по крайней мере слишком одностороннем, пути к свету; и часто я себе предлагаю вопрос: не слишком ли поздно переломить себя? Таких интересов, какие появились у меня теперь под влиянием великих Британцев, я прежде не подозревал. Не знаю, кого и что винить, во всяком случае искренне пристаю к твоим словам, в которых ты выражаешь свою глубокую благодарность нашему дорогому Ал<ександру> Ник<олаевичу>. Я иногда спрашиваю себя, а что случилось бы, не попади я в руки этого незабвенного Веселовского?

Для того чтоб достойно отнестись к своей науке, так, как я это теперь понимаю, нужны страшные знания и страшное самостоятельное мозговое развитие».

Об увлечении английскими философами говорится и в письме от 24 июня 1883 г.: «Главное внимание обращено на английскую лит<ературу>, в особенности на англ<ийскую> философию. Я успел сильно увлечься ею и сменил давно уже высокомерное отношение к британским способностям на полное поклонение. Необходимость, безусловная необходимость в философском развитии и в общем чтении критиков и живых великих творцов и писателей выдвигается у меня с каждым часом неумолимо и приводит меня в лихорадочное состояние, сопровождаемое всеми его обычными последствиями».

В декабре этого же года Ланге сообщает об усиленном изучении историй литературы, и прежде всего испанской, с «забегами» в литературы

⁶ Четыре письма Г. В. Плеханова к Ф. Д. Батюшкову опубликованы в журнале «Знамя» (1956, № 12). Они связаны с сотрудничеством Плеханова в издании «Истории западной литературы» (статья «Утопический социализм XIX века»).

Исландии, Англии и других стран. Внимание молодого ученого теперь привлекают средние века. 16 декабря он пишет: «Вообще я рано осудил средние века в свое время: они столько дают прелестного, а в интересах эрудиции бесценного, что я их полюбил от всей души. Может быть, симпатии поубавятся с ближайшим знакомством с новым периодом, во всяком случае я на них более не сержусь».

Продолжая скитания «по великому царству всеобщей литературы» (14 января 1884 г.), Ланге все более убеждается в том, как обширна избранная им отрасль знания и что ее необходимо как-то ограничить. 14 марта 1884 г. он пишет Батюшкову: «Как у нас поставлены требования к нашей науке в лице Алекс<андра> Ник<олаевича>, они все более становятся в моих глазах неисполнимыми. Лучшие годы уходят на черную работу, а ей конца не предвидится». Отметив, что в Германии наблюдается большее деление по специальностям, Ланге пишет: «Есть германисты и романисты, есть слависты и историки искусств, есть лингвисты наконец, — но чтоб от одного человека требовали объединения всех этих премудростей в едином лице, мыслимо ли это у милых немцев. А посмотри, наша кафедра „Всеобщей литературы“ что такое? Всего понемножку, а ничего самостоятельного, своего. Увлечешься новой филологией — глядь, Скандинавия остается за бортом; позаймешься Скандинавией, на что потребовались бы уже годы, — там Испания, Италия <...>

Лихорадка не покидает вследствие этого ни на минуту, а о серьезных плодах при ней и думать нечего».

В ноябре 1885 г. Ланге сообщает, что, начав с занятий романскими языками, он теперь превратился неожиданно для многих в германиста. Он приветствует возникновение Романо-германского общества (1884 г.) и желает, чтобы дело, блестяще начатое А. Н. Веселовским, не заглохло.

Молодые ученые, командированные за границу, посещали лекции известных профессоров, стремясь пополнить свои знания и вместе с тем изучить систему преподавания в зарубежных учебных заведениях. Этим вопросам посвящены многие письма корреспондентов Батюшкова.

Так, Ф. А. Браун (№ 15.024) писал ему 14 (26) января 1887 г.: «Вы мне завидуете, что я „сйжу у ног Г<астона> Париса“. Лекции его действительно очень хороши как по содержанию, так и по внешности. Сам он человек крайне симпатичный, ласковый и любезный; одним словом, это — офранцуженный Александр Николаевич».

Сообщая, что, кроме Г. Париса, он слушает также П. Мейера, Браун сетует на недостаточную библиографическую оснащенность их лекций. Лекции же других профессоров, на которых он «по любопытству бывал», вызывают следующую оценку: «все больше фельетончики, отлично написанные, дающие превосходный обзор, и только!» (№ 15.024).⁷

Близки по тематике к письмам Р. О. Ланге и Ф. А. Брауна заграничные письма А. А. Бобринского (№ 15.015). Все это люди общих интересов. В письмах Бобринского обсуждаются задачи преподавания западноевропейских литератур, деятельность Романо-германского общества и т. п. В них затрагивается также вопрос о недооценке французскими учеными трудов А. Н. Веселовского.

Письма Д. К. Петрова (№ 15.188), приехавшего в 1898 г. в Париж для занятий по средневековой литературе, в свою очередь говорят о французских ученых.

⁷ В 1889 г. Ф. Д. Батюшков опубликовал в «Журнале Министерства народного просвещения» (№ 8) статью «Заметки о преподавании романской филологии и французской литературы в Париже», в которой высказывал суждения, близкие к суждениям Ф. А. Брауна.

Особо значима переписка с Александром Н. Веселовским (№ 15.041), раскрывающая не только личные взаимоотношения крупнейшего ученого и его первого ученика,⁸ но и состояние филологической науки того времени. Веселовский (переписка особенно интенсивна в 1880-е годы) писал о своей научной и преподавательской работе и работе Батюшкова, об университетских делах, о Романо-германском обществе («С Вашим отъездом, — читаем в письме от 12 марта 1888 г., — в нашем кружке стало как-то пусто, пусто, и на последнем четверге был(и) только Ланге и Бобринский, все время толковали о нашем обществе и о мероприятиях, необходимых для его материального преуспевания»). В письмах давались оценки русским и зарубежным ученым и прочитанным книгам. 3 мая 1887 г. Веселовский писал о Г. Брандесе: «От Брандеса как лектора я ожидал большего; как писателя я его невысоко ставлю: он красиво оперирует мелким анализом, но шаблонен и не в меру любит светотень».

Письма раскрывают своеобразие и целенаправленность научного мышления Веселовского. Так, 20 августа 1889 г., сообщая, что он прочел летом «довольно много из новейших французских романов реальной школы», Веселовский писал: «Вы, пожалуй, этому не поверите, я прочел даже с карандашом в руках.⁹ Сначала для поэтики, а потом и так. Завлекли меня вопросы психологии и вопросы стиля». Давая оценку «Ученику» П. Бурже («Bourget я вообще люблю»), Веселовский сообщал, что не совсем доволен этим романом, так как в постановке вопросов здесь много «деланного, искусственного». В то же время Веселовский отмечал, что Бурже сделал мимоходом «много тонких наблюдений и несколько превосходных сцен». Роман Бурже был сопоставлен с романом Э. Золя «Мечта». А далее в письме делалось обобщение. «Заметили ли Вы, — спрашивал Веселовский, — особенности эпитетов и метафор у парнографов¹⁰ и реалистов романа, стремление соединить в слове, характеризующем образ, возможно более впечатлений зрения, слуха и т. д.; сконцентрировать впечатление в одной черте, близкой к абстракции. La gaieté blonde вместо веселой блондинки, ведь это почти аллегория из Roman de la Rose. Тема для сообщения в Германо-романском обществе».

Свою признательность Веселовскому как старшему другу Батюшков раскрыл в статье «Александр Николаевич Веселовский. Опыт характеристики на основании писем и личных воспоминаний» (№ 15.711).

Сохранилась большая переписка с Л. Н. Майковым (№ 15.157), внимательно следившим за научными успехами Батюшкова, который стал бывать в его доме еще будучи студентом.¹¹ С Батюшковым Майкова связывала и работа в «Журнале Министерства народного просвещения». Молодой ученый не раз обращался к Майкову за советом. Так, в 1897 г. тот писал ему о возможности публикации писем Аксаковых в журнале «Cosmopolis».

Переписка с Л. Н. Майковым — пример живого обмена мнениями. В 1899 г. между друзьями вспыхнула полемика по поводу работы А. Горнфельда «Муки слова». В письме от 25 октября Майков дал отрицательную оценку этой работе, но Батюшков счел ее несправедливой.¹² 28 октября Майков (письмо Батюшкова приложено к его ответу) вновь подтвердил свой отзыв.

⁸ Письма Ф. Д. Батюшкова к А. Н. Веселовскому хранятся в архиве Веселовского (ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, №№ 111—113).

⁹ Ф. Д. Батюшков говорил в своих воспоминаниях, что А. Н. Веселовский был совершенно равнодушен к современной литературе.

¹⁰ В данном случае — натуралистов.

¹¹ Ф. Д. Батюшков посвятил Л. Н. Майкову статью «Гуманист-академик» («Мир божий», 1900, № 6) и воспоминания «В семье Майковых» (№ 15.780).

¹² Ф. Д. Батюшков выступил в печати с оценкой работы Горнфельда («Журнал Министерства народного просвещения», 1900, № 2).

Письма устанавливают малоизвестный факт из биографии М. Горького (он не отмечен в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького» (т. I. М., 1958)). Вице-президент Академии наук Л. Н. Майков был председателем Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам. Горький в ноябре 1898 г. воспользовался этой помощью при посредничестве Батюшкова, высоко ценившего его талант.¹³ В следующем году Горький впервые приехал в Петербург. 14 октября 1899 г. Батюшков просил Майкова принять Горького, который хотел поблагодарить его за оказанную ему помощь. «Мне лично Горький очень нравится, — писал Батюшков. — При всем недостатке воспитания природный ум и талантливость чрезвычайно к нему располагают. Он поразил меня даже сравнительной начитанностью по различным отраслям знания, при этом приобретенные вразброд сведения укладываются довольно стройно. Суждения его оригинальны, часто метки и почти всегда обличают недремлющую, пытлившую мысль, которая не успокаивается на готовых формулах» (ф. 166, № 190). 15 октября Майков написал Батюшкову, что Горькому не следует приходить к нему с благодарностью. Свидание, видимо, не состоялось.

Имя Горького встречаем и в других письмах к Батюшкову (баронессы В. И. Иксуль, переводчика Д. Роша, художницы В. П. Шнейдер).

В 1890-е годы переписка Батюшкова с коллегами начинает ослабевать. Он встречается с ними в университете и на различных заседаниях, посвященных литературе. В 1900-е годы, когда Батюшков покинул университет, темами переписки служат главным образом текущие литературные дела и сотрудничество в изданиях, редактируемых им. Так, на предложение Батюшкова написать для журнала «Мир божий» рецензию на социал-демократический сборник «Очерки реалистического мировоззрения» (СПб., 1904) Е. В. Аничков отвечает отказом. Экономические статьи не вызвали у него возражения: «Народничество у меня давно отсохло, и теперь больше, чем когда-либо. Итак, сам сборник бранить не хочется и против него не хочется выступать» (№ 14.994, лл. 58—59). Не приемлемыми для него оказались статьи В. Фриче «Социально-психологические основы натуралистического импрессионизма», В. Шулятикова «Восстановление разрушенной эстетики» и А. Луначарского «Основы позитивной эстетики». Аничков называет их вздором, о котором писать не хочется. Но уже в следующем письме критик, отказывая в серьезной постановке вопроса Фриче и Шулятикову, выражает желание ответить Луначарскому и излагает свои возражения (л. 60).

¹³ Хлопотам Ф. Д. Батюшкова о пособии предшествовало его письмо Майкову от 13 октября 1898 г.: «Глубокоуважаемый Леонид Николаевич, Ужасно мне хочется, чтобы Вы прочли прилагаемый, еще неизданный, очерк Горького («Читатель», — К. М.), за которого, как я слышал, Вы принялись. Хоть прилагаемый „Разговор с читателем“ и появится в свет через две недели, но я не могу дожидаться срока, чтобы, так сказать, на более законном основании спросить Ваше мнение. По вечерам мне все не удавалось быть у Вас, заходил днем, не застал — быть может, к лучшему для Вас. А отчасти и для непосредственности Вашего впечатления, ибо я не утерпел бы и рассказал Вам, как эта скромная вещица, ценная главным образом лишь по чистосердечию и искренности автора, вкладывающего свои думы и мысли, послужила поводом к весьма резкому расколу между разными литераторами, а заодно и я, читавший реферат о Горьком, был невольной причиной или, вернее, поводом остракизма Боборыкина по настоянию Кони! Это уже смешная сторона дела; серьезная в том, что Горький очень одинок со своим образом мыслей, что, отстаивая свою независимость, он попал под перекрестный огонь двух партий и в конце концов действительно „ищет опоры от темных сил жизни, ищет и не находит“, как говорит один из его героев. — Но, решившись ничего Вам не рассказывать заранее, я начинаю болтать; остановившись и извиняясь, если докучаю, прошу не обесудить, если невольно мои мысли обращаются к Вам в литературных конфликтах. В конце недели надеюсь зайти к Вам вечером; если не успеете прочесть — это, конечно, все равно, я сам не мог откладывать дальше. Искренне уважающий и преданный Вам Ф. Батюшков» (ф. 166, № 190).

Оживление в переписку с научными работниками вносит издание «Истории западной литературы. 1800—1910», осуществляемое под редакцией Батюшкова. Желая довести историю развития зарубежной литературы до современности, Батюшков предполагал проследить за истоками современной литературы. Выдвигалась также задача охарактеризовать международные литературные связи.

Замысел истории европейской литературы, осуществляемой под новым углом зрения, заинтересовал исследователей. Они охотно откликнулись на предложение принять участие в этом издании. Е. В. Аничков ответил Батюшкову большим письмом, в котором разъяснял, что значит для славян «европейская» литература: «Пишу тебе как пылкий западник и славянофил в то же время. Не удивляйся. Таков я есть. Все мое развитие шло антитезами, и я, наконец, уверовал в то, что это единственный верный путь» (№ 14.994, лл. 64—65). Аничков говорил о том, какой должна быть, по его мнению, история европейской литературы, и развивал ее программу. Наряду с учеными Батюшков привлек к написанию «Истории западной литературы» писателей — В. Брюсова (статьи об А. де Виньи, А. де Мюссе и Э. По) и Вяч. Иванова (статья о Гете). То был первый опыт содружества ученых и писателей. Опыт оказался удачным. К такому же содружеству прибег и С. А. Венгеров, создавая для того же издательства коллективную историю литературы XX в. (Русская литература XX века, тт. I—III. М., «Мир», 1914—1918).

Батюшков прислал Ф. А. Брауну на просмотр гранки статьи Вяч. Иванова о Гете. 23 июня 1912 г. Браун сообщил редактору свое мнение о статье. «Я прочел ее, — писал он, — с живейшим интересом и нахожу, что она очень, очень хороша, она действительно пережита. При этом превосходно, умело скомпанована, прекрасно, с подъемом написана. Одним словом, она во всех смыслах хороша. Единственное возражение, которое можно сделать, это то, что для среднего читателя, не знающего Гете или плохо его знающего, она несколько витиевата, неясно написана. Боюсь, что этот средний читатель не поймет и не узнает, кто был Гете, а выведет только заключение, что Гете очень умный человек и что Вячеслав Иванов тоже очень умный человек. Мне кажется, что, чтобы понять Иванова, надо уже знать Гете. Но это, пожалуй, и не беда» (№ 15.024).

Браун нашел в статье Иванова две неточности, которые предлагал исправить. «Остальное все верно. Против частных можно бы возражать (напр<имер>, против изображения религиозной концепции Гете). Но это уже по существу. И все так смело и красиво, и хорошо, что не хочется менять ни одного слова».

Ф. А. Браун выражал опасение: «Рядом со статьей Иванова статьи других покажутся бледными, в частности моя. Она совсем в другом духе задумана и проведена. Изложение не догматическое, как у Иванова, а историческое, а потому гораздо менее красочное. Ну, да все равно. Менять я ничего не буду. К тому же думаю, что статья в духе Иванова о романтиках была б уже вполне ударом по воде. Ибо кто у нас знает романтиков? Кто хотя бы читал Новалиса? Наконец, и задача моя иная: там цельная крупная фигура, которую можно и нужно было трактовать как нечто цельное, а здесь группа разнороднейших фигур — и ни одной, дозревшей до величины. Все же я постараюсь дать и общую характеристику, которая их объединит и подчеркнет важный исторический момент. Не знаю, удастся ли».

Но уже на основании этих двух фактов (т. е. Иванова и меня) можно себе представить, какой калейдоскоп точек зрения и стилей будет в конце концов в нашем сводном труде. Он выйдет, я думаю, страшно интересным не только исторически, но и методологически.

Несомненно, однако, будут и курьезы — в смысле диаметрально противоположных взглядов и оценок, и *внимательный* читатель не раз, вероятно, остановится в недоумении перед той или иной фразой, говорящей совсем не то, что он читал о том же за 10 страниц до этого».

В следующем письме, от 13 августа 1912 г., Браун сообщал о работе над статьей «Немецкий романтизм» и ее трудностях. «Вы, господа, возложили на меня, — писал он, — кажется, самое трудное, — своего рода научный и стилистический фокус. Удастся ли он мне? Боюсь, что не совсем».

Посылая 16 (29) августа первую часть своей работы, Браун писал Батюшкову: «Изложение здесь доведено до момента выяснения романтической идеи <...> За подробное изложение генезиса и нарастания романтической идеи не сердись. Иначе, по-моему, нельзя. Этого не было сделано ни у нас, ни на Западе, и будет очень полезно для всех дальнейших частей книги».

О работе над статьями для «Истории западной литературы» писал также К. Ф. Тиандер (№ 15.229). Д. К. Петров, сообщая о своей занятости, предлагал привлечь к написанию статьи об испанской литературе молодого приват-доцента А. А. Смирнова (№ 15.186).

В 1900-х годах Батюшков активно выступает как критик, однако длительного и дружеского общения с современными критиками у него не установилось. Переписка с ними затрагивает главным образом текущие литературные и издательские дела, а также дела, связанные с Литературным фондом, в Комитет которого входил Батюшков. Ценность этих писем в воссоздании своеобразной летописи литературной жизни и отражении возникавших в те годы споров. Одним из примеров может служить письмо К. И. Чуковского.

24 сентября 1909 г. К. И. Чуковский выступил в Литературном обществе с докладом о Вс. Гаршине, который вызвал шумные прения. Часть выступавших говорила, что Чуковский написал не критическую статью, а хлесткий фельетон. Среди выступавших был и Батюшков. В сообщении о заседании Литературного общества указывалось: «Успокоил страсти председатель Анненский, заявивший, что Литературное общество дает всем направлениям высказаться» («Одесские новости», 1909, 29 сентября).

Батюшков, однако, не успокоился, выступив с критикой позиции докладчика на страницах газеты «Речь».¹⁴ Отметив талантливость Чуковского, Батюшков в то же время осудил его за исключительное тяготение к анализу художественной формы и стилистических неудач писателя. Статья призывала к изучению духа произведений Гаршина.

Уязвленный выступлением Батюшкова, Чуковский откликнулся на него письмом от 30 сентября 1909 г. (№ 15.253):

«Многоуважаемый Федор Дмитриевич, Вы совершенно правы: я заблуждался, думая, что мои заметки о Гаршине и о Короленко¹⁵ суть характеристики; это, как выражался Успенский, „арабески, не более“.¹⁶ Но их особенность такова: чуть только Вы их признаете, очень многое в характеристике писателя поколеблется, и как бы булавочны ни были мои „изыскания“, они (для меня, по крайней мере) очень часто опровергают самые широкие утверждения. «Мой „метод“ — метод бездушного копания в „словах“ — может быть, и чреват недостатками, но, во-первых, он — естественная реакция против того метода, который, не вникая „в слова“,

¹⁴ Ф. Д. Батюшков. К современным приемам «переоценки» ценностей. — «Речь», 1909, № 267, 29 сентября.

¹⁵ Статьи К. И. Чуковского «В. Короленко как художник» и «О Всеволоде Гаршине. (Введение в характеристику)» опубликованы в журнале «Русская мысль» (1908, № 9 и 1909, № 12).

¹⁶ Имеется в виду заглавие и суть очерка Г. Успенского «Арабески, не более» (Г. Успенский. Полное собрание сочинений, т. 1. Л., Изд. АН СССР, 1952).

а ища одной только „души“, признавал писателями (и крупными) таких особ, как Вербицкая, Лукьянов, П. Я. и др.,¹⁷ а во-вторых, разве я держусь только этого метода? Неужели фельетон о Чюминой¹⁸ написан не тем же пером, чем статья о Гаршине? Неужели в моей статье нет любви, любви, любви? Ваш Чуковский».

С ответом Батюшкову Чуковский выступил и в печати.¹⁹

Писатели и переводчики — вторая многочисленная группа корреспондентов Батюшкова.²⁰ В архиве хранятся письма: Л. Н. Андреева (1908), К. Д. Бальмонта 2 (1903—1907), Л. Белл 4 (1898), А. А. Блока 2 (1910), П. Д. Боборыкина 3 (1891—1906), В. Я. Брюсова 3 (1914), Поля Валери 4 (1898), П. И. Вейнберга 23 (1900-е годы), Н. Г. Гарина-Михайловского 2 (1897, 1898),²¹ В. М. Гаршина (1886),²² З. Н. Гиппиус 2 (1890-е годы), М. Горького 12 (1898—1902),²³ В. Г. Короленко 168 (1898—1920),²⁴ А. И. Куприна 143 (1902—1915),²⁵ А. А. Лугового (Тихонова) 22 (1897—1912), Д. Н. Мамина-Сибиряка 2 (1897), Д. С. Мережковского 5 (1902—1911), Н. М. Минского 2 (1911, 1912), А. С. Найденова (1917), А. А. Потехина 4 (1900—1903), Д. Рощ 41 (1898—1903), М. Л. Слонимского (1919), Ф. К. Сологуба 4 (1902—1917), Е. П. Султановой-Летковой 38 (1901—1917), А. И. Сумбатова-Южина 4 (1917), А. П. Чехова 17 (1897—1904),²⁶ Е. Н. Чирикова 8 (1907—1917), О. Н. Чюминой 3 (1903), О. А. Шапир 7 (1903—1915), С. С. Юшкевича 3 (1903—1904), П. Ф. Якубовича 15 (1901—1906) и др. Интересны письма художницы: В. П. Шнейдер 63 (1895—1919).

Переписка с писателями в большинстве случаев не была продолжительной. В ней говорилось, как и в переписке с критиками, о литературных и издательских делах, об организации литературных вечеров и давалась оценка отдельным произведениям или же театральным постановкам. Так, Л. Андреев писал 8 марта 1908 г. (ф. 20, оп. 2, № 65):

«Многоуважаемый Федор Дмитриевич. С удовольствием приму участие в Гаршинском вечере — Гаршин один из наиболее любимых и

¹⁷ А. А. Вербицкая (1861—1928) — автор нашумевшего романа «Ключи счастья»; А. А. Лукьянов (род. 1870) — второстепенный поэт; П. Я., т. е. П. Ф. Якубович (1860—1914) — поэт-народоволец.

¹⁸ О. Н. Чюмина (род. 1862, ум. 26 авг. 1909) — поэтесса. Статья К. И. Чуковского опубликована: «Речь», 1909, № 236, 29 августа.

¹⁹ К. Чуковский. «Недоразумение». Ответ Батюшкову. — «Речь», 1909, № 270, 2 октября.

²⁰ Письма некоторых писателей к Ф. Д. Батюшкову оказались разьединенными. Так, в ГПБ (ф. 51) хранятся письма следующих авторов: Л. Н. Андреева 4 (1909—1913), К. Д. Бальмонта 7 (1911—1913), А. А. Блока (1913), В. Я. Брюсова 3 (1913), З. Н. Гиппиус 9 (1898—1899), Д. С. Мережковского 9 (1912—1915), Н. М. Минского 4 (1912—1913), Ф. К. Сологуба 6 (1907—1913) и др.

²¹ Письмо Н. Гарина 1898 г. опубликовано в кн.: Н. Гарин-Михайловский. Собрание сочинений, т. 5. М., Гослитиздат, 1958, стр. 705.

²² Письмо В. М. Гаршина опубликовано в кн.: В. Гаршин. Полное собрание сочинений, т. 3. М., ГИХЛ, 1934, стр. 369.

²³ Письма М. Горького опубликованы в кн.: М. Горький. Материалы и исследования, т. 2. Л., 1936 (в настоящее время они переданы в Архив М. Горького в Москве). Здесь же опубликованы два письма к нему Батюшкова (1898, 1902).

²⁴ Письма В. Г. Короленко (150) опубликованы в кн.: В. Короленко. Письма. Под ред. Б. Л. Модзалевского. Пгр., 1922; письмо от 17 апреля 1920 г. см. в кн.: К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн. Вологда, 1968, стр. 114; здесь же на стр. 114, 119, 122, 123 письма Батюшкова к Короленко (1899—1918). Отрывки из шести писем Батюшкова 1902 г. приведены в кн.: А. Дерман. «Академический инцидент». Симферополь, 1923, стр. 12, 16, 23, 31—32, 47—48.

²⁵ Письма А. И. Куприна (16) за 1906—1908 гг. опубликованы И. Гура в кн.: Север. Литературно-художественный сборник. Вологда, 1963. Отрывки из других писем см. в кн.: К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн. Вологда, 1968, стр. 54, 134.

²⁶ Письма А. П. Чехова опубликованы в кн.: А. П. Чехов. Полное собрание сочинений, тт. 17—20. М., Гослитиздат, 1949—1951.

почитаемых мною писателей, один из учителей моих. На днях выберу, что из Гаршина прочесть, и сообщу Вам. Уважающий Вас Леонид Андреев».²⁷

Вечер Литературного фонда, посвященный 20-летию со дня смерти Гаршина, состоялся 30 марта 1908 г. в Тенишевском училище. Корреспондент сообщал: «Бурю аплодисментов, долго не смолкавших и потрясших стены зала, вызвало появление на эстраде Леонида Андреева, прочитавшего „Attalea princeps“». Почти такой же успех выпал и на долю А. И. Куприна («Красный цветок»)²⁸.

Об участии в литературном вечере пишет и А. Блок 27 ноября 1910 г. (№ 15.013):

«Многоуважаемый Федор Дмитриевич.

Очень благодарю Вас за приглашение участвовать на вечере памяти В. С. Соловьева. Участие мое могло бы выразиться только в небольшой речи, которую я буду говорить в заседании Московского религиозно-философского общества. Она еще не написана, но, если организаторы ничего не имеют против, я мог бы написать ее теперь же и представить Вам (для получения полицейского разрешения) за несколько дней до вечера. Что касается чтения стихотворений, то своего, посвященного памяти В. С. Соловьева, у меня нет, а его стихотворений, раз Вы поручаете чтение их артистам импер. театров, не могу читать.

Если Вы найдете возможным мое участие в вечере в такой форме, прошу Вас сообщить мне об этом, чтобы я мог приступить к составлению речи. Искренно Вас уважающий Ал. Блок».²⁹

Письма В. Брюсова вызваны сотрудничеством в «Истории западной литературы»; М. Горький писал в связи с публикацией своего рассказа «Читатель» в журнале «Cosmopolis»; Ф. Сологуб начал переписку с Батюшковым как редактором «Мира божьего» (1902), а закончил ее предложением поставить в Александринском театре переведенную им пьесу Романа Роллана «Волки» (1917); А. И. Южин писал о театральных делах.

Особый характер носит переписка с П. Якубовичем. Он был корреспондентом, с которым Батюшков вел острую полемику (см. отдел публикаций).

Многочисленные письма В. Г. Короленко, свидетельствующие о дружеских отношениях писателя и критика, раскрывают широкий круг проблем, волновавших обоих друзей, и тем самым выделяются среди писем других корреспондентов Батюшкова.

Большой и дружеской была также переписка с А. И. Куприным. В его письмах исследователи найдут ценные биографические сведения, сообщения о творческих замыслах писателя и его работе над отдельными произведениями. Любопытны суждения Куприна о русской литературе, А. Пушкине, А. Дюма, о творчестве писателей-современников. Куприн нередко обращался к Батюшкову за той или иной справкой, с просьбой найти необходимые ему книги и т. д. Послания Куприна носят своеобразный характер; обилие бытовых подробностей — одна из характерных черт его писем.

Батюшков хранил в своем архиве черновую рукопись «Суламифи» (конец ее утерян), написанную Куприным в имении Батюшкова Данилов-

²⁷ Об отношении Л. Андреева к В. Гаршину см. статью: Л. А. Иезуитова. Леонид Андреев и Вс. Гаршин. — «Вестник Ленинградского университета», 1964, № 8, стр. 97—109.

²⁸ «Биржевые ведомости», 1908, № 10429, 31 марта.

²⁹ Второе письмо А. Блока от 5 декабря, поясняющее тему его речи, опубликовано в кн.: А. Блок. Собрание сочинений, т. 5. М.—Л., «Художественная литература», 1962, стр. 759—760. Вечер состоялся 14 декабря 1910 г. в Тенишевском училище.

ском, и титульный лист отдельного издания повести «Олеся» с дарственной надписью: «Дорогому другу Федору Дмитриевичу Батюшкову на добрую память дарю сей слабый и незрелый плод моих юношеских исканий. А. Куприн. 28 августа 1906 г.» (№ 15.484). В архиве хранятся также ряд материалов, связанных с Куприным (письма М. Арцыбашева и

11 августа 1914.

Многоуважаемый
Федор Дмитриевич!

По окончании своего обучения, я возвращаясь
вспоминаю статью о Дюарт по делу Рашин "История". Эта
статья имеет самую не очень правильную, так как она
"всичко" была критическою, был историческою. Я надеюсь
ее переработать. Тогда, однако, настало то время, когда
она была в печати (число 1870), — "il est
impossible de lire n'importe quoi, à plus forte raison
d'écrire" (слова, по поручению "Русских Писателей",
и удручено из Москвы и чтобы полагаться на помощь
своих друзей корреспондента Сергея Владимировича, тогда
еще не уехал, так как он в то время, то корреспондент
позднее в архив на донужен. Тогда (и, конечно,
к моему сожалению), я много о нем буду в Москве.
Тогда я статья о Дюарт переработана. Пока же
статья ее Рашин в том виде, как она была первоначально
напечатана.

Многоуважаемый и за это благодарю, и за
невероятную статью: переписывая наши события
— обласки Вам.

Преданный Вам
Валерий Брюсов

— Письмо В. Я. Брюсова к Ф. Д. Батюшкову. 11 августа 1914 г.

К. Баранцевича к Куприну и др.). Интересна в связи с Куприным переписка Батюшкова с М. К. Куприной (16 п., 1904—1907) и Е. М. Гейнрих-Куприной (8 п., 1909—1912).

Богаты фактами письма переводчика Д. Роша, знакомого с появлением во Франции переводов произведений А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева, В. Вересаева и других молодых литераторов. Письма свидетельствуют об установлении личных знакомств Д. Роша с русскими писателями. При помощи Батюшкова Д. Рош следил за современной русской живописью и литературой.

Батюшков переписывался с Полем Валери, когда тот не получил еще известности. Письма Валери знакомят с ранней страницей его биографии — общением с русскими людьми в Париже (см. отдел публикаций).

3

Историк русской печати и журналистики найдет в архиве Ф. Д. Батюшкова интересные материалы.

В 1896 г. в Париже возник «международный» журнал «Cosmopolis», каждый номер которого состоял из трех самостоятельных частей, печатающихся на английском, французском и немецком языках. В 1897 г. к ним была присоединена русская часть. В каждой части основное внимание уделялось двум разделам: беллетристике (журнал ставил своей задачей знакомить читателей с крупнейшими достижениями художественной литературы названных стран) и «зарубежной жизни», знакомящей «с тем, что происходит за границей, с важнейшими явлениями духовной деятельности западной Европы и России». Предполагалось, что журнал будет содействовать упрочению «международных отношений» и «заботиться по мере сил о сохранении мира».

Первым редактором русского отдела был С. Н. Сыромятников (псевд. Сигма), но затем издатель Ф. Ортманс, видимо, убедившись в непопулярности данной фигуры в России (Сыромятников работал в реакционном «Новом времени»), привлек к изданию Батюшкова. Журнал мыслился как внепартийный, и Батюшков особенно подчеркивал это («Cosmopolis», 1898, № 1).

Журнал не принес французскому издателю ожидаемой прибыли. Не было достаточного количества подписчиков, владевших столькими языками, да и обещанная программа не выполнялась. «Парламент мнений» в журнале не осуществился. Ф. Ортманс потерпел убытки, в 1898 г. издание иностранных частей прекратилось на ноябрьской книге, русская же часть просуществовала с другим издателем до конца года. Батюшкову не удалось сделать журнал ярким явлением, он долго не мог привлечь в него крупные литературные силы. Беллетристика русской части («Космополиса» была неяркой. Приход Чехова и Горького состоялся, когда журнал доживал свой век. Второй, не беллетристический раздел журнала был крайне беден. В нем отсутствовали к тому же привычные для русского читателя отделы публицистики, «внутреннего» и «международного» обозрений.

В связи с изданием русской части «Космополиса» у Батюшкова возникла переписка с Н. Гариным-Михайловским, А. П. Чеховым, М. Горьким и др. «С большим сочувствием отношусь к Вашему пониманию целей международного журнала», — писала 26 мая 1897 г. З. А. Венгерова. Стремление Батюшкова давать вместо отчетов о литературном движении за рубежом критические статьи о литературе Запада приветствовалось ею (№ 15.035).

В то же время в ряде писем содержатся и критические замечания о журнале. Так, Е. В. Аничков (20 декабря 1897 г.) попытался объяснить причины непопулярности журнала в России: первый редактор русского отдела, С. Н. Сыромятников, не мог вызвать сочувствия публики, второй же редактор, Батюшков, был ей мало знаком. «Но, конечно, есть и другие причины, — писал Аничков, — у нас смотрят на журнал как на орган общности. Это старая традиция, и жизнь ничем не пошатнула ее» (№ 14.994, лл. 20—21).

Ф. Ортманс приезжал в Россию, и Батюшков вместе с ним посетил 14 апреля 1897 г. Л. Толстого, который высказал ряд критических замечаний по поводу предполагаемой публикации произведений английских

и французских авторов (см. воспоминания Батюшкова «Вечер у Л. Н. Толстого» — № 15.780).

В архиве Батюшкова хранятся три письма секретаря журнала Шмидта (№ 15.302) и два письма второго издателя А. Цинзерлинга (№ 15.312).³⁰

Интересны материалы, связанные с журналом «Мир божий» (СПб., 1892—1906). После смерти издательницы А. А. Давыдовой в 1902 г., безуспешно предлагавшей Батюшкову войти в журнал, он согласился стать его редактором. Материальное положение журнала было трудным, и Батюшкову пришлось составить специальную записку о финансовой основе издания (№ 15.599). Ему же принадлежат неоконченная заметка об истории возникновения «Мира божьего» (№ 15.602) и освещение эпизода с его закрытием.

Бумаги, связанные с «Миром божьим», отражают конфликт А. И. Богдановича с М. К. Куприной в 1903 г. (№№ 15.597, 15.598).

В ноябре 1903 г. редактор реакционнейших газет «Знамя» (СПб.) и «Бессарабец» (Кишинев) П. А. Крушеван обвинил Батюшкова в диффамации в связи с публикацией в «Мире божьем» (1903, № 8) статьи «Карьера г. Крушевана». 17 марта 1904 г. Батюшков сообщил Петербургскому окружному суду, что по его делу будут выступать присяжные поверенные А. А. Дементьев и Н. П. Корабчевский (№ 15.594).

В 1906 г. восьмой (августовский) номер «Мира божьего» был неожиданно для редакции и сотрудников арестован, а затем последовало привлечение редактора к судебной ответственности. Цензура обычно налагала арест на периодические издания в течение трех дней со дня выхода очередного номера. Арест восьмой книги «Мира божьего» был сделан с значительным опозданием. В 1917 г. вскрылись некоторые обстоятельства этого дела. Оказалось, что редактор «Петербургских ведомостей» кн. Э. Э. Ухтомский, усмотревший в «Политическом обозрении» журнала (автор Н. И. Иорданский) призыв к свержению власти, написал о своем возмущении Николаю II. Гнев царя послужил поводом к аресту журнала, но так как обвинение редактору и издателю не было предъявлено, Главному управлению по делам печати было дано задание найти причины для привлечения редактора к суду. Цензура постаралась и нашла крамольными уже три статьи («Новые данные по делу о закрытии журнала „Мир божий“» — № 15.602). Выдвигаемые обвинения грозили редактору длительным тюремным заключением, но судебные власти, видимо, не захотели сразу затевать «дело» против Батюшкова и ограничились сначала его объяснительной запиской (№ 15.601, черновик). «Обвинительный акт о редакторе журнала „Мир божий“, магистре истории всеобщей литературы Ф. Д. Батюшкове» от 30 января 1908 г. имел в виду только одну статью («Политическое обозрение»). Помимо акта (№ 15.601), в архиве сохранилась запись мнения присяжного поверенного Таубера по поводу привлечения Батюшкова к суду (№ 15.602). Суд состоялся 17 марта 1908 г., редактор журнала был оправдан.

В связи с приостановкой «Мира божьего» возник журнал «Современный мир» (СПб., 1906—1918), являвшийся его продолжением. По признанию Батюшкова, он состоял в редакции нового издания до 1908 г.

Некоторые документы освещают историю привлечения к суду редактора «Современного мира» В. П. Крашихфельда за публикацию романа М. Арцыбашева «Санин», в котором цензура обнаружила «богохульственные выражения». Суд, как нередко бывало в то время, затянул свое решение на долгое время.

³⁰ Некоторые документы в связи с изданием «Космополиса» хранятся в ГПБ (ф. 51). Программа журнала изложена Батюшковым в письме к А. Н. Веселовскому от 20 апреля 1897 г. (ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 113).

Литературный фонд, членом комитета которого с начала 1900-х годов стал Батюшков, выступал в защиту арестованных или же подлежащих высылке литераторов. В архиве сохранилась копия ходатайства (1915 г.) на имя главноуправляющего Канцелярии е. и. в. по приему прошений об освобождении Кранихфельда от грозящей ему кары — восьмимесячного заключения в крепость (№ 15.606). Здесь же хранится извещение от 21 февраля 1915 г. о снижении наказания до шести месяцев.

Два документа отражают конфликт сотрудников «Современного мира» в декабре 1914 г. с В. Л. Львовым-Рогачевским и В. М. Шахом, задержавшими выход двенадцатого номера журнала (№ 15.605).

В архиве имеются и другие материалы, отражающие жизнь печати в 1905—1915 гг. В 1915 г. оказалась запрещенной статья Батюшкова «Екатеринославская мысль. Некролог» (№ 15.610).

В 1917 г. Батюшков принимал, как мы увидим далее, участие в ликвидации Главного управления по делам печати.

В связи с редакторской работой в архиве Батюшкова сохранились рукописи некоторых авторов: рассказ А. Чехова «У знакомых», глава из романа О. Шاپир «Брат Анны», рассказ «Полотеры» А. Яблоновского, запрещенный цензурой 12 января 1905 г., и др. В архиве Батюшкова хранятся также рукописи В. Брюсова «Песнь норманов в Сицилии» (1914), Г. Галиной «Заздравный тост» (к юбилею В. Г. Короленко) и др.

4

Архив отражает театральные увлечения Ф. Д. Батюшкова. Об их раннем пробуждении говорит рукопись «Из театральных воспоминаний детства и юности» (№ 15.698). Ребенок был поражен балетом «Жизель», который увидел в Большом театре в Москве. Сильное впечатление производили на него и постановки для детей в театре Казани, куда переехала семья Батюшковых. Мальчик стал увлекаться самостоятельным кукольным театром, домашними, а затем школьными спектаклями. Батюшков-гимназист становится посетителем театра, на сцене которого выступали М. Савина, К. Варламов, В. Давыдов, П. Стрепетова, М. Писарев и другие артисты, вошедшие позднее в состав труппы Александринского театра.

По старой традиции дворянских семей юный Батюшков выступил в качестве автора. Он преподнес своей бабушке В. Д. Ховриной пьеску на французском языке «*Sentiments tendres à faute de ressources — farce en 1 acte*». ³¹ В заглавии «à» было зачеркнуто, а затем была сделана приписка (видимо, бабушкой или матерью): «*Composée par mr Theodor Batuschkoff, mais l'auteur tient à rester inconnu*» ³² (№ 15.779).

В Петербурге студент, а затем научный работник Батюшков часто бывал в Александринском театре, «где обрел вновь старых знакомых и любимцев на сцене». Он отмечал, что «питал к Александринскому театру особое пристрастие» (№ 15.698). У Батюшкова стало «потребностью» следить из года в год за выступлениями этих артистов.

Уход из университета в 1899 г. позволил Батюшкову уделять своим театральным увлечениям более значительное время. «Уже в конце 90-х годов, — писал он, — я с особой охотой принял приглашение кн. С. М. Волконского вступить в Театрально-литературный комитет, и с тех пор связь с судьбами русской сцены стала у меня еще теснее, казалось — почти неразрывной» (№ 15.698).

³¹ «Нежные чувства за неимением средств. Фарс в одном действии».

³² «Сочинено Федором Батюшковым, но автор пожелал остаться неизвестным».

Батюшков выступает с проектом видоизменения некоторых параграфов положения о работе Театрально-литературного комитета при Дирекции имп. театров (№ 15.643). Дела комитета отражены и в его переписке с писателями (Д. Мережковским, которого он привлек в комитет в 1910—1911 гг., А. Луговым и др.). Как член комитета, Батюшков писал отзывы на представляемые в комитет пьесы, авторы которых хотели видеть их на сцене Александринского театра.³³ Один из таких неопубликованных отзывов на пьесу Ф. Сологуба «Заложники жизни» (№ 15.567) вызвал в 1911 г. конфликт. Батюшков отверг пьесу: «Вопрос не в школе и не в направлении, — писал он, — драма может быть или реальной, или романтической, или символической и т. д., но она должна прежде всего отвечать требованиям художественной целостности и обладать качествами произведения, написанного для сцены». «Заложники жизни» не отвечали, по мнению критика, этим требованиям, так как представляли «не чисто драматическое произведение, а смешанный вид повествования и диалогов». Длинные ремарки свидетельствовали, как писал Батюшков, только об искусстве «умелого рассказчика, а не драматурга». На заседании комитета перед летними каникулами (оно считалось неофициальным) Батюшков (председатель), П. О. Морозов и Н. А. Котляревский высказались против постановки пьесы, на положительной оценке настаивал только Д. Мережковский. Директор имп. театров В. А. Теляковский не согласился с отрицательным решением и отослал пьесу в московский Театрально-литературный комитет, который ее одобрил.

Премьера «Заложников жизни» состоялась в Александринском театре 6 ноября 1912 г. Пьесу готовили долгое время (режиссер В. Э. Мейерхольд, декорации А. Я. Головина). Конфликт между Театрально-литературным комитетом (профессорами) и Ф. Сологубом был широко известен. О нем рассказал в одном из своих интервью и сам Сологуб.³⁴

Спектакль прошел с успехом, что заставило театральных критиков выяснять, кому же принадлежит победа — сторонникам реализма или символизма. Большинство критиков говорили о победе реалистов, так как пьеса Сологуба оказалась полностью подчиненной традициям Александринского театра.³⁵ Критика недоумевала по поводу слишком пышной и подчеркнута бытовой постановки «Заложников жизни».

После премьеры произошел обмен письмами в печати между Ф. Сологубом и Батюшковым в связи с отрицательной оценкой последним сологубовской пьесы.³⁶ Газеты стали писать об инциденте «Сологуб — Батюшков». Критик решил выступить с развернутым отзывом. Его статья в «Современном мире» (1912, № 12) «В походе против драмы. (По поводу «Заложников жизни» Ф. Сологуба)» давала анализ пьесы и освещала конфликт между Сологубом и Театрально-литературным комитетом. Отмечая, как и другие рецензенты, излишнюю пышность спектакля, Батюшков не считал себя побежденным. «Чрезмерная роскошь наряда так же обезличивает, как и полная нагота, — писал он, — <...> Наряд не спас».

В 1890-е годы Батюшков занимался изучением западноевропейского театра (см. его работу «Европейский театр с 40-х по 80-е годы», часть 1-я, посвященную изучению французской драматургии в связи с утверждением реализма во французской литературе, — № 15.579).

³³ В архиве сохранилось три черновых письма Ф. Д. Батюшкова к В. А. Теляковскому 1910-х годов, в которых сообщалось о пьесах, рассмотренных Театрально-литературным комитетом (ф. 20, оп. 2, № 23).

³⁴ «Голос земли», 1912, № 49, 29 февраля.

³⁵ См., например, статью А. Бенуа («Речь», 1912, № 336, 7 декабря).

³⁶ «Петербургская газета», 1912, №№ 321—323, 21—23 ноября.

В начале 1900-х годов Батюшков начинает выступать в качестве театрального критика. В разделе его литературного наследия хранятся рукописи статей или же набросков их, посвященных современной драматургии и современному театру. Первыми значительными откликами критика были отклики на пьесы «На дне» и «Дачники» М. Горького. Особое внимание уделялось Батюшковым Московскому Художественному театру («О пределах творческих достижений Художественного театра» — № 15.580, «Победителей не судят» — № 15.581 и др.).

Вопросы театра привлекали к себе в начале XX в. пристальное внимание как самих деятелей театра, так и писателей. Было несколько острых дискуссий, отразивших недовольство современными театральными формами и современной драматургией. Батюшков принимал участие в этих спорах (см. наброски статей в связи с ними — №№ 15.575, 15.576) и в обсуждениях различных театральных мероприятий того времени («По поводу спектаклей Старинного театра» — № 15.578, «За и против детских спектаклей» — № 15.777 и др.). Споры вокруг «Заложников жизни» Ф. Сологуба — один из эпизодов театральной борьбы, в котором Батюшков играл значительную роль.

Архив Батюшкова обладает в то же время материалами, выходящими за рамки личных пристрастий критика.

1917 год был годом необычайно интенсивной общественной деятельности Батюшкова. После Февральской революции он стал членом Архивной комиссии по ликвидации Главного управления по делам печати (№ 15.729, протокол ее заседания и два письма Батюшкова к министру народного просвещения)³⁷ и председателем Комитета по ликвидации дел драматической цензуры. Артисты (от их лица выступил председатель общего собрания драматической труппы от 25 марта 1917 г. — Е. П. Карпов) вынесли Комитету благодарность за ее упразднение (№ 15.624).

Батюшков принял участие в организации Театральной библиотеки гос. театров (ныне Театральной библиотеки им. А. В. Луначарского) и разработке ее устава (№№ 15.648, 15.649).

Комиссар Временного правительства над бывшим Министерством Двора и Уделов Ф. А. Головин привлек Батюшкова к управлению бывшими императорскими театрами, назначив его главноуполномоченным их. Общее собрание артистов приветствовало это назначение: Батюшков — член Театрально-литературного комитета и театральный критик был им хорошо известен.

Документы, представленные в архиве Батюшкова (подлинники, копии и черновые наброски), несомненно заслуживают внимания историков советского театра, так как помогают воссозданию сложной картины театральной жизни 1917 г.

Батюшкову пришлось обращаться с речами, записками, письмами к артистам драмы и оперы, разъясняющими положение театра в настоящее время (см., например, временные правила для театров — № 15.626, проект нового статуса гос. театров, включающий положение о Художественно-репертуарном комитете и об управляющем гос. театрами — № 15.643).³⁸

В архиве хранится ряд примечательных документов: Устав Союза артистов гос. театров (машинопись; № 15.641), три протокола заседаний Театральной комиссии при Совете по делам искусства (№ 15.642) и др. Первое заседание комиссии состоялось 19 июня 1917 г., третье — 24 ок-

³⁷ Комиссия закончила работу в марте, продолжив затем свою деятельность под названием «Комиссия по делам печати».

³⁸ Ф. Д. Батюшков выступал и в печати. Так, в газете «Речь» (1917, № 114, 17 мая) была опубликована его статья «Ближайшие задачи государственных театров».

тября. На первом заседании председателем комиссии был избран Батюшков, секретарем стал Н. Н. Евреинов.

Понимая, как трудно будет руководить работой театров Москвы, Батюшков не настаивал на сохранении существовавшего ранее общего управления для Москвы и Петрограда. Во главе Малого театра встал А. И. Сумбатов-Южин. На имя Ф. А. Головина Южиным были представлены три записки от 24 и 28 марта и 1 июля о художественно-культурном и общественном значении театра, о временном положении по управлению гос. московскими театрами, а также об их бюджете (№№ 15.644, 15.645). На втором заседании от 23 сентября Театральная комиссия рассматривала записку Южина о трех типах спектаклей в гос. театрах (образцовый, общедоступный и школьнообразовательный репертуар). При обсуждении этого вопроса Батюшков остался при особом мнении (№ 15.642). Им было составлено специальное заключение по рассмотрению проекта Сумбатова-Южина для представления председателю Совета по делам искусства (№ 15.646, копия).

Вскоре Батюшков в свою очередь написал записку «Три желательных типа театров при государственной поддержке» (№ 15.628). В записке говорилось о спектаклях для зрителей с высокой культурой, в которых надлежало участвовать наиболее талантливым артистам, демонстрирующим лучшие достижения «образцовой сцены». Для таких зрителей, по мысли Батюшкова, могли допускаться не только традиционные пьесы, но и пьесы, «неожиданные по форме и приемам композиции». Для широкой публики предполагалась организация спектаклей по дешевым ценам и с доступным ей репертуаром. Спектакли для учащейся молодежи должны были знакомить с определенным кругом драматических произведений. Батюшков считал, что в данных спектаклях не следует занимать ведущих артистов.

По вопросам театра Батюшков переписывался в 1917 г. с С. М. Волконским, П. П. Гнедичем, Н. В. Дризенем и др. Любопытно письмо Вс. Мейерхольда от 24 октября 1917 г. (№ 15.164), показывающее, как много дел ждало своего упорядочения:

«Многоуважаемый Федор Дмитриевич, прошу Вас обратить Ваше внимание на прилагаемую страничку из программы спектакля „Смерть Тарелкина“.³⁹ Смотрите, какой ужас. Автор либретто сообщает публике, что герои „Свадьбы Кречинского“ и „Дела“ не появляются в третьей части трилогии, где фигурируют второстепенные действующие лица этих пьес: Расплюев, Тарелкин, Варравин. Неужели Расплюев второстепенное действующее лицо в „Свадьбе Кречинского“? Тарелкин и Варравин — это ли не герои „Дела“. Умоляю Вас обуздать развязных сотрудников программиздательства при государственных театрах. Умоляю Вас поручить кому-нибудь при Канцелярии Государственных театров просмотреть все программы текущего репертуара. Воображаю, как изложено содержание других пьес нашего репертуара. Простите за вмешательство. Уваж^ающий Вас Вс. Мейерхольд».

Октябрьские события не были поняты Батюшковым. Он был сторонником созыва Учредительного собрания и не сразу уяснил значение и цели социалистической революции.

Особенно взволновали его и других деятелей театра слухи о разрушении памятников искусства и культуры в Москве. Как известно, эти ложные слухи вызвали некоторую растерянность и у А. В. Луначарского, заявившего, что он отказывается от поста наркома просвещения.⁴⁰ Луна-

³⁹ Листок либретто к «Смерти Тарелкина» А. Сухово-Кобылина при письме не сохранился.

⁴⁰ Заявление А. В. Луначарского в Совет Народных Комиссаров от 2 ноября опубликовано в газете «Новая жизнь» (1917, № 171, 3 (16) ноября). В следующем

чарский тотчас понял свою ошибку, некоторые же деятели искусства не смогли сделать этого. Обращение к артистам на общем собрании артистических трупп по поводу желательности или нежелательности возобновления спектаклей после 25 октября (№ 15.633), а также проект протеста артистов против разрушения памятников искусства, в котором говорилось о прекращении спектаклей в знак траура в течение трех дней (проект протеста был написан Батюшковым — № 15.631), свидетельствовали о том, что Батюшков не только не противился подобным оппозиционным настроениям, но сам поддерживал их.

Растерянность артистов проявилась в письмах к Батюшкову (№ 15.630), а также в обращении к петроградскому городскому голове как единственному представителю «правомочной власти» (№ 15.634).

Деятельность Батюшкова как главноуполномоченного завершилась перепиской с наркомом просвещения А. В. Луначарским,⁴¹ которая привела 12 декабря 1917 г. к отставке Батюшкова, не пожелавшего войти в контакт с представителем Советской власти (№ 15.632). 12 декабря Луначарский писал, что, встречаясь теперь с «высококультурным человеком и социалистом так недружелюбно», он продолжает верить в возможность совместной работы: «Вы еще будете работать вместе со мною и сможете убедиться, в какой малой мере справедливы опасения какого-то вандализма с нашей стороны».

На первых порах и А. И. Южин (№ 15.227) отказывался вступать в контакт с комиссаром Е. К. Малиновской, но этот инцидент был скоро ликвидирован. Батюшков же упорствовал, говоря, что он ответствен только перед Ф. А. Головиным и артистами театра, которые приняли его назначение на пост главноуполномоченного, и никак не хотел согласиться с тем, что назначение это уже аннулировано. В архиве к переписке Батюшкова и Луначарского приложена газетная вырезка с карикатурой А. Лебедева, отображающей «Инцидент Луначарский—Батюшков». Там же хранятся официальные документы, связанные с увольнением Батюшкова, и распоряжение Луначарского «О временном порядке самоуправления Петроградских государственных театров».⁴²

После своего отстранения от руководства 12 декабря 1917 г. Батюшков все еще упорствовал, продолжая вмешиваться в дела театров. Отставка вызвала сочувственные отклики артистов в адрес Батюшкова (№ 15.638). Сохранился черновой текст «прощания» Батюшкова с артистами (№ 15.635), в котором он выражал надежду на то, что расстанется с театром не навсегда.

Попытка обобщить свою деятельность в области театра в 1917 г. сделана Батюшковым в двух записках: «Восемь месяцев управления государственными театрами» (записка не закончена, № 15.623) и «Мой опыт государственной службы» (№ 15.622). В текст последней записки вклеены отношения комиссара Временного правительства Ф. А. Головина от 22 апреля 1917 г. и С. Л. Бертенсона от 20 октября 1917 г. на имя главноуполномоченного Ф. Д. Батюшкова.

номере газеты (№ 172) сообщалось, что Луначарский остается на посту наркома просвещения. В этом же номере он обратился ко всем гражданам России с призывом «Берегите народное достояние».

⁴¹ Переписка А. В. Луначарского и Батюшкова с комментариями В. Д. Зельдовича напечатана в «Историческом архиве» (1959, № 1, стр. 50—55). Два письма Луначарского были опубликованы в журнале «Театр и искусство» (1917, № 51, стр. 847; 1918, № 1, стр. 5). Одно из писем Батюшкова появилось в «Известиях ЦИК» (1917, № 249, 12 декабря). В этом же номере Луначарский выступил с заметкой «К инциденту в Александринском театре». Там же (№№ 250, 252, 254, от 13, 15 и 17 декабря) Луначарский опубликовал статью «Задачи государственных театров».

⁴² Опубликовано, см.: «Известия», 1917, № 262, 29 декабря.

В дальнейшем Батюшков продолжал с большим интересом следить за развитием советского театра.

5

Биографические материалы Ф. Д. Батюшкова представлены рядом документов, дневников и воспоминаний.

Разрозненные дневники 1870—1880-х годов (№№ 15.669, 15.704, 15.765—15.768, 15.770) включают стихотворения Батюшкова. Помимо дневников он вел записи отдельных мыслей и размышлений (№№ 15.707, 15.769 и др.).

В архиве хранятся воспоминания о ранних годах (№ 15.764) и ранних театральных увлечениях Батюшкова (№ 15.698). К более поздним воспоминаниям относятся автобиографические сведения, доведенные до 1901 г. (№ 15.670), очерк «Первая кровь. Из воспоминаний о 9 января 1905 г. и его последствиях» (№ 15.718) и книга «Около талантов».

Небольшое число документов отражает студенческие годы и научную деятельность Батюшкова после окончания университета (заграничные командировки, научные занятия, магистерские экзамены и т. д. — №№ 15.701—15.705, 15.763).

Ряд документов освещает общественные взгляды Батюшкова. Таковы его высказывания о студенческих волнениях (№ 15.497) и письмо к П. А. Капнисту в связи со статьей того о студенческом вопросе, присланной в «Журнал Министерства народного просвещения» (№ 15.593).

О популярности научно-общественной деятельности Батюшкова свидетельствуют приглашения на научные и литературные заседания, избрения о выборах в члены различных комиссий (по присуждению грибоедовских премий, по рассмотрению драматических произведений, представленных на конкурс им. А. Н. Островского, и др.), предложения прочесть лекции (в Русской высшей школе общественных наук в Париже) и др. (№ 15.650).

О связях с литературным миром и текущей литературной жизнью говорят многочисленные приветствия и адреса, составленные Батюшковым от имени журналов, литературных обществ и отдельных групп писателей (№№ 15.467, 15.681, 15.682, 15.708).

Батюшков принимал участие в судах чести, куда выбирались наиболее авторитетные лица (№№ 15.596, 15.609).

В 1912 г. Батюшков был утвержден по указу Сената почетным мировым судьей по Устюженскому уезду (здесь находилось родовое имение Батюшковых — Даниловское) на трехлетний срок. Повторное утверждение состоялось в 1915 г. (№ 15.650).

В архиве хранятся письма Е. Ф. Батюшковой 2 (1890-е годы), П. Н. Батюшкова 7 (1886—1890-е годы) и других родственников к Ф. Д. Батюшкову и письма самого Ф. Д. Батюшкова (большая часть из них — черновики): к бабушке В. Д. Ховриной (1870-е годы), родителям 23 (1877—1907), Н. Д. Батюшкову (1914),⁴³ Л. Белл 2 (1898), А. Н. Веселовскому 2 (1880, 1890-е годы), М. Горькому 2 (1898, 1902), В. Г. Короленко 2 (1900-е годы), Н. К. Михайловскому (1902), Э. Мюрелю 4 (1891—1892), С. Ф. Ольденбургу (1915, с приложением списка предполагаемых учредителей Англо-русского литературного общества), Г. Парису 3 (1890-е годы), В. А. Поссе (1899), Л. Л. Толстому (1902).

Архив включает также небольшое число материалов, относящихся к родственникам Ф. Д. Батюшкова: отцу — Д. Н. Батюшкову, дяде — Н. Н. Батюшкову, братьям — А. Д. и Н. Д. Батюшковым.

⁴³ Не полностью опубликовано в кн.: К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн. Вологда, 1968, стр. 118, 121.

Г. Г. Полякова

АРХИВ А. М. ДМИТРИЕВА

Адам Мартынович Дмитриев (1902—1936) — советский писатель, посвятивший свое творчество изображению жизни моряков. Будучи одним из руководителей ЛОКАФа,¹ он входил в редакцию журнала «Залп» (в 1931—1934 гг.) и принимал активное участие в литературной жизни 1930-х годов.

Небольшой архив А. М. Дмитриева (ф. 715, 202 единицы хранения) содержит рукописи писателя, переписку и биографические материалы. В разделе литературного наследия — черновые рукописи неоконченных рассказов «Комиссар Петухов», «Девушка с искорками» и романа 1928 г. «На переломе» (главы 1—8, 10—12) о становлении Советской власти в сибирской деревне. Повесть «Есть — вести корабль» представлена черновиком I главы и беловыми рукописями X—XVIII глав. Полнее всего отражена работа писателя над романом «Адмирал Макаров» (1931—1935). В архиве хранятся развернутый план романа, список и характеристика персонажей, краткое изложение некоторых эпизодов. Отдельные главы романа («В бухте Золотой рог», «Адмирал Габай», «Митинг», «Полковник Киннокава» и др.) имеют несколько вариантов. Сохранились также полный машинописный текст и корректура первой книги романа. Над второй книгой писатель только начал работу, о чем свидетельствуют два небольших отрывка.

Переписка Дмитриева охватывает 1929—1936 гг. Его корреспонденты (их 49) в основном — писатели и критики, являющиеся соратниками по литературной борьбе и общественной деятельности. В архиве хранятся письма: С. И. Вашенцева 8 (1934—1935), В. В. Вишневого 12 (1930—1935), В. П. Друзина 9 (1931—1933), Мате Залка (1931), Б. А. Лавренева 6 (1933—1935), М. Г. Майзеля 14 (1933—1936), В. М. Саянова (1935), Н. Г. Свирина 19 (1930—1936), Л. С. Соболева 8 (1931—1933), К. И. Чуковского (1935) и др. Письма самого Дмитриева (черновые и неотосланные) к десяти адресатам: В. В. Вишневскому (1934), В. П. Друзину (1934), М. А. Орлову и Н. А. Родионову (1935), Н. Г. Свирину (1935), Л. Л. и М. Л. Суббоцким (1934), брату Андрею М. Дмитриеву (1929), жене Н. П. Дмитриевой 7 (1935), сестре жены А. П. Набрженской 3 (1935).

Большой интерес представляют 12 писем В. В. Вишневого (1930—1935), отражающие деятельность ЛОКАФа и взгляды писателя на развитие советской литературы (ф. 715, № 59).

Дмитриев считал свой роман «Адмирал Макаров»² «экзаменационной работой» на звание писателя (письмо к Н. А. Родионову и М. А. Орлову — ф. 715, № 54) и потому остро реагировал на критические отзывы

¹ ЛОКАФ — Литературное объединение Красной Армии и Флота, возникшее в 1930 г. и ставившее своей задачей создание художественных произведений на оборонные темы.

² Роман печатался в журнале «Знамя» (1934, №№ 3—4), а затем вышел в июле того же года в «Издательстве писателей в Ленинграде».

о нем. Особенно задели его статьи С. П. Варшавского «Открытое письмо Дмитриеву по поводу романа „Адмирал Макаров“»³ и «Вторая книга»,⁴ в которых критик, сравнивая роман с повестью «Есть — вести корабль», писал, что автор «добился больших творческих побед» за время, прошедшее после публикации повести, «но писать роман он еще не научился». Статья Варшавского была воспринята им как выступление критика, мало сведущего в рецензируемом материале и противоречивого в своих оценках. В. В. Вишневский выступил со статьей «Бездумный критик»,⁵ в которой он показал противоречия Варшавского в оценке романа и неосведомленность его в изображаемом Дмитриевым материале.

Дмитриев не был удовлетворен статьей Вишневского, так как и в ней не затрагивался вопрос о его литературном мастерстве. Анализа романа и здесь не было. В ответ на его замечания Вишневский писал 25 октября 1934 г.: «О моей статье. Ты хочешь в одну статью ввалить и японск<ие> справки, и полемику, и порку Варшавского, и аргументацию, и памфлет — и ... разбор романа! — Что ты, друг!.. <...> — Надо обдумать, собрать полемический материал, все рассмотреть, — и тогда дать *свою* оценку. — Это я и сделаю». Предполагая написать статью о романе для «Литературной газеты», Вишневский просил Дмитриева 3 ноября 1934 г.: «Держи меня в курсе обсуждения „Адм<ирала> Макарова“ и моей статьи <...> Пришли мне перечень вопросов, деталей, которые ты бы хотел увидеть в критическом разборе. Важно вскрыть — чего же писатель ждет (почестному, а не для капризных требований и для славы и для шума). Короче: что ты мог бы ждть и требовать от критиков».

Дмитриев стремился «держать» Вишневского в «курсе дел». Об этом свидетельствует неотосланное письмо от 2 ноября 1934 г.: «Писатели встретили твою статью очень хорошо, хвалят тебя за боевитость и за своевременность <...> Критики зашумели, завозились — даже собирались. Они считают, что Варшавского Вишневский отделал хорошо и по существу; там, где речь идет о романе, ты-де все сказал верно и убедительно; что Варшавского надо было побить. Но „Вишневский неправильно ставит общие вопросы, касаемо методологии... Он требует, чтоб критики знали авторский материал, а это-то и не обязательно... Литература не исторические исследования...“ и т. д. и т. п. <...> 15 ноября „Молодое объединение“ устраивает большую дискуссию об „Адмирале“ <...> Будет хорошо, ежели до 15 XI, до дискуссии, твоя новая статья появится в „Литературной газете“» (ф. 715, № 46).

Дискуссия о романе в объединении «Молодая литература» состоялась. К стенографическому отчету о ней приложены: «Впечатления В. В. Вишневского по прочтении» его 23 ноября 1934 г. и вырезки из газет («Красная газета», веч. вып., 1934, 17 ноября; «Литературный Ленинград», 1934, 20 ноября) с сообщениями о прошедшей дискуссии. Предполагаемая новая статья Вишневского в печати не появилась.

В лице Дмитриева Вишневский видел друга и соратника и сожалел порой, что их переписка принимает деловой характер: «Идет 1935-ый год; год будет сурьезный... — Где придется вместе орудовать, действовать, писать?! <...> И оглядывается фронт испытанных товарищей. И в том числе Вас, друг мой Адам. Вы, т<оварищ> в<оен>м<ор>, пишете мне лишь по делам. А доброе, хорошее обыкновение писателей давних буржуазных веков — переписываться, беспокоить друг другу „дух“, обмениваться опытом, мыслями — Вы забыли» (письмо от 3 января 1935 г.). Но «обмен мыслями» между ними существовал. Чаще всего он касался творчества

³ «Залп», 1934, № 6, стр. 30—32.

⁴ «Литературная газета», 1934, № 93, 2 августа.

⁵ «Литературный Ленинград», 1934, № 54, 26 октября.

писателей-локафовцев, дискуссий и вечеров на литературные темы. В письме Вишневого от 9 февраля 1935 г. читаем: «Вот ты написал на 3 узких листочках такую цидулу С. Вашенцеву — о „Каннах“.⁶ Как раз 6-го II был вечер в Военной Академии им. Фрунзе, — и жаль, что тебя не было. Ты смог бы услышать мнение Академии о „Каннах“... Была суровейшая критика, анализ военный, политический, художественный. Три-четыре товарища (вечер тянулся с 8 ч. до 12.30 ночи) выступали прямо блестяще, — и я был рад за культурное развитие т<оварищей> к<оманди>ров». Изложив далее свое и других участников вечера отношение к повести, Вишневский продолжает: «Я пишу это, желая узнать твои и других т<оварищей> мысли по вопросу о совр<ременной> воен<ной> повести, романе. Мне казалось, что мы почти не расходились в оценках ряда воен<но>-лит<ературных> явлений».

Среди тем, затронутых в письмах Вишневого, встречаются также отклики на новинки зарубежной литературы. Наиболее интересно в этом плане последнее письмо от 29 октября 1935 г., дающее оценку повести Андре Мальро «Годы презрения».⁷

Из шести писем Б. А. Лавренева (1933—1935; ф. 715, № 75)⁸ наиболее интересны письма из Парижа.⁹ В первом парижском письме от 20 декабря 1933 г. писатель делится впечатлениями о внешнем облике «мирового города»: «Город красив и изумителен до обалдения. Я даже не представлял себе, что может быть такая перегрузка архитектурной красотой, перспективами, просторами.

Легкий зимний туман придает всему этому совершенно сказочный, серебряный вид.

Без сомнения, хороша Италия. Неповторимо обаяние Венеции, плеск зеленой воды и плеск голубиных крыльев на площади Св. Марка, тишина узких каналов, горбатые мостики, купающиеся в воде истоптанные ступеньки.

Величествен Милан, лукаво кокетлива старая морская разбойница Генуя, пленительна итальянская Ривьера: — Нерви, Санта Маргерита, Портофино, Раппало, Sestri Levante.

Но только в Париже я понял, каким должен быть мировой город. В нем соединено очарование вековых отложений с неутомимым шумом и динамикой сегодняшнего европейского дня.

По avenue Champs Elysées, протяжением втрое длинней Невского и впятеро шире его, автомобили идут конвейером в 7—8 рядов в одну сторону. Чтобы перейти здесь на другую сторону улицы, нужно потратить минут 15 на головомомное гимнастическое упражнение проскакивания между машинами, которые несутся с невообразимой у нас быстротой и, что всего удивительней, очень редко дают кого-нибудь. Управление машинами доведено до артистической игры с автомобилем, — даже любо смотреть на эти фокусы.

⁶ Вашенцев Сергей Иванович (1897—1970) — писатель-локафовец. Его повесть «Канна» впервые опубликована в журнале «Знамя» в 1934 г. (№ 9).

⁷ Повесть была опубликована в журнале «Знамя» (1935, № 8); в этом же году вышло отдельное издание ее (А. Мальро. Годы презрения. Авторизованный перевод с франц. Ильи Эренбурга. М., ГИХЛ, 1935).

⁸ В письме к Н. Г. Свирину от 9 ноября 1935 г. А. М. Дмитриев упоминает еще об одном, пока не выявленном, письме Б. А. Лавренева к нему. Не установлено также, к какому из писем был приложен его недатированный рисунок (пером) военного корабля с надписью: «... На память командиру Дмитриеву Адаму от проектировщика инж<енера>-мех<аника> Лавренева» (ф. 715, № 75).

⁹ Во время заграничной поездки (конец 1933—начало 1934 г.) Б. А. Лавренев посетил Польшу, Австрию, Чехословакию, Италию, Швейцарию, Германию, Францию. Позднее Б. А. Лавренев подарил А. М. Дмитриеву акварельный рисунок «Генуя. Двор моего пансиона», датированный декабрем 1933 г. (ф. 715, № 75).

Ночью весь город сияет и лучится светом фонарей и реклам, на Place de la Concorde посредине спокойно можно читать газету, совершенно не напрягая зрения.

И рядом, под мостом Александра III, спят на голых камнях безработные, ходят проститутки, мальцы продают порнографию и под каштаном сидит инвалид мировой войны. Он необычаен: кроме туловища у него ничего нет. Даже голова существует только наполовину — нижняя челюсть и правая сторона верхней вырваны осколком снаряда. Одним глазом он завистливо смотрит на далекий портал Триумфальной арки на Place de l'Etoile. Там его „счастливый“ товарищ получает ежедневно подарки Европы — венки на могилу „неизвестного солдата“. Инвалиду же редко перепадает 25 сантимов. Денег мало — кризис, и потом француз больше чтит мертвых, чем живых. Это дешевле.

Т<ак> к<как> инвалиду нечем взять оружие, ему остается только умереть».

Второе письмо (от 8 января 1934 г.) более разнообразно по содержанию. В нем Лавренев выражает свое несогласие с изображением жизни французов советскими очеркистами, в прощической форме говорит о различии в режиме дня русских и французов, затрагивает вопросы экономической, политической и литературной жизни Франции. Значительное место в этом письме отведено сообщению о смерти А. В. Луначарского и проводах гроба с его телом на Родину: «Среди всей этой заграничной толкотни громом хлопнула смерть Анатолия Васильевича.¹⁰ Я пришел вечером, перед концом занятий в торгпредство и первое, что узнал, — эту печальную весть. Нужно было в спешном порядке заказать венок от торгпредства — и вот помчались мы вчетвером: знаменитый „граф“ Игнатъев,¹¹ бывший военный агент русского правительства, а ныне уполномоченный торгпредства по советским ярмаркам (интереснейший персонаж), Елизавета Михайловна,¹² я и художник Глущенко.¹³

Венок нашли, Игнатъев торговался как цыган, и под его энергичным напором жирная французская баба сбавила 200 франков, но красной ленты не оказалось, русского шрифта для надписи тоже. Полетели в огромный универсам „Au Printemps“ за лентой. Влетели, когда магазин закрывался. Игнатъев со своим кавалергардским ростом неся по магазину, сбивая с ног продавщиц, и орал: „Ne fermez pas, ne fermez pas. J'ai le besoin de ruban rouge“,¹⁴ чем привел весь магазин в иступление.

Наконец ленту достали. Глущенко побежал за серебряным лаком, и всю ночь мы с ним писали текст на ленте.

Мог ли я когда-нибудь думать, что мне, первому секретарю А. В. в 1918 году, придется в 1933<-м> писать ленту для его посмертного венка в Париже.

На следующее утро на Лионском вокзале мы встречали гроб наркома просвещения. Было холодновато. Одинокая группка советских людей посреди равнодушно вежливых французов. Ажаны Sûreté générale¹⁵ под-

¹⁰ Луначарский Анатолий Васильевич (1875—1933) был назначен в 1933 г. полномочным представителем СССР в Испанию. По дороге к месту назначения он заболел и вынужден был остановиться во Франции. 26 декабря 1933 г. из Мептоны пришла весть о его кончине.

¹¹ Игнатъев Алексей Алексеевич (1877—1954) — в прошлом военный дипломат, после Октябрьской революции работник советского полпредства во Франции (1925—1937), генерал Советской армии, автор воспоминаний «Пятьдесят лет в строю».

¹² Лавренева (рожд. Гербаневская) Елизавета Михайловна (род. 1907) — жена Б. А. Лавренева.

¹³ Глущенко Николай Петрович (род. 1901) — народный художник Украинской ССР, в начале 30-х годов оформлял торговые и промышленные выставки СССР за рубежом.

¹⁴ «Не закрывайте, не закрывайте, мне необходима красная лента» (франц.).

¹⁵ Сотрудник полиции безопасности (франц.).

тянуто эффектно отдавали честь гробу, а глаза у них были, как у готовых броситься догов.

После короткой гражданской панихиды в полпредстве гроб отвезли на Gare du Nord¹⁶ и отправили в Москву».

В последнем письме, от 8 ноября 1935 г., poslanном Дмитриеву в Ялтинский санаторий, Лавренев с юмором описывает свою работу над сценарием фильма «Первая конная»,¹⁷ от которого в результате «творческой интуиции режиссеров, талантливых ножиц монтажеров» остаются «рожки да ножки», и о намерении продолжать роман «Синее и белое», чтобы к осени выпустить сразу обе части.¹⁸

Восемь писем Л. С. Соболева (ф. 715, № 94) относятся ко времени его работы заместителем ответственного редактора журнала «Залп» (1931—1932) и содержат в основном сведения о портфеле журнала и его финансовых делах.

Большая часть писем остальных упомянутых нами корреспондентов направлялась в Ялтинский санаторий, где лечился Дмитриев и откуда ему не суждено было возвратиться. Все это — краткие информации о литературной жизни. Так, Н. Г. Свириин¹⁹ среди прочих «литературных новостей» сообщал 14 января 1936 г.: «Пожалуй, самое главное то, что Добин²⁰ назначен редактором „Литературного Ленинграда“, приступил к делам, наводит порядок <...> Но особенно писательский мир интересуется сейчас литстраницами „Правды“. Туда посадили Лежнева,²¹ и он взялся за дело энергично» (ф. 715, № 91). С. И. Вашенцев, стремясь приободрить больного писателя, писал ему 8 января 1936 г. об успехе романа «Адмирал Макаров»: «На днях в Д<оме> с<оветских> п<исателей> была встреча награжденных тихоокеанцев с писателями. Было очень оживленно, хотя эти встречи у нас еще носят несколько штампованно-банкетный характер. Но интересные моменты там были, и в частности для тебя есть приятное, о чем я тебе и хочу сообщить. Почти все выступавшие моряки горячо отмечают твоего „Адмирала Макарова“, говорят, что эту книгу знают на Дальнем Востоке почти все моряки, зачитывают ее и с нетерпением ждут II-го тома <...> Придется тебе несмотря на болезнь поторапливаться выполнить пожелания многочисленных читателей и почитателей» (ф. 715, № 57).

Среди личных и служебных документов в архиве Дмитриева — личное (партийное) дело (1922—1925), основной послужной список (1923—1926), рапорты об увольнении в запас и о переезде со сведениями об изменениях по службе в резерве РККА (1927—1933), автобиография (1935). Все они дают довольно полное представление о его служебной деятельности.

Дмитриев был одним из активных участников группы «Литфронт». В архиве хранятся: протокол совещания членов актива «Литфронта» от 2 сентября 1930 г.; проект обращения в Ленинградский обком ВКП(б) «Мы требуем вмешательства партии в дела РАПП» (Российская ассоциа-

¹⁶ Северный вокзал (франц.).

¹⁷ В интервью «Моя работа к 20-летию Октября» Б. А. Лавренев сказал, что написал сценарий для «Ленфильма» вместе с режиссерами Блюх и Ивановым. Фильм условно был назван «Первая конная» («Литературный Ленинград», 1936, 8 февраля). Постановка этого фильма не была осуществлена.

¹⁸ Первая часть романа «Синее и белое» напечатана в журнале «Звезда» (1933, №№ 1—9, 11, 12). Б. А. Лавренев перерабатывал ее, предполагал написать и часть вторую, но работа над этой частью не была завершена.

¹⁹ Свириин Николай Григорьевич (1900—1944) — литературный критик.

²⁰ Добин Ефим Семенович (род. 1901) — литературовед, критик, искусствовед. В 1935—1937 гг. был ответственным редактором газеты «Литературный Ленинград».

²¹ Лежнев И. (Альтшуллер Исай Григорьевич, 1891—1955) — литературовед и публицист. В 1935—1939 гг. заведовал отделом литературы и искусства в газете «Правда».

ция пролетарских писателей), написанный в 1930 г. в связи с исключением группы «Литфронт» из состава РАПП (обращение написано Дмитриевым, подписано им и В. В. Вишневским); первый вариант письма членов «Литфронта» в Ленинградский обком ВКП(б) от 23 ноября 1930 г. о роспуске группы.

Редактируя журнал «Залп», Дмитриев выполнял также общественные обязанности как член секретариата и Центрального совета ЛОКАФ СССР. О работе его в «Залпе» и ЛОКАФе говорят такие материалы, как письма и докладные записки в Политуправление Балтийского флота о реорганизации и тематической перестройке журнала (1931—1933), стенограмма заседания по итогам работы редакции (1932), отрывки стенограммы пленума ЛОКАФа с выступлениями по докладу Н. Г. Свирина, посвященному первому съезду писателей (1934), и др.

Дмитриев редактировал серию книг «Литература и война» в Ленинградском отделении издательства «Художественная литература», а затем, с февраля 1933 г., заведовал сектором современной литературы в «Издательстве писателей в Ленинграде», являясь в то же время заместителем председателя правления этого же издательства. Среди бумаг архива — машинописная копия письма Дмитриева в партийную группу правления (1934), с подробным анализом недостатков в работе издательства и предложениями об улучшении его работы (ф. 715, № 43).

В деловых бумагах хранятся заявления Дмитриева в комиссию оборонной художественной литературы при оргкомитете Союза советских писателей (12 апреля 1934 г.) с просьбой разрешить ему творческую поездку в Японию и Китай для сбора материала ко второй книге романа «Адмирал Макаров»²² и договора (7) на издание повести «Есть—вести корабль», первую и вторую книги романа «Адмирал Макаров».

О широкой общественной деятельности писателя свидетельствуют мандаты и удостоверения, выданные ему как делегату на три приморских губернских съезда Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (1923—1925), на две партийные конференции Ленинградского морского флота (1926, 1927), на вторую и третью областные конференции Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП) (1928, 1929) и др. Дмитриев был избран в члены Ленинградского Совета XI созыва (1928).

В материалах, собранных Н. П. Дмитриевой, — рисунок могилы Дмитриева в Ялте, выполненный (карандашом) Б. А. Лавреневым в январе 1936 г.; телеграммы соболезнования, присланные С. И. Вапенцевым, В. В. Вишневским, М. Залкой, М. Г. Майзелем, Д. А. Либберманом, А. С. Новиковым-Прибоем, В. П. Ставским и др.; вырезки из газет с некрологами Дмитриева.

²² Поездка не состоялась, видимо, из-за болезни А. М. Дмитриева.

В. Э. Вацуро

СПИСКИ ПОСЛАНИЯ Е. А. БАРАТЫНСКОГО «ГНЕДИЧУ, КОТОРЫЙ СОВЕТОВАЛ СОЧИНИТЕЛЮ ПИСАТЬ САТИРЫ»

Знаменитая сатира Е. А. Баратынского — его послание к Гнедичу, сыгравшая важную роль в литературных взаимоотношениях поэта в 1820-е годы, неоднократно была предметом внимания исследователей. Тем не менее в истории ее создания и распространения и даже в истории текста есть «белые пятна». Начать с того, что нам неизвестен ни автограф, ни авторизованный текст ее ранней редакции, которая собственно одна только и является фактом полемики: позднее послание было переработано. Именно этот текст, с памфлетными пассажами, определял восприятие послания как «сатиры». Между тем он стал известен литературоведам лишь в 1908 г., и в настоящее время источником его являются несколько списков. К спискам этим исследователи и издатели сочинений Баратынского (В. Я. Брюсов, М. Л. Гофман, Е. Н. Купреянова, И. Н. Медведева) обращались постоянно, но до сего времени ни о степени авторитетности каждого из них, ни об истории текста сатиры не существует твердого и единого мнения.

Предлагаемые ниже заметки и наблюдения касаются списков, хранящихся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) и, отнюдь не претендуя на окончательное решение спорных вопросов, имеют целью сообщить некоторые новые данные и соображения и ввести в оборот материалы, в силу тех или иных причин не привлекавшие к себе внимания.

К настоящему времени было известно три списка интересующей нас редакции послания. Два из них хранятся в отделе рукописей Пушкинского Дома. Первый список был обнаружен и опубликован в 1908 г. В. Я. Брюсовым. Текст в нем датирован 1823 г.; по предположению советских редакторов сочинений Баратынского, список сделан также в 1820-е годы.¹ По описанию Брюсова, он находился в составе тетради; сейчас он существует в виде отдельных листков. Второй список дефектный, с обожженными краями и неполный.² Третий список хранится в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина; по нему послание было опубликовано М. Гофманом в первом томе собрания сочинений Баратынского в 1914 г.³

Список Брюсова считается обычно самой ранней редакцией. Он имеет еще некоторые особенности, не замеченные прежде и повышающие его ценность. Почерк этого списка не писарский, а индивидуальный и поддается определению. Это почерк Н. Ф. Остолопова — теоретика, критика,

¹ ИРЛИ, р. III, оп. 1, № 511. Ср.: В. Брюсов. Незданные стихи Е. А. Баратынского. — «Весты», 1908, № 5, стр. 53—58; Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений. Ред. и комм. Е. Купреяновой и И. Медведевой. Т. 2. Л., «Сов. писатель», 1936 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 247.

² ИРЛИ, 21.211/СХLVI.6.3.

³ Полное собрание сочинений Е. А. Баратынского, т. I. Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. СПб., 1914, стр. 48.

баснописца, близкого к тому литературному кругу, который явился прямым объектом сатиры Баратынского, — к кругу «Благонамеренного» во главе с А. Е. Измайловым. Оpoznать руку Остолопова нетрудно при сличении списка с сохранившимися автографами. Дополнительные подтверждения этой атрибуции дает сам список. Содержащееся в нем примечание к тексту сатиры (о котором пойдет речь ниже) подписано инициалом «О.»; на обороте же последнего листа той же рукой записана басня Остолопова «Осел и камень». Приводим ее текст, подписанный «Н. О.» и имеющий весьма симптоматичные отличия от печатного:

Осел и камень

(Басня, не пропущенная С.-Петербургскою цензурою в 1823 году)

«Умен и терпелив! толкал его и бил —
Не охнул! — так Осел о Камне говорил.
— Вот скотник наш мне кажется скотиной:
Я давиче того чуть-чуть пошевельц, —
А он меня дубиной!».
О люди-камушки! вас больше любит свет:
Глупцы тиранят вас, а вам и горя нет!

Печатая басню в 1827 г. в сборнике «Апологические стихотворения», Остолопов совершенно изменил концовку, вызвавшую нарекания в цензуре («И поделом, Осел! ты знай себя, Того не задирай, кто смышленей тебя»).⁴ Басня лишилась общественного смысла и очень потеряла в художественном отношении.

Что еще находилось в тетради Остолопова, от которой осталось три листа, мы не знаем; но, конечно, с ее исчезновением утрачен документ большой ценности: можно думать, что это был сборник бесцензурных произведений, появившихся около 1823 г.

Список Остолопова интересен уже тем, что вышел непосредственно из круга адресатов сатиры. Это не должно нас удивлять. Этика литературной борьбы не препятствовала распространению «сатир на лицо», — скорее, напротив; а Измайлов и его круг были тесно связаны с полемической традицией XVIII в., которая устанавливала определенный ритуал как для сатирического творчества, так и для восприятия и реакции на него. Как мы увидим далее, измайловский кружок будет не только сохранять, но и распространять текст сатиры, и это будет вполне в духе полудомашних отношений в ближайшем окружении баснописца. Через два-три десятилетия такая практика станет в литературном быту почти невероятной.

Список Остолопова содержит любопытное примечание к сатире, опубликованное еще Брюсовым, но оставленное без внимания и не прокомментированное. «В гербе Панаева, данном еще предкам его, — пишет Остолопов, имея в виду стихи 105 и 106 сатиры, — находится свирель. Г. Че—ский, прочитав стихи сии, сказал:

Сказать сатирику: за этот суд тебе
Достойно вырезать пук палок на гербе».

Этот «Че—ский», заступившийся за Панаева, — конечно, Иван Богданович Чеславский (1790—1844), действительный член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств со второй половины 1820 г. или с начала 1821 г. В первой половине 1820 г. здесь был читан его перевод «Федры» Расина, печатавшийся затем в отрывках в «Бла-

⁴ Апологические стихотворения Николая Остолопова... СПб., 1827, стр. 5. Тот же текст: «Северная пчела», 1825, № 39, 31 марта.

гонамеренном».⁵ 18 декабря 1822 г. он был избран действительным членом Вольного общества любителей российской словесности, — участие его выразилось в том, что в 1823 г. он прочитал здесь несколько отрывков из той же «Федры» и поместил несколько стихотворений в «Соревнователе».⁶ Есть основания думать, что строфа в известных «Певцах 15-го класса» Дельвига и Баратынского:

Я конюхом был у Пегаса,
Навоз Расинов подгробал,
И по Федоре я попал
В певцы 15-го класса —

относится к нему, а не к М. Е. Лобанову, как считается обычно.⁷ В 1822 г. Чеславский служил инспектором Театрального училища, в 1823 г. — в Департаменте государственного казначейства, под начальством Измайлова. О выступлениях его против группы Дельвига—Баратынского ничего неизвестно, и только примечание Остолопова называет нам его имя как еще одного адепта «измайловцев».

Таковы имеющиеся источники. Помимо них, в Пушкинском Доме, в архиве графа Д. И. Хвостова, неутомимого собирателя литературных документов, хранятся еще два — неучтенных — списка послания Баратынского.

Один из них был прислан Хвостову А. Ф. Рихтером, членом Вольного общества любителей российской словесности, его постоянным корреспондентом. 11 января 1824 г. Рихтер писал Хвостову из Гомеля: «Из Петербурга один добрый приятель нашего доброго г. Измайлова прислал мне сатиру Баратынского, которая, вероятно, вашему сиятельству уже известна. Несмотря что я большой почитатель сего рода словесности, однакож сия сатира не вся мне понравилась, исключая конец оной, где г. Измайлов со своим причетом изображен со всей желчью сатирика. Надобно признаться, что портрет г. Измайлова лучше всех нарисован и здесь сатирик показал свое искусство и умение чувствовать смешное».⁸ В ту же тетрадь, где находится письмо, подшит и присланный список сатиры; рядом запись Хвостова: «NB. Послание Баратынского хорошо, но жаль, что подленько: многие личности на безмудирного и других препятствуют оное напечатать, и потому я охотно сему площадному творению, в подражание Буало написанному, даю место в записках о словесности».⁹

Второй список вклеен в тетрадь материалов 1822—1823 гг.;¹⁰ в оглавлении Хвостова он обозначен: «Сатира Баратынского, достойная внимания по едкости на известных писателей».¹¹ Список этот, очевидно, сделан с первого, рихтеровского: он повторяет все его разночтения, добавляя к ним ошибки, происходящие от неверного или механического чтения строк с близким графическим рисунком слов: «насмешник» вместо «наместник» (стих 52), «стыд носящая» вместо «стыд поющая» (стих 10). В двух случаях есть иллюзия правки или редактуры: в стихе 22, «Пусть глупость русскую дразнить я буду в них», стоит «бранить» вместо «драз-

⁵ «Благонамеренный», 1820, № 17, стр. 316; № 22, стр. 240; 1821, № 7—8, стр. 10; 1823, № 18, стр. 371. Биографию Чеславского, написанную В. Гарским, см.: Русский биографический словарь, т. Чаадаев—Швитков. СПб., 1905, стр. 359—360.

⁶ В. Базанов. Ученая республика. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 426, 444.

⁷ Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений, т. I, стр. 325; т. II, стр. 299; А. А. Дельвиг. Полное собрание стихотворений. Вступ. статья, подготовка текста и прим. Б. В. Томашевского. Л., «Советский писатель», 1959 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 335.

⁸ ИРЛИ, ф. 322 (Д. И. Хвостова), № 71, л. 179.

⁹ Там же, л. 250.

¹⁰ Там же, № 70, л. 9.

¹¹ Там же, л. 1.

нить», а в стихе 39, «Все так, но, к обществу усердем пламенея», вместо «усердем» дается «любовью». Ни в одном из других списков этих разночтений нет. Это, конечно, не редаKTура, а автоматизм сознания: появление стереотипных формул при запоминании переписываемой строки. Опускаем указания на явные описки. При наличии списка Рихтера эту копию можно не принимать во внимание.

Таким образом, в нашем распоряжении оказываются три источника текста, хранящиеся в Пушкинском Доме: список Остолопова (далее: *Ост*), копия Рихтера, присланная Хвостову (далее: *Хв*), и неполная копия неизвестного происхождения (далее: *ПД*). Четвертый источник текста в ГПБ (далее: *ГПБ*). Для сопоставления необходимо привлечь и печатную редакцию «Стихотворений Евгения Баратынского» (1827) (далее: *Изд. 1827*). Положив в основу список *Ост*, представим разночтения источников в виде сводки:

Ост

- ^a Гнедичу от Баратынского ^a
- 8 ^b Бесславны в ней беды, еще бесславней счастье ^b
 15 Не тою, верю я, ^в в какой ^в иной певец
 20 По-русски галльские осмеивает ^г нравы
 34 Смиряет попыхи надутого глупца ^к
 38 ^о Едва ль полезней нам ^о юстиции министр!
 40 Я смею ль указать на всякого ^з злодея?
 44 Кому-либо ^з из нас владеть подобным правом?
 55 Однажды с разумом вступи ^к в очную ставку
 57 Уж он готовился обдумать ^к мой совет
 59 Где в двадцати строфах взывается ^к бесстыдно
 66 Вверяет свой корабль ^к неверностям ^к морей
 70 В трудах возвышенных возвышенный поэт ^о
 80 Обширный разумом и ^к сильный, громкий ^к словом,
 81 Любвью ^р к истине и к родине ^р горя
 85 Что мыслили ^о о нем сограждане тогда?
 103 ^т Россия в тишине, а с шумом непристойным ^т
 104 ^у Воюет «Инвалид» с «Архивом» беспоконным. ^у
 105 Сказать Панаеву: ^ф не музами тебе
 106 Позволено свирель напачкать на гербе.
 107 Сказать Измайлову: ^к болтун еженедельный,
 108 Ты сделал свой журнал Парнасской богадельной
 109 И в нем ты каждого убогого умом
 110 ^к С любовью жалуешь ^к услужливым листком.
 111 ^ч И Фертелев блажной, и Яковлев трактирный, ^ч
 112 ^ш И пошлый Федоров, и Сомов безмундирный, ^ш
 113 С тобою заключив торжественный союз,
 114 Несут к тебе плоды своих лакейских муз;

^{a-a} Г—чу *Хв.*; в *ПД* название и стихи 1—4 отсутствуют (текст испорчен); во втором списке *Хвостова*: Сатира Баратынского Г—чу; название сатиры не является стабильным; обозначения несомненно не авторские. ^{b-b} В *ПД* нет. ^{в-в} какой *ПД*. ^г описывает *Хв.* ^к певца *Хв.* ^{о-о} Едва ль полезнее *Хв.*; в *ПД* стихи 35—39 испорчены. ^з каждого *Хв.* ^з Кому-нибудь *Хв.*, *ПД*, *ГПБ*. ^к войдя *Хв.* ^к исполнить *ПД*. ^к взывает он *Хв.* ^к товар *Хв.* ^к неверности *ПД*; Вверяет корабли случайностям морей *Изд. 1827*. ^о После этого стиха в *Хв* строка точек; в *ПД* стихи 74—78 испорчены. ^{к-к} сильный громким *Хв.*; в *Изд. 1827* как в *Ост*. ^{р-р} к истине и родине *Хв.*; в *Изд. 1827* как в *Ост*. ^о думали *ПД*. ^{т-т} Когда в отечестве все тихо и спокойно *Изд. 1827*. ^{у-у} Одни писатели воюют непристойно! *Изд. 1827*. ^ф Аркадину *Хв.*, *ГПБ*, *Изд. 1827*. ^к Сапайлову *Хв.*, *ГПБ*; Паясину *Изд. 1827*. ^{к-к} С любовью даришь *Изд. 1827*. ^{ч-ч} И Фертелев блажной, и Яковлев трактирный *Хв.*; И Фертелев блажной, и Яковлев мудреный *ГПБ*; в *ПД* как в *Ост*; в *Изд. 1827* нет стихов 111—118. ^{ш-ш} И пошлый Федоров, и Арфин безмундирный *Хв.*; И наглый Пасквинель, и Арфин заклеянный *ГПБ*; в *ПД* текст стихов 112—120 испорчен.

115 Тобой предупрежден листов твоих читатель,
 116 Что любит подгулять почтенный их издатель,
 117 А я тебе скажу: по мне, пожалуй, пей,
 118 Но ум не пропивай и дело разумей.
 119 Меж тем иной из них, хотя прозаик вялый,
 120 Хоть плоский ^щ рифмоплет — душой предобрый малый!
 121 Измайлов, ^б например, знакомец давний мой,
 122 ^м В журнале плоский враль, ругатель площадной, ^м
 123 Совсем печатному домашний не подобен,
 124 Он милый хлебосол, он к дружеству способен:
 125 ^б В день пасхи, рождества, ^б вином разгорячен,
 126 Целует с нежностью глупца другого он;
 127 Панаев ^з в обществе любезен без усилий
 128 И верно ^ю во сто раз ^ю милей своих идиллий
 134 И сострадательный ^а ко слабостям людским
 135 ^а На них указывать не станет он лукаво ^а
 138 ^б Столь нужной верности и разума и глаз ^б
 139 В сообщество людей вступивший ^в безусловно
 142 В них свойство ^г изменить и силу естества
 145 Зачем же — будь умен — ^д он вымолвит ^д глупцу

Приведенная сводка открывает возможности для некоторых наблюдений.

Все зарегистрированные в ней источники текста принадлежат первой, допечатной редакции сатиры, но характеризуют два этапа ее распространения. Границей между ними служит общественная реакция на нее. Известен отзыв Пушкина в письме к Дельвигу от 16 ноября 1823 г. из Одессы: «Сатира к Гнедичу» мне не нравится, даром что стихи прекрасные; в них мало перца; *Сомов безмундирный* непростительно. Просвещенному ли человеку, русскому ли сатирику пристало смеяться над независимостью писателя? Это шутка, достойная кол<лежского> сов<етника> Измайлова». ¹² Любопытно, что этот отзыв почти совпадает с мнением Хвостова, отметившего то же место сатиры. Баратынский меняет эпитет, а вслед за ним несколько других, соседних, устраняя тавтологии или используя найденное определение («трактирный») в последующих строчках (стихи 120, 121, 125). Этому второму этапу распространения послания, после авторской правки, принадлежит копия *ГПБ*, в которой есть еще одно существенное и явно авторское исправление в стихе 138. Таким образом, мы можем условно говорить о двух допечатных редакциях сатиры: авторские изменения в ней, немногочисленные количественно, были очень существенны.

Первая, начальная редакция представлена тремя списками: *Ост*, *Хв* и *ПД*.

Список *Ост*, по-видимому, наиболее ранний. За исключением перечисленных выше разночтений он почти полностью совпадает с *ГПБ*, что является немаловажным аргументом в пользу точности того и другого текста. Отличаются обозначения адресатов сатиры (о чем речь пойдет особо)

^щ жалкий *Изд. 1827*. ^б Сапайлов *Хв, ГПБ*; Шутилов *Изд. 1827*; в *ПД* как в *Ост*. ^{м-н} В журнале плоский враль, ругатель записной *Хв*; В журнале плоский враль, ругатель площадной *ПД*; Трактирный весельчак, ругатель площадной *ГПБ*; В журнале пошлый шут, ругатель площадной *Изд. 1827*. ^{б-б} В свой именинный день *Изд. 1827*. ^з Аркадин *Хв, ГПБ, Изд. 1827*; в *ПД* как в *Ост*. ^{ю-ю} во сто крат *ПД*. ^а снисходительный *Хв, ПД, ГПБ*; И снисходительный к дурачествам людским *Изд. 1827*.

II, а-а На них не станет он указывать лукаво *ПД*. ^{б-б} И верности ума, и правильности глаз *ГПБ*; в *Изд. 1827* полностью изменено. ^в вступивши *Хв, ПД*. ^г свойства *Хв, ПД*. ^{д-д} я вымолвлю *Хв*.

¹² Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. Переписка 1815—1827. Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 75.

и стихи 44, 134 и 139. Во всех трех случаях чтение копии *ГПБ* подтверждается показаниями остальных списков, а для стиха 134 — и *Изд.* 1827. Разночтение в этом стихе (в *Ост* «согратательный» вместо «снисходительный») касается графически близкого слова и легко объясняется ошибкой прочтения; другие случаи — обычные в практике переписывания пропуски коротких слов или замены окончаний.¹³ Таким образом, по исправлению списка *Ост* мы получаем, очевидно, наиболее достоверный для настоящего времени текст начальной редакции.

Копия *ПД* близка к *Ост* и в трех случаях ее исправляет (т. е. совпадает в разночтениях с *ГПБ*): в стихах 44, 134, 139 (стих 114 в ней испорчен). Индивидуальные чтения имеются в ней всего в четырех стихах (стихи 57, 66, 85, 128); в одном стихе — 142 — совпадают чтения *ПД* и *Хв*. Все отличия *ПД* от *Ост* — ошибки; три из них — результат того же автоматизма памяти, который был свойствен невнимательному переписчику второй хвостовской копии; здесь мы находим словесные «облегченные» стереотипы: «исполнить» совет вместо «обдумать», «думали» вместо «мыслили» и т. п. О происхождении этой копии мы ничего не знаем.

Наименее авторитетным оказывается новонайденный текст *Хв*, хотя он получен непосредственно из кружка Измайлова, располагавшего хорошими списками. Эта копия сделана не писцом, а человеком, близким к литературе; в его сознании существовали не только языковые, но и литературные стереотипы, которые и попадали в текст. Возможно, этот «приятель Измайлова» переписывал послание не один раз, и внимание его уже было притуплено. В целом ряде случаев он отступал от текста настолько, что можно было бы предположить авторский вариант, если бы чтение подтверждалось другими списками. Таков стих 66: «Вверяет свой товар неверностям морей» (речь идет о купце). Однако во всех остальных списках вместо «товар» читается «корабль»; в *Изд.* 1827 — «Вверяет корабли случайностям морей».

Еще интереснее стих 122 — об Измайлове: «В журнале плоский враль, ругатель записной». Все остальные списки дают «площадной». Разночтение это очень похоже на намеренную редактуру, но тогда непонятно, почему не смягчены другие резкости. Впрочем, в стихе 145 мы можем предполагать редакторскую конъектуру — по смыслу (вместо «он вымолвит» — «я вымолвлю»). В остальных случаях, по-видимому, мы имеем дело с уже знакомым нам фактом инерции сознания, но, условно говоря, на более высоком литературном уровне, со своеобразным подсознательным «сотворчеством» переписчика.

Авторское происхождение разночтений не исключается, конечно, полностью, но очень мало вероятно. Случаи очевидных ошибок как будто подтверждают такой вывод. Ср. в стихе 34: «Смиряет попыхи надутого певца». По контексту и другим спискам несомненно, что чтение «глушца» здесь единственно верное. Нечто подобное наблюдается в стихе 20: «Порусски галльские описывает правы» (вместо «осмеивает») — под влиянием обычного в критической литературе фразеологизма «описание нравов», «нравоописательная сатира». В списке *Хв* больше всего индивидуальных разночтений — 9; все они смысловые и нигде не являются результатом неправильного прочтения слова. Все это понижает значение этого списка как источника текста. Вместе с тем он становится весьма интересным как исторический, психологический и текстологический прецедент.

¹³ См. примеры такого рода в книге Б. В. Томашевского «Писатель и книга» (Л., «Прибой», 1928).

Здесь нам приходится обратить внимание на одну особенность списка *Хв*: в нем зашифрованы имена литературных противников Баратынского — Цертелева, Сомова, Измайлова и Панаева, совершенно так же, как в поздней редакции *ГПБ*. Другие списки — *Ост*, *ПД* — называют их прямо.

Обстоятельство это, которое может показаться маловажным, на самом деле весьма существенно. Сатира имела широкое хождение. Зашифрованные — хотя и узнаваемые — имена были традиционны в сатирах «на дурных писателей» еще в XVIII в. (ср. «Сатиру I» В. В. Капниста, появившуюся в таком виде и в печати). Введение подлинных имен адресатов опускало сатиру на уровень пасквиля. Такова была условность литературной этики, уходящая своими корнями в свойственные еще XVIII в. представления о литературном обобщении.

Список *Хв* показывает нам, что сатира распространялась с зашифрованными именами. Нет сомнения, что так было и в исходном автографе Баратынского, о чем говорит и самый характер шифра. По-видимому, совершенно справедливо предположение М. Л. Гофмана, что в осведомленных литературных и читательских кругах шифры раскрывались при переписывании. Так, видимо, произошло в списке *ПД*. То же сделал Дельвиг, посылая сатиру Пушкину, или сам Пушкин при цитации. Наиболее яркий пример — список *Изм*, владельца которого адресаты сатиры интересовали в первую очередь. Однако степень зашифрованности и самый характер шифра неодинаковы, как неодинаковы и стоящие за ними литературные отношения Баратынского.

Часть имен шифруется в соответствии с традицией сатир XVIII в., т. е. по близости звучания. Это Сапайлов — Измайлов и Фертелев — Цертелев. Они — преимущественно литературные противники, и вражда с ними не выходит за границы литературной полемики. Резкость нападок на Измайлова уравнивается добродушно-снихождительными пассажами о личности «милого хлебосола». Совершенно такое же отношение к «старшему брату по Каменам» в полемическом послании Дельвига «К А. Е. И.» 1822 или 1823 г.

Вторая группа имен вовсе не зашифрована. Это Б. Федоров и П. Л. Яковлев. По отношению к ним тон резко пренебрежителен. Федоров при вторичной зашифровке получит наименование «наглый Пасквинель». Это понятно: Федоров считался литературным парией даже в измайловском кружке; его именовали «Борькой», и продукцию его иной раз не принимали всерьез даже литературные единомышленники. Несколько сложнее обстояло дело с Яковлевым — «трактирным Яковлевым», как определяет его Баратынский. Племянник Измайлова, он принадлежал вначале к дельвиговскому кружку; позднее его дружеская связь с Измайловым все более крепнет, и к 1823 г. он один из ближайших его адептов и сотрудников.¹⁴ Резкость отзыва о нем не совсем ясна; при переработке она нейтрализуется.

Наконец, третья группа имен имеет «фиктивный шифр». Она наиболее интересна. К ней относятся В. И. Панаев — «Аркадин» и О. М. Сомов — «Арфин». Они обозначены псевдонимами «Общества любителей словесности и премудрости» — салона С. Д. Пономаревой, под которыми члены выступали и в печати (в «Благонамеренном»). По существу, здесь имена названы прямо, но только для членов небольшого кружка. Некоторые обстоятельства заставляют думать, что отношение сатирика к ним наиболее враждебно.

¹⁴ И. Медведева. Павел Лукьянович Яковлев и его альбом. — Звенья, т. VI, М.—Л., «Academia», 1936, стр. 114—122.

По отношению к Сомову справедливость этого утверждения, вероятно, не нуждается в специальных доказательствах. Эпитет «безмундирный» — явная «личность». Сомов не служил и постоянно нуждался в деньгах. Намек был бы бестактен, если бы он не был ответом на еще более бестактные нападки Сомова на «унтерский мундир» Баратынского — знак постигших того репрессий и солдатчины.¹⁵ Баратынский изменил эти строки, как уже упоминалось, под воздействием общественного мнения, и, весьма вероятно, не только мнения Пушкина. Как раз в 1823 г. проблема независимости писателя широко дебатруется в Вольном обществе любителей российской словесности; отзвуки этих дебатов мы находим в целой серии посланий к Гнедичу (Воейкова, Рылеева, Плетнева и др.), в полемике вокруг «Ободрения» Б. Федорова, в переписке Пушкина с Бестужевым и т. д. Общественное звучание строк Баратынского в этих условиях было одиозным. Однако изменив их, поэт усилил резкость характеристики («Арфин заклеянный»).

Если полемика с Сомовым носила открыто памфлетный характер с обеих сторон, то с Панаевым она шла подспудно, начавшись какими-то столкновениями еще в салоне Пономаревой. Панаев был одним из вдохновителей кампании против молодых поэтов. Он никогда не выступал против них печатно, но по нескольким разрозненным фактам мы можем судить о непрерывно растущей взаимной недоброжелательности. Панаев задет в эпиграмме Баратынского «Идиллик новый на искусу» и в «Певцах 15-го класса». Он свел с Баратынским давние счёты в исключительной по тенденциозности и враждебности характеристике поэта в своих поздних мемуарах. Памфлетный портрет Баратынского граничит здесь с пасквилем: Панаев обвинял своего врага в аморализме, не без злорадства упоминая о юношеском его проступке; друзья Баратынского выступили с печатными протестами.¹⁶

В *Изд. 1827* Баратынский исключил из сатиры стихи 111—118: о Яковлеве, Сомове, Федорове, Цертелеве. Борьба с ними отошла в прошлое. Единый облик Измайлова — издателя журнала и полемиста — распался на два: издателя «Паясина» и критика «Шутилова»; реальный прототип сделался трудно узнаваемым. Единственным лицом, названным прямо, своим литературным псевдонимом начала 1820-х годов, остался Аркадин — Панаев.

За всем этим стоит какой-то эпизод литературных и, быть может, личных отношений, не вполне для нас ясный, может статься и не документированный, — эпизод, насыщенный внутренним драматизмом. Не он ли отразился в пренебрежительной враждебности отзывов о Панаеве Пушкина, почти с ним не сталкивавшегося? Здесь мы можем только строить предположения.

Печатаю свою сатиру в собрании стихотворений 1835 г., Баратынский полностью убрал из нее следы литературной полемики. Как и другие поздние редакции ранних стихов, она получила обобщенный смысл. Однако создание ее и распространение неразрывно связаны с литературно-общественной борьбой 1820-х годов, в которой она составляет достойный пристального внимания эпизод. Ранние списки ее — первостепенный, а в ряде отношений и единственный материал для изучения этого эпизода, открывающий дальнейшие пути для его общей историко-литературной оценки. Но это уже особая тема.

¹⁵ См. об этом в комментариях И. Н. Медведевой в кн.: Е. А. Баратынский. Полное собрание стихотворений, т. 2, стр. 248.

¹⁶ Ср.: В. Панаев. Воспоминания. — «Вестник Европы», 1867, № 12, отд. 1, стр. 179—181; Н. Путята. Заметки на воспоминания В. И. Панаева. — Там же, 1868, № 1, стр. 141—146; П. Кичеев. Еще несколько слов о Баратынском. — «Русский архив», 1868, № 6, стр. 866.

II. НОВЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Л. П. Архипова, М. И. Малова

ОБЗОР ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫХ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX—XX вв., ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) АН СССР ЗА 1970—1971 гг.

НОВЫЕ ФОНДЫ

Булгаков Василий Константинович (ум. после 1917), писатель, чиновник особых поручений Министерства финансов. Фонд 711.

Рукописи произведений: 11 тетрадей стихотворений, поэмы «Переселенец», «Пройденный путь»; повести «Мертвая усадьба», «Разлад»; рассказы «В ожидании места», «Вечерняя заря», «Встреча», «Вызов», «Последняя сказка», «Сын мещанина», «Черная полоса» и др.

Вырышаев Петр Андреевич (1905—1969), историк русской литературы, директор музея-усадьбы М. Ю. Лермонтова «Тарханы» (1954—1966). Фонд 717.

Рукописи его трудов (автографы и машинопись с правкой автора): книга «Лермонтов. Новые материалы к биографии» (издана в 1972 г. под ред. В. А. Мануйлова) и материалы к ней (воспоминания старейших жителей имения «Тарханы» о М. Ю. Лермонтове и Е. А. Арсеньевой, записанные П. А. Вырышаевым, и др.), верстка книги «На берегу Милорайки» (Саратов, 1967), статьи, заметки, рецензии, выписки из архивных и печатных источников и др.

Письма к П. А. Вырышаеву: И. Г. Адмони (1964), С. А. Андреева-Кривича 2 (1962, 1963), И. Л. Андроникова 6 (1951—1966), А. П. Анисимовой 4 (1950—1951), А. М. Докусова 2 (1963, 1964), И. Я. Заславского (б. д.), Т. И. Ивановой 13 (1958—1968), Ю. Н. Либединского (1958), В. А. Мануйлова 64 (1955—1967), Н. Д. Мордвинова (1964), С. И. Недумова 2 (1951, 1961), Н. П. Пахомова 8 (1962—1969), А. В. Попова 5 (1963—1965), Г. П. Похвиснева (1961), Л. И. Прокопенко 10 (1956—1968), П. Е. Селегея (1967), Л. П. Семенова 4 (1952—1956), Т. В. Толстой 66 (1953—1965), Г. Н. Троёпольского (1967), А. В. Храбровицкого 5 (1951—1967) и др.

Автобиография (1937). Личные документы: свидетельства о рождении 24 IX 1905, об окончании чембарской школы II ступени (1926), Саратовского университета (1930) и др. Портрет (фото) П. А. Вырышаева. «Биография П. А. Вырышаева», написанная его женой О. С. Вырышаевой (<1971>).

Гордеев Богдан Петрович (псевд. Божидар, 1894—1914), поэт. Фонд 708.

Рукописи (черновики): подготовительные материалы к книге «Распевочное единство» (М., 1916) и другим работам по стиховедению; статья «Мегафорический сад», посвященная сборнику стихов Сергея Боброва «Вертоградари над лозами» (б. д.); «Исследование „Симфоний“ А. Белого» (б. д.); поэма «Альфарида» (1910—1911) с посвящением А. Белому; материалы к антологии поэзии (М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, В. В. Капнист и др.).

Письма к родным: Е. Д. Гордеевой (рожд. Чирикова) 7 (1913), Х. П. Гордеевой 2 (1909, 1913), Д. П. Гордееву 2 (1913), Т. П. Гордееву (1913). Личные документы: свидетельство о рождении 16 VIII 1894, портрет (фото) (<1910-е годы>). Краткая биография Б. П. Гордеева, составленная Е. Ф. Буренковой (1969).

Книги Б. П. Божидара: «Бубен» (М., 1914; изд. 2-е. М., 1916), «Распевочное единство» (М., 1916).

Ельшина Ольга Александровна (рожд. Черемшанова, 1904—1970), мастер художественного слова, артистка, автор книги «Склеп» (Стихи. С предисл. М. А. Кузмина. Л., 1925). Фонд 707.

Произведения: стихотворения, рассказы, сценарии балетов, статьи по фольклору; альбомы с ее стихотворениями и записями других лиц 6 (1916—1920). Письма к О. А. Ельшиной: Б. Л. Битова 100 (1938—1969), Г. Ю. Бруни (1940), М. И. Гуревича 5 (1961—1962), А. И. Канкаровича 66 (1927—1956), С. А. Кочаряна (1941), Н. А. Трофимовой 10 (1940—1958) и др. Автобиографии 2 (1950, 1967), личные документы.

Редько Александр Мефодиевич (1866—1933), инженер путей сообщения, литературовед, сотрудник журнала «Русское богатство» в 1904—1918 гг. Фонд 709.

Рукописи А. М. Редько (черновые автографы и машинопись); статьи, доклады и материалы к ним, посвященные творчеству Л. Н. Андреева, А. Белого, А. А. Блока, В. Я. Брюсова, М. Горького, Г. Ибсена, В. Г. Короленко, Н. К. Михайловского, С. Я. Надсона, Ф. Сологуба, Л. Н. Толстого, О. Уайльда, Г. И. Успенского, Н. Г. Чернышевского, А. П. Чехова и др.; «Настроение революционной молодежи в период 1881—1886 гг.» (<1928>); воспоминания (1930) об И. Ф. Анненском, Ф. Д. Батюшкове, С. А. Венгерове, С. П. Швецове, Н. В. Шелгунове и др.; перечень литературных работ с 1918 г. (<1930>); перечень научных трудов (<1930>).

Письма А. М. Редько (черновые автографы и машинопись): к О. В. Аптекману (1922), А. Е. Кауфману (1919), Л. М. Клейнборту (1922), А. Е. Крученых (1913), А. В. Пешехонову (<1911>), А. В. Прибылеву (1930), Е. А. Редько (1928), Е. И. Редько 23 (1896—1928) и др.

Письма к А. М. Редько: О. В. Аптекмана (1922), Ф. Д. Батюшкова 3 (1914—1917), В. В. Богданова 3 (1897—1900), А. В. Ганзен 7 (1927—1929), А. Г. Горнфельда (1916), А. Я. Гуревич (<1917>), С. И. Дружинина (1907), С. Я. Елпатьевского (1925), Е. И. Замятина (1922), В. А. Зеленко (1927), Р. В. Иванова-Разумника 2 (1911, 1922), Н. И. Кареева (1926), Е. П. Карпова (1923), А. Е. Кауфмана (1918), Л. Крживицкого (1901), А. Е. Крученых 2 (1913), П. В. Мокиевского (1922), В. В. Муйжеля (1912), В. А. Мякотина 6 (1911—1922), В. Н. Печковского (1918), С. Ф. Платонова (1929), В. В. Португалова (1917), А. А. Радцига (1911), П. Н. Сакулина (1910), Е. П. Султановой (рожд. Леткова) (1918), М. Я. Фитермана (1911), К. И. Чуковского 3 (1922—1923) и др.

Биографические материалы: «Жизнеописание» (1933), личные документы — свидетельства о рождении 10 IV 1866, об окончании С.-Петербургского второго реального училища (1882) и его химико-технического

отделения (1883), диплом об окончании Института инженеров путей сообщения (1904), служебные документы. Портреты (фото) А. М. Редько 2 (1904 и 1928). Материалы, относящиеся к деятельности А. М. Редько в ленинградском отделении «Общества А. П. Чехова и его эпохи», его устав, списки членов; письма к А. М. Редько по делам общества: А. Б. Дермана 11 (1929—1930), Н. А. Семашко (1930), П. А. Стефановского (<1929>).

Статья А. Б. Петрищева «Г. И. Успенский в нынешнем потомстве» (<1922>).

Письма разных лиц: Р. В. Иванова-Разумника к В. А. Мякотиной (1929), А. Г. Горнфельда к Е. И. Редько (1933), Н. И. Кареева к Е. И. Редько 2 (1928, 1931), М. В. Сабашникова к К. В. Аркадакскому (1928), В. Я. Шишкова к Е. А. Редько (1938).

Портреты (фото) разных лиц: М. Горького, С. Я. Надсона, А. Н. Плещеева (с дарительной надписью), Г. И. Успенского (3), Л. П. Шелгуновой.

Самойлова Надежда Константиновна (1877—1967), писательница и переводчица, сотрудница издательства «Всемирная литература». Фонд 710.

Произведения: роман «Тайна автомобиля Курта»; рассказы «Как это было. (В командировке)», «Мартын», «Мганга» и др.; пьесы «Огниво» (по сказке Г.-Х. Андерсена), «Без пяти двенадцать» (по Г. де Мопассану); стихотворения.

Письма к Н. К. Самойловой: В. Г. Короленко (1906), В. Г. Финка 3 (1957—1967).

Личные и служебные документы. Краткая биография, составленная ее дочерью В. Н. Самойловой.

Письмо В. Г. Финка к В. Н. Самойловой (1967).

Чирков Николай Максимович (1891—1950), историк русской и западноевропейской литературы. Фонд 712.

Рукописи его трудов (черновые автографы и машинопись), преимущественно об А. А. Блоке, Ф. М. Достоевском, Г. Ибсене, А. Стриндберге, Л. Н. Толстом, И. С. Тургеневе, Н. Г. Чернышевском; подготовительные материалы.

Письма к Н. М. Чиркову: В. Д. Бонч-Бруевича (1950), Б. И. Крюкова (1949), П. В. Тарана-Зайченко 2 (1949).

Автобиография (1949), свидетельство о рождении 10 (22) III 1891; портреты (фото), индивидуальные и групповые.

«Краткая биография Николая Максимовича Чиркова», написанная его женой О. Я. Чирковой (1970).

Чирсков Борис Федорович (1904—1966), кинодраматург. Фонд 716.

Киносценарии (черновые автографы и машинопись с правкой): «Наследный принц республики» (совместно с Р. Музыкантом), «Валерий Чкалов» (совместно с Г. Байдуковым и Д. Тарасовым), «Великий перелом», «Калинин» («Президент»), «Кавалер Золотой Звезды» (по роману С. Бабаевского), «Сестры», «Восемнадцатый год», «Хмурое утро» (по трилогии А. Толстого «Хождение по мукам»), «Если позовет товарищ» (по рассказу В. Конецкого), «Барьер неизвестности» (совместно с Д. Радовским и М. Арлазоровым), «Два билета на дневной сеанс» (совместно с Е. И. Худиком) и др.

Письма Б. Ф. Чирскова: к Н. И. Гончарову (1951), Крицману (<1950>), Кунцу (1958), Г. П. Макагоненко (б. д.), Л. И. Толстой (1954) и др.

Письма к Б. Ф. Чирскову: М. Н. Алейникова (1950), А. И. Анисимова (1951), С. П. Антонова (1951), М. С. Арлазорова (1960), Г. Н. Боя-

джиева 2 (1945, 1946), В. Я. Виленкина 2 (1947), Вс. В. Вишневского (1948), В. Н. Головни (1954), Н. И. Гончарова (1951), С. Д. Дрейдена (1946), С. А. Ермолинского (1950), Е. И. Катерли (1953), Е. М. Кузнецова (1948), Б. А. Лавренева (б. д.), И. Г. Ольшанского (б. д.), Н. Оттена (псевд. Н. Д. Потапинского) 2 (1947, 1948), В. Ф. Пановой (1949), Н. Ф. Погодина (б. д.), Б. Н. Полевого (1954), А. Д. Попова (1946), Д. М. Радовского 4 (1959—1960), Расула-Рзы (1948), М. И. Ромма (б. д.), Л. И. Толстой (1954), Л. В. Успенского (1950) и др.

Автобиография (1952), личные и служебные документы: свидетельство о рождении 23 VII (5 VIII) 1904, свидетельства об окончании средней школы (1922), факультета языкознания и материальной культуры Ленинградского университета (1925), дипломы, почетные грамоты, адреса, удостоверения.

ДОПОЛНЕНИЯ К ФОНДАМ

Богословский Павел Степанович. Письма к нему: А. А. Дмитриева, И. Г. Казанцева, А. Неверова (псевд. А. С. Скобелева), Е. А. Пермяка и др. (1920—1930).

Баратынские. Семейная переписка Дмитрия Евгеньевича и Софьи Лукьяновны Баратынских и их детей, портреты (фото), личные документы и др. (1900—1905).

Быков Петр Васильевич. Письма к нему: А. Т. Аверченко, Л. И. Андрусона, С. А. Ауслендера, Б. А. Лазаревского, Н. А. Лейкина и др. (1892—1910).

Волошин Максимилиан Александрович. Стихотворения (творческие тетради (3) 1903—1930 гг.). Письма его к разным лицам и письма к нему разных лиц. Биографические материалы (1920-е годы).

Зув Александр Никанорович. Повесть «Зеленая ящерица», сборник рассказов «Золотые искры»; записные книжки, письма к нему разных лиц, портреты его (фото), рисунки; почетная грамота за активное участие в работе газеты «Правда» в связи с ее 50-летием и др. (1930—1960-е годы).

Коптев Василий Федотович. Письма к нему разных лиц, книги и портреты (фото) с дарительными надписями и др. (1960-е годы).

Леонтьев Борис Андреевич. Письма его к сестре и дочери; письма к нему Л. И. Борисова, В. А. Рождественского, В. В. Смирнского и др. (1960-е годы).

Лермонтов Михаил Юрьевич. Список поэмы «Демон» (<1843>).

Ляцкий Евгений Александрович. Работы об И. А. Гончарове и материалы к ним; письма к нему Л. Н. Андреева, А. Н. Бормана, В. В. Каррика, Н. К. Рериха и др. (1918—1919).

Павлович Надежда Александровна. Воспоминания «Невод памяти», ч. I, главы I—IX и отдельные главы из II и III частей; письма к ней разных лиц и др. (1960-е годы).

Раевский Николай Алексеевич. Исследования его «Нащокины», «Портреты заговорили» и иллюстрации к ним (1950—1971).

Рождественский Всеволод Александрович. Черновые рукописи стихотворений (1970—1971).

Смирнский Борис Викторович. Материалы к его историко-литературным работам (1960-е годы).

Смирнский Владимир Викторович. Воспоминания о В. Д. Бонч-Бруевиче, К. Ф. Грекове, Б. А. Лаврентеве, В. В. Маяковском, Я. Ф. Органищаке, Л. Н. Сейфуллиной; письма к нему Б. П. Козьмина, Н. Н. Кухаркова, А. И. Смердова, Б. В. Смирнского и др. (1950—1960); портрет (фото) его деда адмирала С. О. Макарова (1900-е годы). Сборник стихотворений (1964—1970) «Эхо тишины» Юрия Неизвестного и пр.

Сню Ольга Павловна (псевд. Анна Снегина). Произведения «Гроза», «Среди потока», «Тайные мели» и др. (1905—1915).

Станюкович Константин Михайлович. Материалы, относящиеся к его дочери Марии Константиновне Станюкович (письма, фотографии и др.) и Ольге Викторовне Синакевич-Яфа (рукописи ее, письма к ней и др.) (1900—1939).

Тургеневы, бр. Письмо Е. Н. Муравьевой-Амурской (рожд. Рипшмонд) к Ф. Н. Тургеневой (1885).

Шапорина Любовь Васильевна. Письма к ней М. Л. Лозинского, Ф. А. Малявина, А. П. Остроумовой-Лебедевой, В. А. Рождественского, Н. С. Тихонова и др. (1940—1950-е годы); портреты (фото) ее и родных (1920—1960-е годы).

Фомин Александр Григорьевич. Рукописи его работ. Записки и дневник за 1905—1908 гг., автобиографии его 18 (1920—1937), личные документы (1930-е годы), портреты (фото) А. Г. Фомина, его родных, сослуживцев, учеников и др. (конец XIX в. — 1920-е годы).

ОТДЕЛЬНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ

Алматинская Анна Владимировна, писательница. Стихотворения 22 (1914—1970), рукопись и машинопись; воспоминания: «Встреча с А. М. Горьким» (1971), «Моя встреча с Есениным» (1971), «Мой ответ на анкету Союза писателей» (1971); краткая биография (1971). Письма к А. В. Алматинской Г. С. Кендзерской (1970), Т. А. Колпаковой (1970), Г. Н. Чаброва 3 (1967—1969) и др.

Андреев Леонид Николаевич. Письмо к А. Д. Нюренбергу (1915), машинопись, подпись-автограф; портрет (фото) Нюренберга и некрологи его 2 (1917), вырезки из газет.

Ахматова Анна Андреевна. Блокнот с ее записями (1960—1961) стихотворений («Муза», «И уже заглушая друг друга...», «Ни розою ветров, ни флейтою пана...»), отдельных четверостиший и строк, заметками о «Поэме без героя», выписками из статьи С. Маркиш «О языке и стиле Апулея». Здесь же дан перечень содержания некоторых книг Ахматовой, адресов и т. п. Дарительная надпись 1922 г. С. А. Алексеева (псевд. С. Аскольдов) на оттиске его статьи «Психологическое понятие личности» (из журнала «Психологическое обозрение», 1918, № 1—2).

Аренс Лев Евгеньевич, научный работник, поэт. Автобиография (1954); стихотворения 132 (1919—1934); статьи «Мысли о лирике вообще и о лирике Пушкина в частности», «Слово о полку будетлянском» (характеристики В. В. Хлебникова, Г. Н. Петникова, Т. В. Чурилина, Божидара (псевд. Б. П. Гордеева), Н. Н. Асеева, Б. Л. Пастернака, В. В. Каменского); «Памяти Л. С. Берга», «Памяти Ю. И. Коса» и др. (1920—1961); доклад в Географическом обществе «Мысли А. С. Хомякова о географии» (1966). Письма к Л. Е. Аренсу Г. Н. Петникова 8 (1965—1966) и дарительная надпись (1965) на сборнике стихотворений Петникова «Заветная книга» (Симферополь, Крымиздат, 1964); дарительная надпись Т. В. Чурилина на «Второй книге стихов» (М., «Лирень», 1918), литерированный экземпляр (литер «Е»), обложка работы худ. Б. Корвин-Каменской. Некролог «Л. Е. Аренс (1890—1967)», написанный Н. Воскресенским (1967).

Аренс Лидия Аполлоновна. «Воспоминания о Коктебеле, М. А. Волошине и его окружении» (1971).

Беляев Михаил Дмитриевич. Автобиографии 2 (1947, 1951); список печатных трудов (1921—1947); воспоминания: о М. Горьком и его окру-

жении (1942), «Петербург—Ленинград за 50 лет», «Воскресенское—Тихвинское», «Детство», «Первая поездка в Москву» и др. (1946—1951).

Блок Александр Александрович. Стихотворение «Мне страшно с тобой встречаться...» (<1902>); письмо и записка с визитной карточкой Блока В. Н. Васильевой (1918, 1924); дарительная надпись В. А. Фейдер на книге стихотворений «Седое утро» (Пб., «Алконост», 1920); записи адресов и номеров телефонов Н. А. Павлович, В. Я. Шишкова, А. М. Ремизова, М. М. Шкапской, Е. И. Замятина и другие записи для памяти (<1918>).

Бронштейн Нина Исааковна. Краткая биография, личные документы, портреты (фото) 2 (1924, 1941); рукописи неопубликованных работ по Лермонтову (1937—1941): «К истории встреч Лермонтова с декабристами», «С. И. Кривцов», «Генеральша Мерлини», «Пятигорские встречи»; разработки экскурсионных тем: «Лермонтов в Пятигорске», «По лермонтовским местам» и др. (<1937—1941>).

Брюсов Валерий Яковлевич. Стихотворение «Лестница» («Все каменной ступени...», 1902); список поэмы «Воспоминание. Симфония первая, патетическая, в 4-х частях со вступлением и заключением» (начало 1920-х годов).

Бунин Иван Алексеевич. Письмо к Т. М. Шабад (1914), машинопись, подпись и адрес на конверте — автографы.

Волошин Максимилиан Александрович. Стихотворение его «Я узнаю себя в чертах...» (б. д.).

Гессен Сергей Яковлевич, литературовед-пушкинист. Материалы, собранные им для докторской диссертации «М. С. Лунин» (1935—1937).

Гогин Николай Александрович. Воспоминания о деде Г. Д. Гогине, встрече его с М. Горьким в Н. Новгороде в 1900-х годах (1971), машинопись с подписью автора.

Грибоедов Александр Сергеевич. Список комедии «Горе от ума» в сборнике (вторая половина XIX в.) с записями стихотворений А. В. Кольцова, А. Е. Измайлова, А. С. Пушкина, И. А. Крылова и др.; факсимильное издание «Дела коллежского асессора, служащего секретарем по дипломатической части при главнокомандующем в Грузии, — А. С. Грибоедова» (1826).

Грин А. (псевд. Гринева Александра Степановича). Стихотворение «Посвящение Вере Небиере» (В. Н. Васильевой) (1920-е годы).

Грунтов Александр Константинович. «Материалы к истокам биографии поэта Н. А. Клюева», частью копии архивных документов с фотоиллюстрациями в тексте (1960-е годы).

Грибовская (рожд. Островская) Наталья Александровна. Воспоминания ее об И. С. Тургеневе (<1884>).

Добровольский Виктор Эростович. Рукописи повестей «Ниночка Баланина» и «В горном ауле», рассказа «Чад суеверия», драматического этюда «Вдвоем», очерка «Два ревизора» и ноты (рукописи и печатные) романсов и песен С. Г. Фруга, Н. А. Некрасова и др., положенных на музыку Добровольским; портрет (фото) его (1900-е годы).

Достоевский Федор Михайлович. Дарительная надпись на титульном листе книги «Униженные и оскорбленные» (5-е изд. СПб., 1879): «Катерине Прокофьевне Рохель от автора на память» (б. д.). Книга в черном коленкором переплете, на котором вытиснено золотом: «Память любимого писателя и друга».

Есенин Сергей Александрович. Воспоминания о нем А. И. Коломийцевой, Г. А. Лапша-Старженецкого, К. М. Лисова, М. В. Энгельгардт (в 1-м браке Пушкирева, во 2-м — Яковлева), записанные с их слов и обработанные А. А. Лапша-Старженецкой (рожд. Чачуа, в 1-м браке Гребеновская) (<конец 1960-х—начало 1970-х годов>).

Материалы Лапша-Старженецкой, ее автобиография, портрет (фото) и «Воспоминания о пребывании Есенина в Батуме», статья «Есенин, его лирика и истолкователи» («конец 1960-х—начало 1970-х годов»).

Жихарева Ксения Михайловна. Письмо ее к В. А. Фейдер (1920).

Каверин Вениамин Александрович. «Лейпцигская хроника. Драматический фрагмент» (1920), рассказы 1920-х годов «Зеркала», «Инженер Шварц», «Филька — зеркальная рожка»; глава из романа «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1931); статьи «Отечественная война» (1944), «Гости и годовщина» (о кружке «Серапионовы братья») (б. д.); речь на заседании в Доме писателя в честь его 60-летия (1962); черновик письма к З. В. Ермольевой (б. д.).

Карцова (рожд. Огарева) Мария Петровна. Воспоминания о Н. П. Огареве, А. В. Шаховском, имени Гончаровых Яропольде, с упоминаниями имен А. С. Пушкина и его потомков, о М. Ю. Лермонтове и др. (конец 1950-х—начало 1960-х годов). Машинописная копия с правкой.

Кезевич Наталья Николаевна. Два адреса, поднесенные ей сослуживцами по случаю ухода с поста председательницы Библиотечных собраний (1913) и 25-летия службы в бесплатной читальне им. А. С. Пушкина (1915).

Кирилин Андрей Степанович. художник-любитель. Записки о работе над картинами: «Пушкин среди странников около Святогорского монастыря», «Приезд И. И. Пущина в Михайловское»; воспоминания о детстве, юности, участии в первой империалистической войне, жизни в плену (в Австро-Венгрии), возвращении в Россию и пр. (1960-е годы).

Клюев Николай Алексеевич. Сказка его «Гот Ефстафий» в записи И. Р. Ильина (1970), машинопись. Воспоминания о нем В. В. Ильиной (1930-е годы), машинопись.

Корнилов Борис Петрович. Машинописные копии материалов, собранных Музеем Корнилова в г. Семенове Горьковской области (1970): стихотворения Б. П. Корнилова 27 (1925—1936); сборник стихотворений, посвященных памяти Корнилова, — О. Ф. Берггольд, М. П. Берновича, Н. Л. Брауна, Я. В. Смелякова, М. А. Шехтера и др. (1930—1960).

Кульжинский Иван Григорьевич. «Последние стихотворения» (1880-е годы), «Воспоминания о Нежинском лицее» (1880-е годы), официальная переписка с Киевским цензурным комитетом о предполагавшемся издании газеты «Русская правда» (1860—1863), письма к И. Г. Кульжинскому П. И. Гаевского, П. О. Науменко, И. П. Новикова и др. (1825—1860), завещания его 2 (1872, 1884) и др.

Кульжинский Степан Иванович. Дневник (1852—1854), ученические сочинения на разные темы, черновики писем к родным и др. (1850-е годы).

Любимова Антонина Васильевна, художница. Воспоминания: «Пензенский художественный техникум в 1919—1926 гг.» (1968), «А. Е. Карев — преподаватель ВХТЕИНа» (1970), «Что я помню о Е. С. Кругликовой» (1965), «Встречи с К. М. Рудаковым» (1971), воспоминания о блокаде Ленинграда, с иллюстрациями автора (1970).

Мельникова Елизавета Юлиановна. Воспоминания о профессорах Высших женских (Бестужевских) курсов (1911—1916): Д. В. Айналове, С. К. Буличе, А. И. Введенском, Ф. Ф. Зелинском, М. М. Ковалевском, И. И. Лапшине, И. В. Лучицком, Д. Н. Овсяннико-Куликовском, М. Я. Пергаменте, Н. К. Пиксанове, С. Ф. Платонове, М. И. Ростовцеве, М. И. Туган-Барановском, И. А. Шляпкине; «Воспоминания старой бестужевки» (1968).

Милорадович Сергей Дмитриевич. Воспоминания: «Детство и юность», «Три года в Училище живописи (1874—1878)», «Училище иконописания».

«Из моей автобиографии», «Ходынка», с фотоиллюстрациями автора (б. д.); формулярный список (1912) и др.

Надсон Семен Яковлевич. Стихотворение «Нищие» («Пошлость жизни еще не успела...»). В «Полном собрании сочинений» С. Я. Надсона (Библиотека поэта. Большая серия. 1962) напечатано в другой редакции под названием «Ты дитя. Жизнь еще не успела...» (<1880>).

Немирович-Данченко Василий Иванович. Записка на визитной карточке В. А. Фейдер (<1920?>).

Никитин Николай Игнатьевич. Поэма «Погребение Руса (начало десятого века). Содержание взято из „Путешествия на Волгу“ араба Ибн-Фадлана», машинопись с правкой и подписью автора (1939).

Петров Сергей Владимирович (псевд. Ярослав Азумлев). Сборник стихотворений 1955—1965 гг. «Из новгородских стихов», авторизованная машинопись (1970).

Пиксанов Николай Кириякович. Письмо его в редакцию «Бюллетеня Средне-Азиатского государственного университета» в связи с публикацией статей, посвященных 40-летию его научной деятельности (1943, январь); некролог «Николай Кириякович Пиксанов (1878—1969)», написанный С. О. Шмидтом, авторизованная машинопись (1969).

Ремизов Алексей Михайлович. Записи об основании издательства «Сирин» и материалы, относящиеся к его организации (1912—1913). Письма А. М. Ремизова к В. А. Фейдер (1920), А. М. Левиной (1909), М. Д. Орехову (1918).

Телеграммы: В. Я. Брюсов — А. М. Ремизову, М. И. Терещенко — Р. В. Иванову-Разумнику; письма: Р. В. Иванову-Разумнику — Ф. К. Сологубу, С. Я. Осипов — Р. В. Иванову-Разумнику.

Розанова Татьяна Васильевна. Воспоминания о В. В. Розанове и его семье с 1904 по 1969 г., с приложением портретов (фото) В. В. и В. Д. Розановых.

Садофьев Илья Иванович. Беловая рукопись стихотворения «Опасная игра» (1926); книги его с дарительными надписями Е. В. Каменской: Динамо-стихи. Пгр., Пролеткульт, 1918; Окровавленная лестница. Рассказы. Пгр., Пролеткульт, 1920—1921; Сильнее смерти. Поэма. Пгр., «Комист», 1922; Огни. Поэма. С рисунками Вл. Милашевского. Л., 1924; Простей простого. Стихи и поэмы. М., «Недра», 1926.

Селезнев (Василевский) Константин Львович. Очерк «Лев Маркович Василевский (1876—1936)», авторизованная машинопись (1971).

Славина Елена Степановна. Воспоминания о Н. М. Чернышевском «Внук Чернышевского» (1965) с приложением копии стихотворения Н. М. Быстровой (рожд. Чернышевская) «На смерть Н. М. Чернышевского» (1925). Письмо К. А. Федина к Е. С. Славиной (1965).

Соколова Екатерина Сергеевна. Воспоминания о жизни в Ленинграде в 1941—1945 гг. Авторизованная машинопись (1970).

Сологуб (псевд. Тетерникова Федора Кузьмича). Письмо А. А. Тихонову (псевд. А. Луговой) (1905); фото с рисунка худ. М. Соломонова «Сологуб в гробу» (1927).

Тургенев Иван Сергеевич. Предисловие к роману Б. Ауэрбаха «Дача на Рейне» — фотокопия немецкого текста рукописи Тургенева, хранящегося в Архиве Гете и Шиллера в Веймаре, в фонде Ю. Роденберга.

Фигнер Аполлон Владимирович. Воспоминания о дяде — партизани Отечественной войны 1812 г. А. С. Фигнере (1873).

Храбровицкий Александр Вениаминович. «Летопись жизни и творчества В. Г. Короленко», вып. I—IV (1853—1885), машинопись с правкой составителя (1970—1971).

Чуковский Корней Иванович. Рецензия на собрание сочинений А. Ф. Кони (тт. 1—2. М., 1966), машинописная копия (б. д.).

Шателен Мария Михайловна (внучка А. Н. Островского). «Описание усадьбы-музея А. Н. Островского „Щельково“ в 70—80-е годы по рассказам современников и личным воспоминаниям» (1968—1969); фото дома в усадьбе (1899—1901).

Шишков Вячеслав Яковлевич. Письмо к В. А. Фейдер (1920).

Эренбург Илья Григорьевич. Письма к В. Ф. Правдолюбову (4) с приложением портрета (фото) с дарительной надписью (1962—1967).

Эрнст Луиза. Альбом ее с записями и рисунками разных лиц (в том числе М. Е. Салтыкова-Щедрина и Н. Е. Салтыкова) на русском, немецком и французском языках (1830—1850).

Яковлев Владимир Анатольевич. Оригинальные стихотворения и переводы из Поля Верлена и других французских поэтов XIX—XX вв.; речи, посвященные деятельности Д. К. Чернова и Флориса Осмонда; портрет (фото) Яковлева и др. (1900—1924).

Н. БЕСТУЖЕВ. ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ СТАНЦИЯ

(ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ)

Публикация Б. Н. Капелюш

Среди литературного наследия Николая Александровича Бестужева находится черновая рукопись, содержащая шесть отдельных отрывков, имеющих несомненное отношение к повести «Шлиссельбургская станция». Рукопись представляет собой пять листов серой плотной бумаги большого формата; записи сделаны в один отрезок времени одинаковыми чернилами.

Текст первого отрывка в середине утрачен, листы имеют нумерацию автора: 1—4 (цифра 4 переделана из 5), отсутствует лист 3 авторской нумерации; в конце текст обрывается на неоконченной фразе.

Хотя содержание данного отрывка никак не соответствует известному нам содержанию повести, но затронутые в нем вопросы созвучны высказываниям Н. Бестужева, сделанным в повести по поводу женитьбы, отношения к женщине, ответственности перед ней и перед взятыми на себя обязательствами.

Отрывки второй, третий и четвертый, как самые отдаленные по сюжету от «Шлиссельбургской станции», могли быть заготовками к повести, какими-то лирическими отступлениями в ней.

Отрывки же пятый и шестой приближают нас к содержанию повести. О них можно с уверенностью сказать, что это отрывки одной из первоначальных редакций повести.

Публикуется по подлиннику, хранящемуся в Рукописном отделе ИРЛИ, ф. 604, № 6, лл. 1—5.

1

¹ Недавно случилось мне после скучного обеда попасть в ² общество весельчаков, ³ которые приняли меня с распростертыми объятиями. Я застал беседу, занятую рассказом одного ⁴ новоприезжего, ⁵ который повествовал о себе, как, женившись, а на третий день раскаявшись в женитьбе, он должен был ⁶ сбежать от жены в Москву, куда она за ним последовала; как оттуда ушел он в Казань, в Астрахань, на Байкал, ⁷ наконец в Охотск, и не мог избавиться <от> ⁸ преследования, которое кончилось однако же смертью ⁹ супруги его на возвратном ¹⁰ бегстве к Петербургу.

Можно представить, что рассказ заставил нас много смеяться. ¹¹ Это приключение привело мне на память ¹² один случай собственной моей жизни. «Милостивые государи, — сказал я, — вы слышали ¹³ повесть о побеге мужа от жены: позвольте ж теперь рассказать мне, каким образом

¹ Первый абзац зачеркнут: Отобедав недавно у одной набожной вдовы, [куда я] к которой отправляюсь всегда со сжатым сердцем. ² Далее зачеркнуто беседу. ³ Далее зачеркнуто которые приняли меня к себе как человека, которого недоставало. ⁴ Далее зачеркнуто чел<овека>. ⁵ Далее зачеркнуто человека. ⁶ Далее зачеркнуто убежать. ⁷ Далее зачеркнуто в Сибирь. ⁸ В тексте зачеркнуто. ⁹ Далее зачеркнуто его. ¹⁰ Далее зачеркнуто пути. ¹¹ Далее зачеркнуто Сей слу<чай>. ¹² Далее зачеркнуто одно приключение. ¹³ Далее зачеркнуто рассказ.

я убежал от своей невесты». Все захохотали...¹⁴ «Рассказывайте», — закричали все в один голос.¹⁵

«Вы знаете, — начал я, — что лет пятнадцать тому назад при выпуске из корпуса я был гораздо моложе, нежели теперь, и потому¹⁶ можете поверить, что я еще был ветренее и неосновательнее нынешнего. Но я о том не догадывался: мне казалось, что мои поступки совершенны, и советы опытных людей считал скучными и напрасными для себя словами. Одним словом, при пылком и чувствительном характере я был решительный повеса, который беспрестанно стыдился сделанных шалостей и беспрестанно увлекался новыми. В таком расположении¹⁷ духа я был отправлен чрез год по выпуске за рекрутами в¹⁸ N-скую губернию в город того же имени. Ныне офицеры, получая готовых рекрут из запасных губернских депо, не могут играть тех ролей, какие игравали мы, принимая рекрут самолично, и в прежнее время приемщик в губернском городе представлял немаловажную фигуру. Так было и со мною: значительность должности, мои 17 лет с посредственно изрядною наружностью и небольшое приобретение петербургской ловкости доставило мне вход во многие дома,¹⁹ и в одном из них я принят был с особою ласкою. Жизнь характера и веселость моя вскоре заслужили любовь хозяина и хозяйки, внимание их дочери, дружбу тетюшек,²⁰ дядюшек,²¹ всех родственников, составлявших весьма значительное общество, и даже благосклонность слуг, которого, мимоходом сказать, нельзя приобрести, ежели часто посещаешь дом.

Ни мало не замышляя ничего важного, не думая о последствиях, ибо о том и другом²² не мог и мыслить, от безделья²³ привязался я к дочери хозяйской,²⁴ или,²⁵ попросту сказать, начал ей *строить куры*.²⁶ Жениться на ней я не мог и не хотел.²⁷ Первое потому, что я не зависел еще от своей воли; второе, я был бедный офицер, у которого все богатство состояло в новом темляке и эполетах,²⁸ она же²⁹ была небогатая дворянка и хотя недурная собою, но по крайней мере старше меня четырью или пятью³⁰ годами. Ума столько у меня доставало, чтоб рассчитывать все ей причины, но разум был слишком слаб, чтоб воспротивиться удовольствию³¹ чаще говорить с милою девушкой, нежели нужно,³² чаще целовать ручку, нежели нужно,³³ и чаще повторять визиты, нежели должно. Одним словом,³⁴ хотя я не был влюблен,³⁵ но, обольщенный взаимностью дочери и снисхождением родителей, делал все дурачества влюбленных.

Надобно знать, что в отдалении совсем все вещи принимают³⁶ другие обороты, чем в столице, где так называемое *строить куры* ничего не значит; где³⁷ девицы знают, что лесть и угождения перед ними, рассыпаемые мужчинами, не что иное, как фальшивая³⁸ ассигнация или, по крайней мере, вексель, по которому никогда не платится; но в провинциях же от недостатка мужчин, следственно и от недостатка практики сего рода, каждое ласкательство принимается за наличные деньги и каждый показавший особенное внимание³⁹

¹⁴ Далее зачеркнуто как там <1 нрзб>. ¹⁵ Далее зачеркнуто и я начал. ¹⁶ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ¹⁷ Далее зачеркнуто нравств(венном). ¹⁸ Далее зачеркнуто 2 нрзб. ¹⁹ Далее зачеркнуто но особенно. ²⁰ Далее зачеркнуто и. ²¹ Далее зачеркнуто и. ²² Далее зачеркнуто я. ²³ Далее зачеркнуто я. ²⁴ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ²⁵ Далее зачеркнуто как называется. ²⁶ Далее зачеркнуто Она была старше меня, но я, хотя она была недурна собою, но разность ее лет с моими. ²⁷ Далее зачеркнуто мне было 17, а ей 22 или 23 года. ²⁸ Далее зачеркнуто а. ²⁹ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ³⁰ Далее зачеркнуто или шестью. ³¹ Далее зачеркнуто часто. ³² Далее зачеркнуто должно. ³³ Далее зачеркнуто должно. ³⁴ Далее зачеркнуто я. ³⁵ Далее зачеркнуто но <1 нрзб> таким я видел взаимность со стороны сей девицы. ³⁶ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ³⁷ Далее зачеркнуто девицы. ³⁸ Далее зачеркнуто монета. ³⁹ На этом текст прерывается: отсутствует лист 3 авторской нумерации.

что ⁴⁰ при удовлетворительном ответе, ⁴¹ обручальные кольца были уже готовы. Напротив того, ⁴² в случае отказа я должен всего ожидать от добрых, но необразованных провинциалов, которые в поступках своих не наблюдают много деликатности. Я задумался при сем известии, и в самом деле, надобно было думать, каким образом выпутаться из ⁴³ таких критических обстоятельств.

Размышляя, гадал, перегадывал, но ⁴⁴ время текло и я ⁴⁵ не мог найти ни одного средства, и, чем ближе подвигалось ⁴⁶ к обеду, тем я был нерешительнее. Между тем, партия моя выступила — я хотел было, не взирая на благопристойность, уехать вместе с нею, но на почте сказали мне, что губернатор ⁴⁷ не приказал давать мне лошадей до обеда, но что готовая тройка будет ⁴⁸ дожидать меня там, ⁴⁹ куда я приглашен. ⁵⁰ Что оставалось ⁵¹ делать? Очертя голову идти навстречу всем случаям и ожидать всего от обстоятельств. Это обыкновенное решение молодых людей, которые еще не научились поступать умнее и обыкновенно при малейших неудачах теряют присутствие духа. Я так и сделал. С сжатым сердцем и с самым глупым лицом явился я к самому обеду. Двусмысленные улыбки, насмешливые лица родственников и замешательство невесты увеличили мое смятение. В молчании сели мы за стол, и за первым блюдом один только шепот, сопровождаемый косвенным взглядом, отзывался разительным эхом в ушах моих. Подали наливки. Заговорили громче, начали пить здоровье. Один из родственников, подняв свою рюмку, пожелал мне счастливого отъезда. „Лучше ⁵² скорого возвращения“, — перервал другой; „в таком случае, — подхватил третий, — нам недурно выпить вместе за здоровье Натальи Андреевны“. „Это не дурно“, — сказал отец. ⁵³ Мы с девицею должны были, встав, отблагодарить все общество. Я не мог ничего отвечать. Неловкость моя увеличивалась с каждым двусмысленным словом, обращенным на мой счет. Я слышал, как лошади мои въехали на двор, видел, как отец, услышав звон колокольчиков, задумался и, поглядывая на меня, собирался с духом. Мать говорила нехотя, дочь краснела. ⁵⁴ Блюда переменялись, наливка ходила кругом, и гости говорили отчасу яснее и смелее. Я сидел как на иглах, ⁵⁵ казалось, ⁵⁶ что шейный ⁵⁷ мой платок ⁵⁸ затянулся мертвою петлею и задавит меня. ⁵⁹ Я беспрестанно поправлял его, чтобы дышалось свободнее. ⁶⁰ Наконец, отец поставил рюмку к себе на тарелку, прихлебнув раза два для бодрости, ⁶¹ крикнул и, обратясь ко мне, начал: „Мы собрались здесь, любезный наш гость“ ⁶²

2

Лафатер судил человека по физиономии; по почерку письма его заключал о характере. Я распространяю далее физиономические и психологические замечания: я несколько справедливо могу заключить о характере человека по любимому цвету его одежды. Например, белый будет ⁶³ любимым цветом флегматика, серый — глупого, потому что серый не рождает и не возбуждает никакого чувства, ни мысли; желтый ⁶⁴ — ревнивого и даже завистливого; красный — вспыльчивого и неумеренного

⁴⁰ Далее зачеркнуто в случае моего положительного. ⁴¹ Исправлено из удовлетворительного ответа. ⁴² Далее зачеркнуто ежели. ⁴³ Далее зачеркнуто столь. ⁴⁴ Далее зачеркнуто до <1 нрзб>. ⁴⁵ Далее зачеркнуто ничего. ⁴⁶ Далее зачеркнуто было. ⁴⁷ Далее зачеркнуто по просьбе. ⁴⁸ Далее зачеркнуто готовая меня. ⁴⁹ Далее зачеркнуто где я буду обедать. ⁵⁰ Далее зачеркнуто Не знаю, почему <1 нрзб>, вдруг. ⁵¹ Далее зачеркнуто мне. ⁵² Далее зачеркнуто счастливого и. ⁵³ Далее зачеркнуто и все встали. ⁵⁴ Далее зачеркнуто гости говорили отчасу яснее и смелее. ⁵⁵ Далее зачеркнуто мне. ⁵⁶ Далее зачеркнуто мне. ⁵⁷ Далее зачеркнуто мой. ⁵⁸ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ⁵⁹ Далее зачеркнуто Но <1 нрзб>. ⁶⁰ Далее зачеркнуто Вдруг. ⁶¹ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ⁶² На этом текст обрывается. ⁶³ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ⁶⁴ Далее зачеркнуто ревность.

в страстях своих человека; голубой — холодного, темно-голубой⁶⁵ — умеренного, синий — постоянного, но пылкого; розовый⁶⁶ — нежного, зеленый⁶⁷ — злого человека; и наконец, черный — меланхолика;⁶⁸ от соединения цветов можно заключить о подробностях нрава, наприм<ер>,⁶⁹ женщина, любящая белый цвет с розовым, невольным образом дает мысль о том, что она любит согласие и порядок, потому что ни⁷⁰ какие цвета⁷¹ столь хорошо не согласуются⁷² между собою, как розовый с белым, и так далее.

3

Бывают такие минуты, в которые человек переживает многие годы; есть магические слова,⁷³ шаги, которыми человек переносится⁷⁴ <на> неизмеримые пространства. Несколько минут несчастья⁷⁵ подвигают опытность человека⁷⁶ на многие годы. Одно слово «люблю!» заставляет исчезать безмерный промежуток между мужчиной и женщиной, положенный природою, воспитанием и обычаями, — не сказано: «люблю!» — и⁷⁷ любовник столь же далек от своей любезной, как и в первый день знакомства, произнесено⁷⁸ слово — и оба составляют одно.

4

Молодой человек подобен мягкому железу; долго надо наклепывать молотом, заваривать в огне и закаливать в воде, чтоб железо <де>лалось сталью; потребна⁷⁹ опытность многих лет, чтобы научиться действовать не по воображению, а по рассудку. Лук, сделанный из железа, повинуется малейшей силе, но зато бросает недалеко неверные стрелы;⁸⁰ удары⁸¹ их — детская игрушка; они не ранят; их бросают для забавы. Для стального лука надобна крепкая тетива, потребно усилие лет возмужалых. Трудность напряжения заставляет беречь⁸² удары; далеко отлетевшие стрелы трудно отыскать. — Вот почему молодые люди во всем находят прекрасное, все их удивляет и восхищает; они смотрят в радужные огни юности;⁸³ опытному надобно⁸⁴ нечто более, <нежели>⁸⁵ обыкновенное,⁸⁶ дабы обратить⁸⁷ его внимание.⁸⁸

Я гулял с священником по полям,⁸⁹ лежащим в верстах в 2 от Волхова;⁹⁰ сильный северный ветер гнал с удивительной скоростью облака над головами нашими; кустарники около сенокосов и пашен ложились к земле, и желтые⁹¹ листья катились из просек по пожням. Вдруг пред нами упало нечто белое,⁹² наподобие клуба,⁹³ ветер погнал его и, отрывая⁹⁴ легкие клочки,⁹⁵ разносил⁹⁶ по воздуху.⁹⁷

⁶⁵ Далее зачеркнуто 2 нрзб. ⁶⁶ Далее зачеркнуто щеголеватого. ⁶⁷ Далее зачеркнуто двуличного. ⁶⁸ Далее зачеркнуто темно-голубой. ⁶⁹ Далее зачеркнуто человек. ⁷⁰ Далее зачеркнуто один. ⁷¹ Далее зачеркнуто так. ⁷² Далее зачеркнуто друг<ими>. ⁷³ Далее зачеркнуто научающие нас гораздо более, нежели сотни толстых фолиантов, есть. ⁷⁴ Далее зачеркнуто на. ⁷⁵ Далее зачеркнуто делает опытнее. ⁷⁶ Далее зачеркнуто несколькими годами. ⁷⁷ Далее зачеркнуто 2 нрзб. ⁷⁸ Далее зачеркнуто одно. ⁷⁹ Далее зачеркнуто многая. ⁸⁰ Далее зачеркнуто для стального лука потребно большого умения, потребна крепкая тетива. ⁸¹ Далее зачеркнуто его. ⁸² Далее зачеркнуто его. ⁸³ Далее зачеркнуто мне. ⁸⁴ Далее зачеркнуто уже. ⁸⁵ В тексте зачеркнуто. ⁸⁶ Исправлено из обыкновенная; далее зачеркнуто вещь, чтобы. ⁸⁷ Далее зачеркнуто мое. ⁸⁸ Далее зачеркнуто прости мне, что я таким скачком начинаю свое письмо. ⁸⁹ Далее зачеркнуто окружающим. ⁹⁰ Далее зачеркнуто две версты по крайней мере отделяли нас от сей реки, леса. ⁹¹ Исправлено из желтый; далее зачеркнуто лист взвевал. ⁹² Далее зачеркнуто подобное, покатилося, понеслось. ⁹³ Исправлено из клубом. ⁹⁴ Далее зачеркнуто легкие. ⁹⁵ Исправлено из клочками. ⁹⁶ Далее зачеркнуто их. ⁹⁷ Далее зачеркнуто 4 нрзб.

Высокая трава на пашенной меже остановила, наконец, белое вещество, за которым удвоили мы шаги свои.⁹⁸ «Мужички называют это падающим облаком, — сказал мне священник, — они твердо уверены, что облака могут падать, и я долго был сам сего же мнения, покуда опыт не удостоверил меня, что облака сии суть не что иное, как волховская пена, отрываемая от берегов сильными ветрами и по легкости своей относимая на далекое расстояние по воздуху». — Строгий взор испытателя отделяет чудесное от истинного и простым наблюдением разрешает труднейшие проблемы природы.

5

Проехав Пеллу, про которую некогда Китаец в Петербурге сказал:

После в Пелле ворожили
И наверно положили,
Что земля есть сжатый ком, —

увидел я мызу Г. Д. Остановившиеся тут фигляры с верблюдами, медведями, собаками заставили остановиться и меня и вместе осмотреть окрестности, состоявшие в большой дороге, лесе за оною вправо, господском доме, харчевне и кабаке влеве над Невою. Над харчевнею сделана вывеска внизу с надписью: *здесь сайки белы, щи горячи, квасок ядреной*. Живопись представляла мужичка, которому один наливает квасу, другой подает калач. Вверху вывески стихи: *К соседушке зайтить и там винца напитокся; здесь сайкой закусить, кваском опохмелиться*. Кинув гривенник в шляпу⁹⁹ фигляру, я спросил у харчевника, что у него есть добро. — *Ничего, сударь, кроме вывески*, — отвечал он.

6

Я выехал, никаких мыслей не было у меня в голове; перекидная почтовая тележка, скачущая по ухабам, проливной дождь и совершенный мрак оставили во мне одно чувство боли и беспокойства. Кто хочет наслаждаться путешествием, тому не советую ездить на перекладных. Красоты природы мертвы тогда для воображения занятого безопасностью тела на верткой и жесткой курьерской подушке. Божусь¹⁰⁰ Аполлоновою бородою, что¹⁰¹ подобный мне путешественник,¹⁰² который захочет вести журнал сантиментального путешествия с самого¹⁰³ выезда, не прежде третьего дня придет в состояние мыслить,¹⁰⁴ следовательно, и наблюдать¹⁰⁵ за бережками, ручейками и прочим, украшающим такие описания. Если же он и описывает все сии красоты первого дня, я закладую сто против одного от из собственного опыта, что все сии описания сняты с ландшафтов собственного воображения г-на чувствительного путешественного. Если же он спокоен первый день, то он или курьер или *путешественник* вовсе *нечувствительный*.¹⁰⁶ Дождь усилился, а я¹⁰⁷ выбился¹⁰⁸ из сил.¹⁰⁹ На станции нет лошадей, и я¹¹⁰ рад чрезвычайно,¹¹¹ что бедные мои кости придут в порядок часа в два или три покоя. По-

⁹⁸ *Далее зачеркнуто* Это <1 нрзб> пары облака, — сказал мне священник, — так называют здесь мужички, верящие тому, что облака могут падать. ⁹⁹ *Далее зачеркнуто* фиглярам. ¹⁰⁰ *Далее зачеркнуто* честью. ¹⁰¹ *Далее зачеркнуто* ежели. ¹⁰² *Далее зачеркнуто* который. ¹⁰³ *Далее зачеркнуто* своего. ¹⁰⁴ *Далее зачеркнуто* а. ¹⁰⁵ *Далее зачеркнуто* 1 нрзб. ¹⁰⁶ *Далее зачеркнуто* На станции нет лошадей. Дорога стала хуже. ¹⁰⁷ *Далее зачеркнуто* потерял совершенно свои. ¹⁰⁸ *Далее зачеркнуто* совершенно. ¹⁰⁹ *Исправлено из силы*. ¹¹⁰ *Далее зачеркнуто* тому. ¹¹¹ *Далее зачеркнуто* по крайней мере.

весив мокрую ¹¹² шинель на двери, положив сертук и фуражку на стул подле себя, я завернулся в одеяло и бросился на хозяйскую постель. Едва успел я сомкнуть ¹¹³ глаза, стук у ворот разбудил меня. Дверь отворилась, двое мокрых мужчин и беременная женщина вошли в комнату. «Проклятый дождь», — ворчал один, стряхивая свою шинель; «скверная погода», ¹¹⁴ — говорил другой; «мерзкая дорога», ¹¹⁵ — продолжала третья, оба повторяя те же действия, что и первый. Брызги летели мне в глаза, я морщился, но притворялся сонным. «Здесь есть ночлежник», — сказал первый; «кто бы это такой?», — подхватил другой; «верно, военный», ¹¹⁶ — сказала вполголоса женщина. — «Это видно по фуражке». Второй мужчина подошел потихоньку к стулу, развернул сертук и шепотом объявил, что я должен быть по эполетам флотский. «Который № на эполетах?», — спросил первый, — «одинадцать», — отвечал ему любопытный. «Боже мой, — сказала женщина, — мне есть знакомые сего экипажа, как бы я хотела видеть лицо сего человека». С этими словами она взяла свечку, переставила на стул так, что лучи ее ¹¹⁷ падали прямо мне в ¹¹⁸ лицо, она и оба мужчины подошли ко мне так близко ¹¹⁹

¹¹² Далее зачеркнуто свою. ¹¹³ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ¹¹⁴ Далее зачеркнуто 1 нрзб. ¹¹⁵ Далее зачеркнуто повторял другой, говорила. ¹¹⁶ Далее зачеркнуто про(изнесла). ¹¹⁷ Далее зачеркнуто у. ¹¹⁸ Далее зачеркнуто глаза, которые прищуривала, ожидая. ¹¹⁹ На этом текст обрывается.

Н. И. ГНЕДИЧ

ПИСЬМА К К. Н. БАТЮШКОВУ

Публикация М. Г. Альтшуллера

К. Н. Батюшков и Н. И. Гнедич познакомились в начале 1803 г., когда одному из них было 16 лет, а другому — 19. Оба они служили в только что образованном Департаменте народного просвещения (в Министерстве народного просвещения). Начавшаяся здесь дружба продолжалась в течение всей жизни писателей, несмотря на серьезные литературные расхождения.

Если письма Батюшкова к Гнедичу давно уже вошли в научный оборот, то из писем Гнедича к Батюшкову было напечатано лишь одно.¹ Настоящая публикация, таким образом, существенно дополняет наши представления о личных отношениях двух крупных представителей русской культуры начала XIX в. и воссоздает яркую картину напряженной общественно-литературной жизни конца 1800-х—начала 1810-х годов. Так, весьма интересен спор между друзьями о характере поэтического творчества. Гнедич ждет от своего друга «стихотворений эпических, важных»,² он приветствует работу Батюшкова над переводом поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» и подтрунивает над батюшковским увлечением Парни. С точки зрения Гнедича, предвещающего в данном случае важнейшие положения декабристской эстетики, поэзия должна создавать «образы, возвышающие душу» (письмо 7).

Очень важны также материалы, относящиеся к началу деятельности «Беседы любителей русского слова». Письма к Батюшкову дополняют известный обмен письмами между Гнедичем и Г. Р. Державиным, в которых Гнедич отказывался от участия в «Беседе», а Державин, сам упрямый и вспыльчивый, уговаривал своего еще более нетерпимого корреспондента принять участие в работе создаваемого общества.³

Следует иметь в виду, что, несмотря на резкие отзывы Гнедича о «славенофилах», которые читатель найдет в публикуемых письмах, отношение Гнедича к деятельности Державина и А. С. Шишкова ни в коей мере не было только отрицательным. О своем стремлении «ославяниться» он сам пишет Батюшкову 21 марта 1811 г. (письмо 7), т. е. в те самые дни, когда начала свою деятельность «Беседа», к которой Гнедич тяготел по своим литературным симпатиям прежде всего как переводчик «Илиады». В деятельности Шишкова его привлекали ориентация на старославянский язык и фольклорное просторечие.

Не случаен также постоянный и доброжелательный интерес «беседчиков» к Гнедичу, воссоздающему на русском языке величественный эпос древности (см. письмо 4). Именно в кругу «Беседы» возникает идея создания гекзаметрического перевода «Илиады», на страницах ее органа идет обсуждение этих проблем и печатается первый в подобном духе опыт Гнедича.⁴

В 1811 г. расходятся литературные пути Батюшкова и Гнедича, хотя дружеские, личные отношения остались неизменными. Батюшков сближается с Жуковским и Вяземским; позднее он стал активным членом «Арзамаса» и написал анти-шишковистское стихотворение «Певец в Беседе любителей русского слова». Гнедича же в «Арзамасе» рассматривали, и не без основания, как литературного противника. Его называли «клеветром Беседы», «халдеем из Библиотеки», изображали в шутовском протоколе сидящим верхом «на гекзаметре без просодии».⁵ В публи-

¹ К. Н. Батюшков. Сочинения, т. I. СПб., 1887, стр. 69 (далее: Батюшков; римской цифрой указывается том, арабской — страница).

² Там же, III, 116.

³ См.: Г. Р. Державин. Сочинения. 2-е акад. издание. Т. 6. СПб., 1876, стр. 234—236. См. также письмо Н. И. Гнедича к В. В. Капнисту от 25 августа 1811 г.: там же, стр. 232—233. Письмо Г. Р. Державина к Гнедичу см.: Отчет Государственной Публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1898, Приложения, стр. 5.

⁴ См.: «Чтения в Беседе любителей русского слова», 1813, № 13; 1815, № 17.

⁵ Арзамас и арзамасские протоколы. Л., Изд. писателей в Ленинграде, 1933, стр. 128—129, 199, 215.

куемых письмах запечатлелся начальный момент расхождения Гнедича и Батюшкова.

Представляют также несомненный интерес упоминания в письмах о второстепенных литературных деятелях (Н. А. Радищеве, А. П. Беницком и др.).

Переписка Батюшкова и Гнедича сохранилась далеко не полностью, что наглядно выясняется из публикуемых писем. Из 14 записок и писем Гнедича, хранящихся в Рукописном отделе ИРЛИ (РІ, оп. 5, № 56), мы публикуем семь писем.

Письма печатаются по современной орфографии с сохранением особенностей произношения, пунктуация приближена к современной.

1

С. П.бург. Майя 6, 1809 г.

По два дни Полозов¹ и я, ездив в почтамт, не могли добиться толку, когда к вам ходит почта, для которой я было изготовил к тебе письмо; но не жалею, оно было маленькое, да при нем письмо от Радищ^ева,² в нем хотелось мне первому дать знать тебе о производстве тебя в подпоручики и поздравить стихами.³ Теперь через г. Воейкова⁴ письмо будет большое, но поздравление и позднее, и в прозе, но *et vera gratulatio non est reprehenda*,⁵ сказал Цицерон. Это, однако же, немного разобьет грусть, на тебя напавшую. Не думаю, чтобы печальная Финляндия⁵ была совершенною ей причиною, сердце твое насильно хотело обнаружиться. Стало быть, тяжелее скрывать, нежели чувствовать. Или одни поэтические мечтания, превращающие рай в ад и ад в рай, возмущают твою душу? Но какие подам тебе советы для защищения от них, когда сам упадаю под их могуществом. Минута возрождает их, минута и истребляет. Может быть, наступила уже для тебя минута истребительная.

Я бы много желал говорить о себе, но, зная, что ты принимаешь участие в моем положении, не хочу наводить новой минуты скорбной; или, лучше сказать, не могу предаться чувствам своим, чтобы не растравить тоски моей. Нищета и гордость — вот две фурии, сокращающие жизнь мою и останок ее осеняющие мраком скорби. Ни один человек до сих пор не вошел в мое положение. Но, может быть, одна суетность внушила мне мысль, что будто я стою того. Как бы то ни было, но хладный рассудок, освещая мою будущность, приводит меня в ужас; если б я понимал себя существом, которому вечное провидение определило преползть стезю жизни и сокрыться в могилу, я бы не возроптал на сие; и, влачаясь по пути определенному, заградил бы душу для чувствований неудовольствия; ах, нет — я бы тогда и не имел сих чувств и, верно, был бы счастлив. Но знаю, что ты можешь понять меня. Я собираюсь ехать в Малороссию насчет денег, следуемых мне за Танкреда,⁶ которых до сих пор не выдают мне. Что же Шаховской,⁷ что же Гагарин,⁸ спросишь ты. Безмолвие будет моим ответом. Здоровье мое крепко построено; кажется, что оно ждет меня в Малороссии. От сестер твоих я на днях получил письма. Они здоровы; теперь в деревне и с нетерпением тебя ожидают. К. Бороздин едет на днях в путь.⁹ Оленин¹⁰ исходатайствовал высочайшее повеление путешествовать ему по России для отыскания древностей и пять тысяч на путешествие. Он будет причиною, т. е. Бороздин, если не пошлю к тебе Капниста,¹¹ ибо на его руках издание; я уже несколько раз к нему посылаю; другие книги послал бы с удовольствием, но ни гроша не имею. Шаховской, по своей ко мне приязни, воспрепятствовал дать Танкреда в Эрмитаж.¹² Нарышкин¹³ всемилостивейше повелел мне иметь вход, начиная с его ложи, во весь театр. Но я попробовал в партер, однако ж даром не пускают. Князь Гага-

^а И воистину поздравление не заслуживает порицания (*лат.*).

рин, взяв в июле месяца мой перевод Илиады для поднесения великой княжне, теперь только признался, что он не имел еще времени говорить с нею. Оленин с прискорбием открылся мне, что он не имеет уже средств довести до сведения государя мой перевод и мое положение. Мартынов¹⁴ гонит меня из Департамента. Ты просил, чтоб я писал к тебе хоть о пустяках, — вот они; вот какими, о мой друг, уроками научаюсь я познавать сердца человеческие! В таком-то твой *баловень*¹⁵ Гнедич находится положении. Нет! Это уже не мечтания делают его тяжким. Но этот баловень ни одному еще человеку не скучал своею просьбою; зато ни один еще человек не простер ему руки помощной. Понесем одни бремя жизни сей, пусть стонет сердце, но заградим уста для стенаний — их никто не услышит, кроме подобных нам несчастливцев.

Я жажду видеть тебя и надеюсь увидеть с крестом Владимира. Позапрошедшую почту писал я к Александре Николаевне.¹⁶ Если к исходу мая ваш батальон не возвратится, то мы нес скоро свидимся; научи, как мне доставлять к тебе письма из Малороссии. Будь здоров и весел. Кланяется тебе моя П. Дай бог скорее увидеть тебя.

Твой Гнедич.

Маия 19 отправляется.

Последний абзац приписан позднее другими чернилами.

¹ Полозов А. (ум. 1812) — театрал, петербургский чиновник, близкий приятель Батюшкова и Гнедича (Батюшков, III, 610—611).

² Радищев Н. А. (1778—1829), второй сын А. Н. Радищева, — литератор, член Вольного общества любителей словесности, наук и художеств. См. о нем: Поэты-радищевцы. Л., «Советский писатель», 1935 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 497—500.

³ Батюшков был произведен в подпоручики в 1809 г. (Батюшков, I, 317).

⁴ Возможно, А. Ф. Воейков (1779—1839) — писатель, близкий кругу Жуковского.

⁵ Адресат письма находился в Финляндии на военной службе с мая 1808 по июнь 1809 г.

⁶ «Танкред» — трагедия Вольтера в переводе Гнедича, с успехом была представлена в Петербурге 8 апреля 1809 г., о чем Гнедич писал Батюшкову в несохранившемся письме (см.: Батюшков, III, 33—34).

⁷ Шаховской А. А. (1777—1846) — драматург, репертуарный член дирекции театров. Гнедич и Шаховской были литературными единомышленниками. Гнедич принимал активное участие в журнале «Драматический вестник», издававшемся Шаховским; ему были близки и антикарамзинские настроения последнего. Однако уже с 1807 г. в отношениях Гнедича и Шаховского возникли осложнения. Е. С. Семенова, знаменитая трагическая актриса, учителем которой был Шаховской, стала брать уроки декламации у Гнедича. Шаховской же продвигал на сцену соперницу Семеновой М. И. Валберхову (см.: П. Каратыгин. Записки. Л., «Искусство», 1970, стр. 114—115). Слова о «приянии» Шаховского — ирония.

⁸ Гагарин И. А. (1771—1832) — управляющий двором великой княгини Екатерины Павловны, принцессы Ольденбургской, двор которой находился в Твери. Позднее был женат на Е. С. Семеновой.

⁹ Бороздин К. М. (1781—1848) — историк, археолог. Его путешествие по России продолжалось с июня 1809 по 17 января 1811 г. (Батюшков, III, 611—612).

¹⁰ Оленин А. Н. (1763—1843) — директор Публичной библиотеки, президент Академии художеств. Археолог-любитель, хороший рисовальщик, он покровительствовал Гнедичу, пригласив его, как и Крылова, на службу в Публичную библиотеку. Оленин принимал непосредственное участие в работе над переводом «Илиады»: помогал Гнедичу советами, рисовал для него предметы античного быта, навел справки (см.: А. Н. Оленин. Переписка с разными лицами по поводу предпринятого Н. И. Гнедичем перевода Гомеровою Илиады. — В кн.: А. Н. Оленин. Археологические труды, т. I, вып. 1. СПб., 1872; А. Н. Егуннов. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.—Л., «Наука», 1964, стр. 189—195).

¹¹ О присылке сочинений В. В. Капниста — очевидно, «Лирических сочинений» (СПб., 1806) — Батюшков просил Гнедича еще в 1807 г. (Батюшков, III, 13, 15).

¹² На сцене Эрмитажного театра выступали артисты императорских театров.

¹³ Нарышкин А. Л. (1760—1826) — директор императорских театров.

¹⁴ Мартынов И. И. (1771—1833) — государственный деятель, издатель, переводчик и публицист, в 1803—1817 гг. был директором Департамента народного просвещения, где Гнедич служил писцом.

¹⁵ В письме от 1 апреля 1809 г. из Финляндии, говоря о тяготах, скуке и однообразии своей жизни, Батюшков писал: «А вы, баловни, жалуетесь на свое состояние» (Батюшков, III, 29).

¹⁶ Сестра К. Н. Батюшкова.

2

С. П.бург. Августа 23, 1809.

Насилу дал тебе бог силу отозваться; а я уже начинал думать, что весь Череповский¹ округ обрушен землетрясением; но, слава богу, кончилось только тем, что ты было прихворнул, если не прибрехнул.

За то и Поп, и Пан, и Фавны, и Няяды
Пуškai тебе кричат стихи из Петриады / Романа Сладковского.²

Ты думаешь точно, как рыцарь Ламаханский: оседлал Рыжака,³ надел лоханку на голову и поехал; так бы и я сделал, если б не имел ни дел, ни отношений, ни связей, ни обязанностей; но и тогда бы не сделал так скоро, как ты рассказываешь. Имел ли я что-либо, удерживавшее меня в Петербурге, ты, я думаю, уже знаешь; Радищев писал к тебе. Наконец я в первый раз в жизни порадован: Οἷ... Νε... φεῖ... Οἷμοι... Ἰὼ... Ἰὼ. Εῖ... Εῖ... Ἐ... Ἐ! Ευγγγγγγεῖ ο το το το τορ!!!^а И радуюсь по-гречески; а ты порадуешься радости моей на каком хочешь языке — только, верно, по-дружески. Это лучше всех чинов и крестов. А все за все спасибо кн. Гагарину⁴ — не все гром из тучи. Что Новосильцовы⁵ и все великоименитые меценаты перед конюхом? Честь и слава конюху, но он почти уже объявлен гофмейстером.⁶ Как бы то ни было, мой пенсион многим в нос кинулся — и эти многие на меня уже и злятся. Меня что-то и страх забирает, как воображу претензии и требования. Как воображу самое время, время! Куда я дену лень и безделье, с которыми я так свыкся и обжился. Увы!

На кожаном диване лежа,
Свои младые члены нежа,
Не буду больше я от лени потеть
Иль от безделья то охать, то кряхтеть.

Я живу на даче у Анны Петровны,⁷ часто бываю в городе, и эти дни почти все в городе, провожая в Тверь Гагарина, уехавшего туда с моею Апполоншею,⁸ к которой я начинал, начинал, начинал, да и до сих пор не кончил стихи, которые бы мне очень хотелось написать ей; хотя я уже благодарил ее прозой, но стихами, стихами поблагодари хоть ты за меня. Алекс<ею> Нико<лаевичу>⁹ я давно уже объявил причину, заставившую тебя уехать, не простоя с ним. Денег я ни от кого не получаю. Фон-Мендалев — или как его — и отдавать не хочет, а Протасьев все еще извиняется неимением.¹⁰ Письма твои в армию, которые я должен был отправить с крестами, лежат у меня и ожидают твоего приказа, куда им деваться? Так же и присланные на кресты 50 р., ибо их кажется мало;¹¹ равно, что мне делать с присланными рецептами Франка,¹² ибо с ними, как на них же напечатано, должно адресоваться в Париж; так же и с билетом на «Цветник» что мне делать, не знаю. Ах, голова — удалая ты голова! Беницкий бедный на отходе.¹³ Он страшен в своих разговорах. Граф Хвостов¹⁴ был у него и в смерть перепугался. Сегодня, или бишь вчера, играли Хераскова Зареиду — то-то любо; я был в ложе

^а Ах... ой... Эх... Эх... Эх... хорошо, хорошо, О! о! хоррррошо, о то, то, то, так!!! (греч.). За помощь в переводе греческих текстов приношу свою благодарность Е. В. Свиясову.

Нарышкина и вышел с резыю в животе от смеху.¹⁵ Нарышкин назвал ее панафидою по Хераскове. Академия венчала эту трагедию — не вновь ли делать греческие восклицания: *Íó! Íó! ЕѢ! ЕѢ!*¹⁶ В субботу Радищев простился со мною и должен, кажется, выехать. Ты, может быть, слышал уже об указе в рассуждении производства штатского по экзаменам.¹⁶ Мартынов делается экзаменатором по петербургскому округу. Посылаю тебе вакштабу и чубук. Эти вещи с каждым днем дорожают. Вакштаб 3 р. 50 <к.> фунт, чубук 3 р., итого 13 р. 50 к. Табак Алёксандре Николаевне посылаю; он лучше против прежнего, зато 9 р. Извини меня перед нею, что особо писать не успел; и засвидетельствуй мое почтение; а сам будь здоров и, пожалуйста, не болей, хоть для того, чтобы писать ко мне чаще.

Твой весь Гнедич.

Полозов в следующую почту будет писать к тебе и пришлет книгу о псовой охоте и прекрасное на нее возражение.¹⁷

¹ Письмо написано в ответ на письмо Батюшкова от 4 августа 1809 г. (Батюшков, III, 38—39). Череповский округ, т. е. Череповецкий, куда входило имение Батюшковых Хантоново.

² Гнедич пародирует стихотворное приглашение Батюшкова: «Тебя и нимфы ждут, объятя простирая / И фавны дикие...», приписывая эти стихи Роману Сладковскому, автору многократно осмеивавшейся поэмы «Петр Великий» в 6 песнях (СПб., 1803).

³ В переводе В. А. Жуковского Россинант, конь Дон Кихота, назван Рыжаком (Дон Кихот ла Манхский, сочинение Серванта, переведено с флорианова французского перевода В. Жуковским. М., 1803).

⁴ Гнедич получил «пенсион» для занятий переводом «Илиады» от великой княгини Екатерины Павловны по ходатайству И. А. Гагарина.

⁵ Вероятно, имеется в виду Н. Н. Новосильцов (1761—1836) — приближенный Александра I, сенатор.

⁶ И. А. Гагарин имел в 1799 г. придворный чин шталмейстера, в 1810 г. был назначен управляющим двором великой княгини, т. е. гофмейстером. У Гнедича игра слов, основанная на буквальном значении придворных званий: Stall — конюшня, Hof — двор, т. е. конюх и дворецкий.

⁷ Анна Петровна Квашнина-Самарина — близкая приятельница Батюшкова и Гнедича. Женщина образованная и с хорошим вкусом, она живо интересовалась литературными занятиями друзей (см. о ней подробнее: Батюшков, I, 30—31).

⁸ Аполлонша — здесь великая княгиня, как покровительница искусств.

⁹ Алексей Николаевич — Оленин.

¹⁰ Фон-Мендалев (фон-Менгден) М. А. и Протасьев В. Ф. — сослуживцы Батюшкова (III, 612).

¹¹ Орденские кресты св. Владимира (см. предыдущее письмо) должен был заказать и выслать своему другу Гнедич (Батюшков, III, 38).

¹² Франк — врач. Пилолюи по его рецептам просит выслать Батюшков (III, 43).

¹³ Беницкий А. П. (1780—1809) — писатель, издатель журналов (о билете на получение его журнала «Цветник» идет речь в письме). В это самое время Беницкий умирал от изнурительной чохотки (он скончался 30 ноября). Творчество Беницкого высоко ценили современники: А. Е. Измайлов, Н. И. Греч, К. Н. Батюшков и др. В письме от конца апреля—начала мая, не включенном в нашу публикацию, Гнедич писал: «Скажи Жук¹³овскому, что грех не поместить в его собрание (имеется в виду «Собрание русских стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских и из многих других русских журналов, изд. В. Жуковским» (чт. 1—6, М., 1810—1815), — М. А.), такой превосходной вещи, как Беницкого *Дифирамб Бахусу*, напечатанный в „Цветнике“ 1809 г. в марте. У нас же и нет Дифирамбов, а это и единственный, и прекрасный — чрезвычайный!».

¹⁴ Граф Хвостов Д. И. (1757—1835) — писатель.

¹⁵ Трагедия М. М. Хераскова (1733—1807) «Разделенная Россия, или Зареида и Ростислав» была издана и премирована Академией уже после смерти автора. Ироническое отношение к творчеству Хераскова характерно для молодежи 1800-х годов (ср. отзыв о нем Ан. И. Тургенева в кн.: Поэты 1790—1810-х годов. Л., «Сов. писатель», 1971 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 244, 826—827).

¹⁶ Указ (от августа 1809 г.) предусматривал для получения чина коллежского assessора и статского советника предъявление университетского диплома или сдачи экзаменов в объеме университетского курса.

⁶ Увы! увы! Эх! Эх! (греч.).

Сен<тября> 6, <1809>.

Так, любезнейший Константин, я верю твоей радости — она дышит в последних строках письма твоего. Я вижу тебя со слезами на глазах. Признаюсь, что, читавши письмо твое, я не мог от них удержаться. Твоей дружбе обязан я за сладкие слезы в жизни. Они текли от смеху, от радости. Я тебя так обнимал мысленно, что грудьонка твоя треснула бы, если б ты был в моих объятиях. *Музы и флейдузы*¹ меня уморили. Гагариным сделано истинно необыкновенное его роду людей дело. Теперь, кажется, я не умру с голоду, но посмотри, что еще будет, — великое дело характер. Эти слова остаются, может быть, для тебя загадкой, но они и останутся ею, если бог не изъяснит их самым делом. Но дело будущее — займемся настоящим, пока живы. Я прощаюсь с миром — Гомер им для меня будет. Оградясь тройным щитом мужества, я по окончании 8-й песни печатаю обе, посвящая великой княгине. Вот тогда-то воскликни: мужайся, Уликс! Москва восскрежет на мя. Англичанки нет уже у Самариной. Аглая-француженка заняла ее место. Вчера я много беседовал о тебе с Самариной. Причину к сему подал твой перевод Тасса в «Цветнике»,² которой теперь должен завянуть, ибо Венецкий отказался уже участвовать, его здоровье на нитке. Крепко мне жаль этого человека. Из эпиграмм мне более всех понравилась Хлоесочинительнице, также Бибрусу и на перевод Вергилия.³ Крот и мышь будет в «Цветнике» очень кстати на журналиста Аристарха Лукницкого.⁴

Протасьев уехал в отпуск, сказавши мне через Полозова, что он будет писать к тебе — вот тебе и кресты. Фон-Менден Радищеву не отдал — вот тебе и честный платильщик. Радищев уехал — адрес к Капнисту: *в Гадяч; а оттуда в село Обуховку*.⁵ На твои у меня деньги я следующими почтами все писанное вышлю; турецкого табаку пришлю такого, что ты до блевоты закуришься, зато 5 р. фунт — с ананасами, с анемонами — понимаешь? Спроси Александру Николаевну, каким фасоном делать табакерку, засвидетельствуй ей мое почтение и Варваре Николаевне. Скорее пиши ко мне и будь здоров.

Твой Гнедич.

На табакерке нужны ли слова, которые надписаны на сей бумажке и из которых последнего я не разбираю; если ж не нужны, то зачем надписаны? Фасон табакерки, если я не обманываюсь, должен быть такой, как круглая маленькая, только в большем виде?

¹ Ответ на письмо К. Н. Батюшкова от 19 августа 1809 г. (Батюшков, III, 39—41). Радуясь по поводу пенсiona, полученного его другом, Батюшков в конце своего письма шуточно переделывает две строки из «Стихов похвальных Парижу» Тредиаковского: «Любо играет и Аполлон с музы. / В лиры и гусли, также во флейдузы» (В. К. Тредиаковский. Избранные произведения. М.—Л., «Сов. писатель», 1963 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 76).

² Отрывок из XVIII песни «Освобожденного Иерусалима» Тассо напечатан в № 6 «Цветника» за 1809 г.

³ С письмом от 19 августа 1809 г. Батюшков послал «несколько эпиграмм» (Батюшков, III, 40), направленных против А. П. Буниной («Хлоя-сочинительница»), С. С. Боброва («Бибрус») и А. Ф. Мерзлякова. Они были напечатаны в «Цветнике» (1809, № 9; 1810, № 1).

⁴ Эпиграмма «Крот и мышь», позднее названная «Книги и журналист», была напечатана в «Цветнике» (1809, № 9). В ответном письме от 19 сентября 1809 г. Батюшков уверял приятеля, что он вовсе не имел в виду «какого-то издателя Лук-

ницкого» (Батюшков, III, 48). А. В. Лукницкий (1778—1811) — переводчик, издатель журнала «Северный Меркурий» (1809—1811).

⁵ Село Обуховка Полтавской губернии — имение В. В. Капниста.

4

Декабря 6, 1809. СПбург.

И ты голова! Присылай одни *Пальцы* и *Оды на старость*,¹ так будь уверен, что не только никому не покажу, да и сам в другой раз читать не стану; а можно ли утерпеть не показать хороших стихов надежным, как казалось, людям, и можно ли не сказать имени, когда, выпуча глаза, его спрашивают и когда сердце жаждет разделить с ними свое удовольствие. Стихи твои читают наизусть; можешь судить, нравятся ли они. Каков был сюрприз Крылову; он на днях возвратился из карточного путешествия; в самый час приезда приходит к Аленину² и слышит приговоры курносого судьи на все лица; он сидел истинно в образе мертвого; и вдруг потряслось все его здание; у него слезы были на глазах; признался, что пьеса будто для него одного писана. Тургенев,³ на колених стоя, просил у Аленина дать списать ему и сказать имя. Я получил экземпляр с переправками, они хороши; прибавления бесподобны; не знаю отчего, а мне «безъерный» более всех понравился: *невинен я*⁴ — это высокое! Без сомнения, что приезд славенофила есть оригинальнейшая из картин, я также вижу кувырканье Саф и смеюсь до поту. Но полно тебе кадить, чтоб не разбить носа. А гророс:^а я и Самарина положили в совете, что три последних куплета в ответе твоём на мои стихи совершенно гораццианские.⁵ Как ты думаешь, что делает Самарина? Она поехала встречать — куда и кого? в Новгород! — Ниловых.⁶

Огромные твои письма ясно говорят, как велика скука твоя. Мое же письмо, которое пишу я 6-го декабря, в день именин моих, пусть докажет, что я не имел, стало быть, времени писать его в другие дни. Славенофилы⁷ распяли меня; тискают Илиаду и меня с пею; говорят мне то, что заставляет даже подозревать, не хотят ли они уестеств<ить> меня. Я переменил седьмую песнь и кончил 8-ю, написал посвящение великой княгине, напечатал 7-й песни три экземпляра, послал их вели<кой> княг<ине>, и вдруг ужас напал на меня, и больше ни одного экземпляра не печатаю. Причиною рифма на моря!⁸ — Есть, друг, минуты, в которые бы хотелось поделиться некоторыми чувствами с кем-нибудь, умеющим в моем молчании понимать их; но где сей *кто-нибудь*?

Чувствий сладких сердце полно
К чьей груди я приложу? . .

Всякое неразделенное чувство тяжко, как и самая печаль. Не добро есть человеку быть единому. Но что я говорю? Читал ли ты Шатобрианова *Рене*;⁹ прочти и узнаешь, могу ли я быть счастлив, ибо в нем познаешь меня. За эти сладкие минуты я имею целые дни, в которые бы хотел бежать из света. Не думаешь ли ты, что это бывает со мною тогда, когда я сижу дома, один, с своею задумчивостию? Нет, тогда, как бываю в обществах, в обществах, где думал я найти пищу для ума, для вкуса, для сердца; где воображал, что, беседуя с певцом Фелицы,¹⁰ буду иметь и удовольствие и пользу и мечтания о пирах Потемкина,¹¹ о счастливом веке Екатерины; и что же я встречаю, что вижу, что слышу? . .

Я давно уже отказался не вмешиваться ни в какие разговоры, ибо их, сколь я заметил, ведут или дураки или о дурачестве; а теперь в состоянии отказаться не входить ни в какие общества, ибо или я один дурак,

а Кстати (*франц.*).

или все люди, их составляющие. Не думай, чтобы это заставляло говорить оскорбленное мое от них самолюбие. Нет, именно их воплючие курения, другому бы вскружившие уже голову, именно то, что я вижу и слышу, раздрает мою душу. Скоро настанет или страшный суд, или метаморфозия рода человеческого в род скотов. Два бывшие со мною приключения пусть послужат тебе доказательством, как самая наружность нынешних людей оподлена: у Шишк<ова> я одному из членов славенофилизма приказывал подать мне стакан воды, почитая его лакеем; в доме Держ<авина> у одного из его юных поклонников спросил: куда у них на двор ходят? почитая его тоже лакеем. Из таких фигур, из таких тварей я вижу общества, советы и суды о произведениях ума и вкуса, — и произведения эти их достойны:

Любя б ее хотел, но был не в силах *страсть*...
Подай его сюда, чтоб я *употребила*...
Не в силах бога морь напрячь *вожжей возница*...
Прийми его, княжна, прийми ты *благосклонней*,
Язык любви мне совсем есть *посторонний*.

Не станут ли у тебя волосы дыбом, когда скажу, что эти стихи из Расиновой Федры,¹² переведенной Державиным; и 50 человек слушателей, пред которыми я, несчастной, должен был читать всю трагедию, все единогласно провозгласили, что нет ни одного стиха в переводе, который бы не превосходил силою и красотою оригинала. Не хочешь ли, друг, сделать мне компании бежать со света! Ты, может быть, не веришь мне? Долго и я не верил ушам своим и не знал, где я?.. Наконец, новое чтение его уже оригинальной трагедии Василий Темный¹³ привело меня в такое состояние, что я уже ничему не мог удивляться и желал бы забыть все, что я слышал и видел; но безбожный *Василий* сряду уже две ночи мне снится — ужасно! мой друг, ужасно! А каким словом изображаю я чувства мои при следующих суждениях: Ломоносова стихи воняют рыбою, Мерзля<ков>¹⁴ выше Ломоносова, Дмитриев выше Ломоносова, Гомер не годится в ученики Коцебу.¹⁵

Я непременно еду в Малороссию и вряд ли оттуда возвращуся, а того времени хоть ты утешай меня твоими дружескими письмами. Некоторых строк письма твоего от 26 окт<ября>¹⁶ я ничему не приписывал, кроме обыкновенному припадку уединенной жизни, и какое эти строки имели надо мною действие, посылаю тебе тот листок письма, чтоб ты мог видеть. Почернивши, хотел было засыпать, но благодеющий дух всунул мне в руку чернильницу, чтоб вовсе вымарать их. На другие статьи писем твоих буду отвечать в следующем письме, а это по необходимости прерываю, но заклинаю тебя дружбою выкупать Шаховского только с Ежовою¹⁷ вместе — бога ради! Прекрасная чета: он — фигура, раздутая завистию, она — иссушенная злостию после приговора судьи, — он (*конец письма утерян*).

Ответ на письмо Батюшкова от конца ноября 1809 г. (Батюшков, III, 60—62) с упреками за раскрытие имени автора «Видения на берегах Леты». В этом стихотворении Батюшков изобразил многих русских писателей, чьи произведения тонут в Лете. Всем им противопоставлен Крылов — единственный автор, сочинения которого выплывают из реки забвения. Строки о Крылове из письма Гнедича процитированы в книге Н. В. Фридмана «Поэзия Батюшкова» (М., «Наука», 1971, стр. 146—147). Несколько разрозненных строк из рассказа о «славенофилах» приведены в книге А. Н. Егунова «Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков» (стр. 165—166).

¹ «Пальцы», «Ода на старость» — не известные нам произведения Батюшкова. Возможно, он отказался от их публикации под влиянием критических и насмешливых замечаний Гнедича.

² Аленин — Оленин.

³ Имеется в виду Александр Иванович Тургенев (1784—1845).

⁴ «Невинен я» — цитата из «Видения». Слова эти произносит Д. И. Языков (1773—1845), не употреблявший твердых знаков, отсюда эпитет «безъерный». Далее перечисляются сцены из «Видения».

⁵ Речь идет о стихотворении К. Н. Батюшкова «Ответ Гнедичу», в конце которого прославляется в гораццианском духе прелесть скромной и уединенной жизни, а домик поэта назван «сабинским», т. е. таким, как у Горация, имение которого находилось в Сабинской области Италии. Письмо Гнедича уточняет принятую датировку стихотворения: не июль 1809—февраль 1810 г. (К. Н. Батюшков о в. Полное собрание стихотворений, М.—Л., «Сов. писатель», 1964 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 108), а июль—ноябрь 1809.

⁶ Ниловы — Петр Андреевич и Прасковья Михайловна. Близкие друзья Батюшкова, с которыми последний познакомил и Гнедича. П. А. Нилов был человек хорошо образованный, сын большого приятеля Державина. К державинскому кругу принадлежала и Прасковья Михайловна: она была двоюродной сестрой второй жены поэта. Племянником Ниловой был К. М. Бороздин, о котором шла речь в первом письме (Батюшков, I, 28—30).

⁷ «Славенофилом» был назван в «Видении» А. С. Шишков. Здесь «славенофиль» — его последователи, будущие сотрудники «Беседы любителей русского слова».

⁸ Седьмая песнь была издана без обозначения песни с посвящением великой княгине Екатерине Павловне: Илиада. Перевод с греческого. СПб., 1809. Восьмая песнь была напечатана в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (СПб., 1812, кн. 5, стр. 64—113). Гнедич нашел рифму:

Хотя бы ты прешла на край земли и моря,
В обитель мрачную страдания и горя...

(Стр. 92)

Однако жалобы на отсутствие рифм — свидетельство кризиса переводчика, который разрешился отказом от рифмы вообще и переходом к гекзаметру. Батюшков отвечал: «Рифм я не знаю на „моря“...» (письмо Гнедича заставляет переадресовать ответ Батюшкова: не конец ноября, а вторая половина декабря 1809 г., см.: Батюшков, III, 60).

⁹ Рене — герой повестей Ф. Р. Шатобриана (1768—1848) «Рене» и «Атала», покинувший Европу и живущий среди нецивилизованных, диких племен Северной Америки.

¹⁰ Певец Фелицы — Г. Р. Державин.

¹¹ Мечтания о пирах Потемкина — намек на сочинение Державина «Описание торжества в доме князя Потемкина по случаю взятия Измаила» (Г. Р. Державин. Сочинения, т. I. СПб., 1868, стр. 264—284). Этим же произведением Державина восхищался Батюшков в письме к Гнедичу от 1 ноября 1809 г. (Батюшков, III, 53).

¹² Перевод трагедии Расина «Федра» Державин закончил 27 августа 1809 г. Орывок из него — рассказ Терамена — опубликован в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (1811, кн. 3), затем в «Сочинениях» Державина (т. 4. СПб., 1874, стр. 646—648). В датированной записке (на основании публикуемого письма ее можно отнести к октябрю—ноябрю 1809 г.) Державин просил Гнедича «пожаловать откупать и прочесть охотникам Федру» (Сочинения, т. 6. СПб., 1876, стр. 230—231).

¹³ Трагедия «Темный», о которой идет речь, написана Державиным в 1809 г.

¹⁴ Мерзляков А. Ф. (1778—1830) — поэт, литературный критик, профессор Московского университета.

¹⁵ Коцебу А. Ф. (1761—1819) — немецкий писатель, автор романов и пьес, отличающихся сентиментальностью и мелодраматизмом.

¹⁶ Это письмо Батюшкова неизвестно.

¹⁷ Ежова Е. И. (1788—1836) — актриса, подруга князя Шаховского.

5

Окт<ября> 16, <1810>. СПбург.

Я бы желал писать к тебе, любезный друг, так же весело и так много; доказать тебе, что я точно жив, несмотря на то что Могилевской губернии на реке Двине под городом Суражем в 1-м часу ночи коляска в шесть лошадей через меня переехала, чему есть и окулярные свидетели; уверить тебя в истине каждого происшествия; доказать тебе, что ты суший ленивец и что красоты девицы Бровковой ты ни на яву, ни во сне вообразить себе не можешь и проч. и проч. Но три уже недели продолжается у меня жесточайшая глазная болезнь. Читатели Дидерота, не понимая с ним вместе причин простых вещей, называют их чудесами

и не верят чудесам; следовательно, и тебе покажется невероятно, что глазная болезнь моя так была мучительна, что я несколько суток не мог говорить. Я уже поздравлял себя слепцом и думал: божественный Омир, одним несчастьем с тобой я буду равен, но кажется, что уже и в этом не сравнюся с ним. Однако ж с слезами еще пишу письмо это. Я начал думать, что ты посвятил себя вечному безмолвию; но из отзыва твоего, не весьма поспешного, ясно увидел, что ты посвятил себя совершенной праздности, ибо имеешь время читать Дидерота и вычислять, сколько нужно тебе в сутки минут для исполнения нужд естественных. Ты во сне прочел надпись *познай себя* и на яву применил ее к *своей лености*, и кинул Тасса для того, чтобы переводить Песни песней? Бедность ума человеческого, потворствующего страстям своим! Неужели ты думаешь, что друзья твои и все умные люди, перевод твой читавшие, тебя обманывали? Ты обманываешь сам себя. Променяет ли хоть один толковый человек все твои песни песней и оды од на одну строфу Торквата?

*Сзывает жителей подземных страны трубы медяной рев гортанью сатаны — Свод звукнул от него и мгла поколебалась.*¹ Несчастный — познай себя! Читай учение Иисуса, а не Дидерота: ты узнаешь, что проклят сокрывающий талант свой.² Если не уважаешь советов дружеских, так бойбоя бога! И Самарина, и Аленин, и Ниловы, и все, кто читал перевод твой, ругают тебя достойно за то, что ты хочешь кинуть. Но этого быть не может, ты меня мистифируешь. Твоя персидская идиллия³ и другие напечатанные с нею пизэсы, песни песней также, ничего более не говорят, кроме того, что ты имеешь превосходное дарование для поэзии; но такие предметы ниже тебя. Замечания на песни песней прислать теперь не могу; но ты ни прав, ни виноват, что избрал драматическую форму, ибо она избрана уже Вольтером.⁴ Переведи волшебницу Теокриту: ⁵ это лучше. Песни песней лицами в них действующими не могут сделать никакой иллюзии, кроме красотою стихов.

Да почему ты знаешь о Бровковой? Я вскружил себе голову, думая? Не от Ивана ли Матвеевича Муравьева⁶ чрез письмо? А он теперь здесь; и приехал с тем, чтобы служить, и служить по дипломатике; вот тебе случай прелестнейший. Богиню на розовом листке ловят в столицах.⁷ Катя. — Приостановиться тебе у меня можно дней на несколько; но жить, хотя бы желалось и по приятности жить с тобою, и по выгодам жизни, но не позволят обстоятельства; ибо у меня бывают тайные театральные школы с людьми, которые не хотят иметь тому свидетелей, хотя свидетельства о сем весьма ясны, ибо Семенова⁸ превзошла Жорж.⁹ Табак, мною привезенный, отнял у меня Гагарин и Пушкин;¹⁰ а я, начавши выходить (ибо за болезнью сижу дома), до стану и пришло тебе непременно. Зачем ты не пишешь к Баранову;¹¹ а еще думаешь, что умеешь жить в свете? Он на тебя суриозно сердит. Елизавета Николаевна Львова вышла замуж — за — Львова Федора Петровича!!!!!!!!¹² Пишешь ли ты к Жуковскому? Что значит: Озеров провожал солнце за горизонт?¹³ Час, в который у тебя варит желудок, и полчаса, посвящаемые тобою для воспоминания обо мне, и несколько минут, определенных тобою для нужд естественных, лучше определи ты для того, чтобы чаще писать ко мне; а я до того записался, что глаза затекли слезами.

Весь твой в слезах.

<Приписка сбоку:> Сегодня Танкреда играют в комнатах у императрицы Марии Федоровны.¹⁴

Ответ на письмо Батюшкова от 30 сентября 1810 г. (Батюшков, III, 100—104). Гнедич в июне—августе 1810 г. совершил поездку в Малороссию и три недели гостил у В. В. Капниста в его имени Обуховка.

В письме Батюшкова упоминается девица Бровка, живущая у Капнистов. Он вспоминает там о Дидро, поэтому Гнедич и называет его «читателем Дидерота».

Батюшков сомневался в истинности дорожных происшествий, описанных Гнедичем в предыдущем письме, от 2 сентября 1810 г.: «Синяя полоса по телу моему убедит всякого, что через меня переехала коляска с четырьмя конями; шишка на голове, что я летал в Днепр торч головою; а распоронный мой чемодан всякому скажет, что в нем осталась половина только его внутренностей, а половину в Гатчине доброй человек вырезал — спасибо за честность! Верно, этот благодетель читал Шиллеровых разбойников трагедию, где говорится, что у человека ненадобно всего отнимать, а только половину, а ты бранишь Шиллера!».

¹ Очевидно, строки из не дошедших до нас отрывков батюшковского перевода поэмы Тассо. О справедливости этого предположения свидетельствуют также размер (6-стопный ямб) и рифма (парная, поочередно мужская и женская), как в опубликованных переводах Батюшкова из Тассо.

² Имеется в виду евангельская притча о рабе, зарывшем талант в землю и наказанном господином (Еванг. Матф., 25, 14—30).

³ Персидская идиллия — подзаголовок стихотворения Батюшкова «Источник» (вольная обработка прозаической идиллии Парни), напечатанного в «Вестнике Европы» (1810, № 17, стр. 55—56); в том же номере напечатаны стихотворения «Счастливец» и «На смерть Лауры».

⁴ Имеется в виду переложение Вольтером библейской «Песни песней». Посланное Батюшковым Гнедичу переложение не дошло до нас.

⁵ Речь идет об идиллии Феокрита «Колдунья», или «Колдунья», которая представляет собой развернутый монолог героини Симайты и легко может быть, по мнению Гнедича, переведена в диалогической форме.

⁶ Муравьев-Апостол И. М. (1765—1851) — государственный деятель, дипломат, писатель.

⁷ Ответ на слова Батюшкова: «Я <...> ожидаю какой-то богини, от какой-то звезды, богини, летающей на розовом листке, то есть в ожидании будущих благ я вижу сны» (Батюшков, III, 103—104).

⁸ Гермiona — героиня трагедии Расина «Андромаха». Об отношениях Гнедича и Семеновой см. прим. 7 к письму 1.

⁹ Знаменитая французская актриса М. Х. Веймер (1787—1867), несколько лет гастролировавшая в Петербурге.

¹⁰ В предыдущем, непубликуемом письме Гнедич писал: «У меня есть варенье и турецкий табак. Приезжай, пока не выел и не выкурил». Пушкин — В. В. Мусин-Пушкин, граф (1775—1836).

¹¹ Баранов Д. О. (1773—1834) — литератор, чиновник, родственник Батюшкова (III, 619—620).

¹² Львов Ф. П. (1766—1836) — двоюродный брат Н. А. Львова, литератор; вторым браком был женат на Е. Н. Львовой (1788—1864), дочери Н. А. Львова, племяннице Г. Р. Державина (Батюшков, III, 632—633).

¹³ Вопрос вызван рассказом Батюшкова о своем ленивом образе жизни: «смотрю закат солнечный <...> Озеров всегда провожал солнце за горизонт, а он лучше моего пишет стихи, а он деятельнее и меня, и тебя» (Батюшков, III, 102).

¹⁴ Мария Федоровна — вдовствующая императрица.

6

С.П.бург. Генв<аря> 9, 1811.

Не понимаю: или ты хочешь отплатить мне равною хартиєю, но по лености своей до сих пор еще не изготовил; или ты испытываешь заботливость дружбы моей; или ты болен? Ничему более не могу приписать твоего несносного молчания. Вот уже и новый год, с которым тебя поздравляю, а ты мне не отвечаешь на прошлогодние письма. Неужели ты в Москве!?? Если так, то пришли мне и это письмо обратно; с него я начну эпоху вовеся неписания к тебе ни прозою, ни *говором*, а чтобы и тебе вперед не затрудняться, пиша ко мне и спрашивая, что такое *говор*, то знай, что сие слово сотворено г. Захаровым, дабы заменить *прозу*. Это первые подвиги Афиняя — или ныне называемой Беседы.¹ Да зачем ты ко мне не пишешь, несносный Константине? Несноснейший, потому что и ни к кому не пишешь и оставляешь меня волнуящагось думами. Если не хочешь писать ко мне, так пиши к кому-нибудь, лишь бы я знал, где ты и что ты. Или еще лучше, когда не хочешь писать ко мне, то в письмах называй меня другим именем и воображай, что

пишешь к другому, но только на пакете не наделаи напрасных хлопот почталиону.

Не удивляйся, что до сих пор не имеешь от А<нны> Пет<ровны> писем — она по шею в хлопотах и, как знаешь, весьма неприятных. Для первой еще почты она начала к тебе письмо, исписала кругом лист — и до сих пор не соберется с духом кончить. О, души женские — ты знаешь их, — но у Сам<ариной> душа необыкновенная. Сколько раз миллионов воображал я о тебе на вечерах Ниловских? Истинные люди. Жаль, что ты не тут.

Наш театр — большой, каменный — вспыхнул на воздух, ет площадь ubi театр fuit.^{а,2} А несчастный Томо архитектор, чертом побужденный, взлез на полусгорелые стены созерцать руины и размышлять о тленности мира сего и о том, можно ли что-нибудь из развалин вновь создать, и, погружаясь в сладкую меланхолию, рухнулся со стеною и, от высот до основания катясь и по ней, и под ней, и меж ней, немного измял себе и голову, и руки, и ребра, и ноги. Ераков мне вчера сказал, что если Томо сегодня не умрет, то будет жив!

Много бы еще писал к тебе и не совсем скучного, но не хочу по трем причинам. Если ты болен — отчего сохрани боже, — то читать не станешь. Если ты гневишься, *χολός ἔμπροσθε θυμῷ*,^{б,3} то презришь моими словами. Если же ты в Москве, то жалею, что и столько писал. Правда ли, что Кач<еновский> с Жуковс<ким> разошлись по журналу?⁴ Бога ради, пиши или вели хоть Филипу⁵ уведомить меня, что с вами делается.

Целую тебя, каналию, и сам сержусь на тебя и не пришло тебе 9-й песни.

Твой Г.

На обороте письма адрес: «Его благородию Милостивому государю моему Константину Николаевичу Батюшкову в Череповец».

¹ Речь идет об образовании общества «Беседа любителей русского слова», которое первоначально собирались назвать «Ликей», позднее — «Атений» или «Афиней». О том же и с теми же едва ли не апокрифическими деталями см. письмо Н. И. Гнедича к В. В. Капнисту от 2 января 1811 г. в кн.: Державин. Сочинения, т. 6, стр. 231. Захаров И. С. (1754—1816) — сенатор, председатель 4-го разряда «Беседы», переводчик, последователь Шишкова.

² Большой каменный театр был расположен на Театральной площади, на месте нынешней Консерватории. Построен в 1783 г. Л. Ф. Типшбейном, перестроен в 1802—1804 гг. Томо де Томоном (1760—1813). После пожара 1811 г. восстановлен в 1818 г. А. Модюи.

³ «Илиада», песнь IX, стих 436.

⁴ Речь идет о «Вестнике Европы». В 1808—1809 гг. его возглавлял В. А. Жуковский. В 1809—1810 г. во главе стояли Жуковский и М. Т. Каченовский. С 1811 г. журнал издавался Каченовским.

⁵ Филип — слуга Батюшкова.

7

Спбург. Март 21, 1811.

Боже мой! Какое неравенство дается людям в дарованиях? Я лет десять стараюсь *ославяниться*, т. е. вникаю в свойства и красоты и богатства славянского языка, но еще весьма далек, хотя ты и льстишь мне, от цели моих желаний; ты, напротив, чрез несколько месяцев житья в Москве так хорошо успел в желаемом, и сбылось писание: овому талант, овому же два. Однакож Самар<иной>, которую я весьма люблю за душевные свойства, не можно знать моих успехов в *ославянении*, ибо я никаких ей стихов не читал своих, зная, что они ей не по праву,¹

^а И площадь, где театр был (лат.).

^б Гнев впал в душу (греч.).

а труды мои по ее бумагам ничего не могли показать, кроме моего усердия к пользе ее. Спасибо за совет поставлять мне за честь облизывать тарелки там, где Дмит<риев> обедает. Он попечитель общества, Шипков председатель, Шихматов член, а я должен поставлять себе в честь с Штаневич<ем> быть сотрудником общества.² Не что делать, а что бы ты сделал, будучи на моем месте? Спрашивал я тебя, желая узнать из образа твоих мыслей, равно ли бы мы в сем случае поступили с тобою? И не досказал тебе, какой финал с моей стороны сделан сей драматической сцене, с тем намерением, чтобы ты сам отгадал его, соображаясь с моим характером. Но вижу, что он тебе неизвестен, ибо ты мне советуешь кончить эти глупости, в ту же минуту мною оконченные удалением от беснующагося. Он жаловался на меня министру, и, как сказывал мне Уваров, сам им обвинен.³ Никакой сатиры не видел я и не слышал, чтобы она была, и быть не может от людей, об коих ты пишешь. Горч<аков>, встречаясь с Шахов<ским> только в обществе, вряд ли успеет там писать сатиры.⁴ Это газеты Кузнецкого мосту.

Можно ли мне защищаться, когда на твоей стороне вся Москва и даже Самарина (вовсе не удивляюсь), а на моей два или три благоразумных человека, с которыми случилось читать, но не которым я следовал в мнении, а они мне; ибо и я умею мыслить и имею довольно характера, чтобы не позволять себя надувать чужим умом. Вы нас закричите! При том же я часто видел, что споры клонятся у иных не к тому, чтобы открыть истину, а чтобы сделать торжествующими свои заблуждения. Дело не о словах, а о вкусе, о роде поэзии — он, как я и поздравлял тебя, нравится всей Москве!

Sur son jugement seul un homme sayé appugé
A l'univers seduit oppose son estime.^a

Как бы то ни было, но я писал к человеку, которого я люблю, мои мысли; а что принял такой тон, так это от откровенности моего характера, самому мне весьма иногда вредной. Что ты бранил Перуанца и каешься,⁵ в этом ты прав, ибо увидел, что в нем нет по крайней мере ничего бестолкового. Но я и покаявшись, пойму ли: как меч скользит по влаге вод?^{6, 6} Увижу ли, с усерднейшим расположением, во всей пиэсе что другое, кроме воображения, не управляемого ни вкусом, ни рассудком, изыскивающего одно необыкновенное, черное и страшное; не изображения, списанные с природы, достойной списания, не образы, возвышающие душу или услаждающие чувства, но пугалища для воображения больных и смех для воображения здоровых. Может быть, в этом и состоит цель, или, как ты говоришь, тоны северной поэзии. Ноель⁷ хвалит ее? И кого же взял в оправдание? Ноель, компилятор книгопродавцев, Ноель, креатура слабогузаго Делиля,⁸ наполнивший свои листки приторностью Делиля, пакостями Мишо,⁹ Легуве¹⁰ и других школярей Делилевых, а не взявший ни одного стиха из Берениси, Бажазета и Les freres ennemis,¹¹ в которых есть рассказ образцовый в словесности французской?! Ноель тебя уверил! О Коридон, Коридон, ты мне жалок. Ни Ноель, ни Жуков<ский>, ни Самарина, ни ты не уверите ни одного благоразумного человека, что цель и тоны северной вашей поэзии основаны на том, в чем состоит истинная поэзия греческая или еврейская, китайская или цыганская, все равно. У всех народов она имеет одну основу и одну цель: простое изображение того, что достойно изображе-

^a Человек положился только на свое суждение

И противопоставляет соблазненному человечеству свое уважение (франц.).

^б И что за влага? влажность воды — или влага есть свойство водяной материи, в поэзии ни к чему годное. (Прим. Гнедича).

^в Братья-враги (франц.).

ния; и чем какой народ ближе подошел к верности сего изображения, тем его поэзия более нравится во всех веках, всем народам; здравый вкус неизменен. Это не мода, угождающая любимыми фразами нежному слуху Делии, страшными картинками — черному воображению Мелодора; Делии умрут, а другие будут иметь новые любимые фразы; у Мелодоров [здравый]^г свет ума прояснит воображение; и все поэзии северной пни и кочки, завывания и рыкания, тучи и туманы останутся в туманах.

Но

Он слышит псов домашних лай
И зрит отцов поля и дома.¹²

Поелику это есть природа знакомая и любезная как северному, так и полуденному жителю, то и тот и другой всегда найдут эти два стиха прекрасными, если только станет у них терпения прочесть начало пиэсы, в которой они находятся.

Ты целые пиэсы писывал такими стихами и в этом роде. Но что город, то норов; и вследствие сего избран тобою новый род. Парни есть твой образец легкого рода (этот род весьма труден?). А разве хорошее во всяком другом роде легко? Легко писать было Парни сон ратников, но Шолье¹³ писал не так и не то. Но и самый Шолье есть ли занятие дарования, сделавшего себе честь переводом из Тассо... Да, я хочу делать то, что мне угодно, что мне нравится! Я пишу легкие стихи потому, что они мне не стоят никакого труда, что я ставлю слова без приличия, картины без разбору, что в них ненадобно мне, как Расину, над одним полустигшием ломать головы по суткам?! Что ж мне на это отвечать? Я остаюсь глуп с моею дружбою. Знай, однако же, любезный друг, что мои мысли не суть суждения какого-либо пристрастного человека, а мои собственные, и не вовлекут меня в раскаяние... (*конец письма не сохранился*).

Ответ на письмо от 13 марта 1811 г. (Батюшков, III, 111—116). Несколько строк процитированы И. Н. Медведевой во вступительной статье к кн.: Н. И. Гнедич. Стихотворения. Д., «Сов. писатель», 1956 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 15. В публикуемом письме с максимальной отчетливостью отразились расхождения двух поэтов. Гнедич резко упрекает Батюшкова за отход от серьезной тематики и увлечение легкой поэзией Шолье и поверхностным романтизмом Парни, перелагающего Оссиана. С точки зрения Гнедича, это такая же преходящая мода, как и сентиментализм. Он, используя расхожие имена сентиментальной лирики, ставит рядом «нежный слух Делии» и «черное воображение Мелодора», возражая Батюшкову с позиций классицизма («здравый вкус неизменен») и опираясь на авторитет Расина.

¹ Из контекста следует, что в споре друзей Самарина была на стороне Батюшкова и смеялась над «славянщиной» Гнедича.

² Батюшков упрекал Гнедича за отказ сотрудничать в «Беседе», где наряду со Станевичем, Шихматовым и Хвостовым есть Шишков, Державин и Дмитриев. Штаневич, т. е. Е. И. Станевич (1775—1835) — поэт, член «Беседы». Шихматов, т. е. С. А. Ширинский-Шихматов (1783—1837) — поэт, активный сотрудник «Беседы».

³ Гнедич отказался от участия в «Беседе», так как ему предложили быть не членом, а членом-сотрудником и поставили в списке на 9-е место (см.: Г. Державин. Сочинения, т. 6, стр. 235—236). Не смягчило обиду Гнедича и умиротворяющее письмо Державина, где Гнедич был назван «членом» и имя его было поставлено на 5-е место (см.: Отчет Публичной библиотеки за 1895 г. СПб., 1898, Приложения, стр. 5). Между маститым старцем и молодым поэтом произошел разрыв, закончившийся публичным скандалом в доме Б. Голицына (см. письмо Гнедича к В. В. Капнисту от 25 августа 1811 г.: Г. Державин. Сочинения, т. 6, стр. 232—233). Жалоба Державина министру, о которой рассказывает Гнедич, вносит дополнительный штрих в эту ссору. В письме от конца апреля—начала мая, не вошедшем в нашу публикацию, Гнедич рассказывает, что Державин, работавший в эту пору над большим литературно-теоретическим трактатом «Рассуждение о лирической поэзии», «привел в пример о гимнах» гимн Минерве Гнедича, а после

^г Зачеркнуто в оригинале.

приключения — вымарал его». С. С. Уваров в 1810—1821 гг. попечитель СПб. учебного округа, позднее президент Академии наук, министр просвещения.

⁴ О какой-то сатире, «весьма колкой» по отношению к Карамзину, В. Л. Пушкину и Батюшкову, Батюшков писал Гнедичу, называя авторами ее Шаховского и Горчакова. Д. П. Горчаков (1758—1824) — поэт-сатирик, драматург, член «Беседы». Возможно, имеется в виду сатирическая поэма А. А. Шаховского «Расхищенные шубы», первая песнь которой была напечатана в «Чтениях в Беседе любителей русского слова» (1811, кн. 3).

⁵ Батюшков писал: «Я бранил *Перуанца*, а теперь каюсь», имея в виду лучшее гражданственное стихотворение Гнедича «Перуанец к испанцу» (1805); при этом он смеялся над лексикой стихотворения («Измощдая», «Тигры», «варвары», «пей кровь», «грызи зубами»), противопоставляя высокую гражданственность «легкой поэзии» и отдавая предпочтение последней.

⁶ Речь идет о переведенном Батюшковым отрывке из поэмы Парни «Иснель и Аслега» под названием «Сон воинов». В журнальной публикации («Вестник Европы», 1811, № 3) были строфы с рефреном: «Мой меч скользит по влаге вод». Они были исключены Батюшковым из собрания стихотворений (Опыты в стихах и прозе Константина Батюшкова. СПб., 1817), видимо, под влиянием критики Гнедича.

⁷ Ноель М. (1755—1841) — французский литератор, выпустивший ряд компилятивных изданий.

⁸ Делиль Ж. (1738—1813) — французский поэт и переводчик, автор дидактических и описательных произведений.

⁹ Мишо Ж. (1767—1839) — французский историк-роялист, автор сатирической антиреволюционной поэмы «Весна изгнанника».

¹⁰ Легуве Г. (1764—1812) — французский поэт, лучшая его поэма — «Достоинство женщин».

¹¹ «Береника» (1670), «Баязет» (1672), «Фиваида, или Братья-враги» (1664) — трагедии Расина.

¹² Строки из критикуемого Гнедичем стихотворения.

¹³ Шолье Г. (1636—1720) — французский поэт, представитель так называемого «легкого стихотворства».

ПОЛЬ ВАЛЕРИ

ПИСЬМА К Ф. Д. БАТЮШКОВУ

Публикация А. Б. Муратова

Письма Поля Валери (1871—1945) относятся к тому времени, когда он еще не был известен как поэт, философ и критик. Слава пришла к Валери четверть века спустя. Но все то, что способствовало этой славе и что до сегодняшнего дня служит предметом оживленных споров и серьезных научных толкований, закладывалось именно в 1890-е годы. Валери, автор нескольких произведений, не получивших тогда широкого признания, — среди них наиболее известны «Введение в систему Леонардо да Винчи» (1894) и «Вечер с г-ном Тэстом» (1896),¹ — вскоре практически отошел от литературы, посвятив себя напряженной умственной деятельности. Обращаясь к математике и логике, он пытался в чисто интеллектуальной сфере найти ответы на вопросы бытия, разрешить проблемы философии и создать новый язык поэзии. «Я провел долгие годы в том, что пытался составить себе — настолько индивидуально, насколько это было в моих силах — концепцию совокупности моих впечатлений и моих идей», — писал Валери в «Предуведомлении читателя», предназначенном для русского издания его произведений.² Весь этот огромный труд нашел свое отражение в его «Тетрадах» (*Les cahiers*), полностью изданных лишь недавно,³ но уже давших основание говорить об актуальном значении их для современной философии и о том, что сами «поиски интеллектуального универсализма» были вызваны кризисным состоянием западноевропейской буржуазной действительности.⁴

Письма в литературном наследии Поля Валери играют особую роль: это своего рода интимный дневник, отразивший те же «поиски интеллектуального универсализма».

Конечно, в публикуемых письмах к Батюшкову нет обстоятельных исповедальных размышлений, которые отличают, например, письма Валери к А. Жиду.⁵ Но и они интересны, так как в известной мере воссоздают духовную и общественную атмосферу жизни Валери в 1890-е годы. Кроме того, эти письма знакомят с неизвестной страничкой его биографии: они раскрывают дружеские связи французского поэта с группой русских молодых ученых и переводчиков, приезжавших в конце XIX в. в Париж. Мы узнаем о занятиях Валери русским языком, о той помощи, которую он оказывал своим русским знакомым во Франции, о дружеских литературных разговорах, которые велись в маленьком пансионе под громкой вывеской «Отель Генриха IV».

Как и при каких обстоятельствах Ф. Д. Батюшков познакомился с Валери, мы не знаем. Это могло произойти летом 1896 г.: Батюшков был тогда в Париже и останавливался в том самом «Отеле Генриха IV»,⁶ в котором жил Поль Валери и о котором идет речь в публикуемых письмах. Возможно, однако, что это случилось в начале 1897 г., во время новой поездки Батюшкова в Париж, где он, помимо занятий филологией (о чем упоминается в одном из писем Валери), был занят переговорами об издании журнала «Cosmopolis» в России. Из воспоминаний Валери о Малларме известно, что 30 марта 1897 г. Малларме дал прочитать своему молодому другу исправленную корректуру предисловия к поэме «Удача никогда не упраздняет случая» («Un coup de dés jamais n'abolira le hasard»),⁷ которое вскоре появи-

¹ На русском языке второе произведение напечатано в 1936 г. (Поль Валери. Избранное. М., ГИХЛ, 1936, стр. 225—247), а первое — в 1972 г. («Вопросы философии», 1972, № 2, стр. 95—103).

² Поль Валери. Избранное, стр. 36.

³ Paul Valéry. *Les cahiers*, tt. I—XXIX. Paris, 1957—1964.

⁴ В. М. Козовой. Поль Валери в поисках интеллектуального универсализма. — «Вопросы философии», 1972, № 2, стр. 104—114.

⁵ A. Gide — Paul Valéry. *Correspondance*. Paris, 1957; A. Gide. Paul Valéry. Paris, 1947.

⁶ См. письмо Батюшкова А. Н. Пылину от 29 мая 1896 г. (ГПБ, ф. 624, № 60).

⁷ Paul Valéry. *Variété*, II. Paris, 1936, p. 196.

лось в «Cosmopolis».⁸ Вполне вероятно, что Батюшков, став одним из редакторов этого журнала, незадолго перед тем познакомился и с автором поэмы, и с его молодым поклонником. Это косвенно подтверждается появлением в «Мире божьем» (1897, № 3), к которому Батюшков был близок, перевода статьи английского критика Э. Госсе «Символизм Ст. Малларме». То была одна из первых статей о французском поэте в русской периодической печати. В примечании к статье было сказано, что Малларме, мало знакомый английскому читателю, еще менее известен в России.

Письма Поля Валери печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 20, № 15.306).

1

12, Rue Gay Lussac. Paris.

Cher monsieur Batiouchkoff,

Laissez-moi être très confus de n'avoir jamais répondu à votre aimable cadeau de l'année dernière, et de n'avoir même pas profité de la Noël ou 1^r jour de l'an, russes pour vous faire part de mes sentiments. Mais depuis que je ne vous ai vu, ma vie a changé, et un emploi — nécessaire — dans les bureaux de la Guerre, prend le meilleur de mon temps.¹

Le soir me trouve en Russie. Car votre influence a réuni, ici, autour des humbles tables que vous connaissez bien — vos compatriotes Mr Petroff et sa soeur,² Mlle Taube,³ et Mr Mikhalovski.⁴ Le malheur est que le président, nous manque — s'est à dire — vous.

Et c'est une délicieuse hôtellerie de Babel; Madame Manton, qui y jette parfois du Basque, devrait bien nommer sa maison «Restaurant philologique» ou «A la renommée des racines».⁵

Le fait est que ces demoiselles elles-mêmes se montrent ardentes; quant aux étymologies. Je crois que pour un peu j'y apprendrais le russe si j'avais dans la journée, le temps d'y songer et si, comme on l'essaye gracieusement pour augmenter ce que vous m'avez appris, on m'inculquait tous les soirs trois mots de votre difficile langue. Je dis difficile, en me souvenant d'un mot de Mr Petroff, hier soir, qui me disait: «Mais non: elle n'est pas difficile. Voyez! nous la parlons tous!».

Je vous jure encore que vous nous manquez.⁶

Ce qui ne nous manque pas, hélas, en ce moment — ce sont les saletés de toute sorte et les sottises. Heureux les pays où il n'est pas licite à tous de se mêler de tout!⁷

Pour moi, aux rares instants que je dérobe à la nécessité, je retourne in myself, dans les recherches bizarres et sans doute inutiles qui, pourtant, m'animent, j'erre sur mes idées de la veille, je les recommence et les juge, je ne cherche qu'à me satisfaire, ce qui est le plus difficile, toujours. L'analyse de ВООБРАЖЕНИЕ (!) me sollicite sans cesse.⁸

Je renouvelle mes excuses. L'intention a été fréquente, mais je n'ai pas trouvé jusqu'aujourd'hui la fissure par où l'intention se glisse dans la réalité.

Trouvez ici l'expression de mes meilleurs sentiments et du souvenir que j'ai gardé de votre érudite et exquise compagnie.

Павелъ Валери.

Перевод:

<Февраль, 1898>

Париж. Ул. Гей-Люссак, 12.

Дорогой господин Батюшков,

я очень сконфужен тем, что не ответил на ваш дружеский прошлогодний подарок и даже не воспользовался русским рождеством или новым годом, чтобы выразить вам мои чувства. Однако со времени нашей встречи моя жизнь изменилась: вынужденная служба в Военном министерстве отнимает лучшую часть моего времени.¹

⁸ «Cosmopolis», 1897, mai, pp. 417—428.

ечер застаёт меня в России. Так как ваше влияние соединило здесь, вокруг
ного стола, который вам хорошо известен, ваших соотечественников — г-на
ва и его сестру,² м-ль Таубе³ и г-на Михаловского.⁴ К несчастью, отсутствует
президент, т. е. вы.

difficile, en me souvenant d'un mot
de M. Petroff, hier soir, qui me disait
«ce mais non! elle n'est pas difficile.
Voyez! nous la parlons tous!»

Je vous jure encore que vous nous
manquez.

Ce qui ne nous manque pas, hélas,
en ce moment — ce sont les saletés
de toute sorte et les sottises. Heureux les
pays où il n'est pas licite à tous de
se mêler de tout!

Pour moi, aux rares instants que je
déroche à la nécessité, je retourne in
myself, dans les recherches bizarres et
sans doute inutiles qui, pourtant, néanmoins,
j'ose sur mes idées de la veille, je les
recommence et les juge, je ne cherche
qu'à me satisfaire, ce qui est le plus
difficile, toujours. L'ANALYSE DE
ВООБРАЖЕНИЕ (!) me sollicite
sans cesse.

Письмо Поля Валери к Ф. Д. Батюшкову. Февраль 1898 г.

наша прелестная гостиница напоминает Вавилон. Мадам Мантон, которая
добавляет еще немного баскского языка, должна была бы в действитель-
назвать свой дом «Филологический ресторан» или «Во славу корней».⁵
ело в том, что эти барышни сами пылают страстью к этимологиям. И мне
ся, что этак я вскоре выучил бы русский язык, будь у меня в течение дня

время подумать о нем и вызубри я каждый вечер три новых слова вашего трудного языка в добавление к тому, чему вы меня научили и чего теперь любезно пытаются от меня добиться. Я говорю трудного, вспоминая слова г-на Петрова, который вчера вечером сказал мне: «Да нет же, он не труден. Ведь мы же все говорим на нем!».

Еще раз уверяю вас, что нам вас недостает.⁶

Зато нам вполне, увы, хватает всякого рода гадостей и глупостей. Счастливы страны, где нет у всех законного права вмешиваться во все!⁷

Что касается меня, то в редкие мгновения, которые мне удается урывать от вынужденных занятий, я возвращаюсь *in myself*,^a в странные и, без сомнения, бесполезные поиски, которые, однако, меня воодушевляют. Я блуждаю среди своих прежних мыслей, возвращаюсь к ним, я стремлюсь лишь удовлетворить себя, а это самое трудное. Анализ ВООБРАЖЕНИЙ (!) постоянно к этому побуждает меня.⁸

Я возобновляю свои извинения. Желание писать вам появлялось часто, но до сих пор мне не удавалось найти ту самую щелочку, через которую желаемое проскользнуло бы в реальность.

Примите выражение моих лучших чувств и уверение, что я сохраняю память о вашей эрудиции и о столь приятном общении с вами.

Павел Валери.

Датируется на основании письма Д. К. Петрова к Ф. Д. Батюшкову от 11/23 февраля 1898 г. — см. прим. 6.

¹ В 1897—1901 гг. Поль Валери служил в ведомстве артиллерийского снабжения Военного министерства.

² Петров Д. К. (1872—1925), впоследствии профессор Петербургского университета, в конце 1890-х годов ездил в Париж и Мадрид для занятий средневековой литературой. См. о нем: Испанистика в Петербургском—Ленинградском университете. Библиографические материалы. — «Научный бюллетень ЛГУ». 1947, № 14—15. Письма Д. К. Петрова Батюшкову (1898—1914) хранятся в ИРЛИ. Петрова В. К. (1870—1941) — впоследствии профессор Ленинградского университета.

³ О ком идет речь, установить не удалось.

⁴ Михаловский Д. Л. (1828—1905) — переводчик и поэт. См.: Иностранцы поэты в переводах и оригинальные стихотворения Д. Л. Михаловского, тт. 1—2. СПб., 1896.

⁵ Поль Валери жил в «Отеле Генриха IV», принадлежавшем некоей мадам Мантон. Здесь он занимал очень скромно меблированную комнатку, хорошо запомнившуюся всем, кто в те годы общался с ним.

⁶ Д. К. Петров писал Батюшкову 11/23 февраля 1898 г.: «Paul Valéry, вероятно, описал Вам, как вообще проводится жизнь под вывеской Henry IV, где Вы пользуетесь авторитетом у *м-ме Manton* и у всех ее постояльцев, которые Вас знают» (ИРЛИ, ф. 20, № 15.188).

⁷ Поль Валери, возможно, имеет в виду события, связанные с «делом Дрейфуса» — офицера-еврея, обвиненного в измене. В 1898 г. дело приняло новый оборот в связи с оправданием 11 января истинного изменника Эстергази. Письмо Э. Золя президенту Ф. Форю («Я обвиняю...»), написанное два дня спустя, вызвало злобные нападки на его автора со стороны шовинистической и реакционной части французского общества.

⁸ С середины 1890-х годов в творчестве Валери начинается мучительный процесс поисков, что нашло отражение в заметках, составивших содержание ныне опубликованных «Тетрадей». Их Валери вел до конца своей жизни (Paul Valéry. Les cahiers, t. I (1894—1900). Paris, 1957; *Edmée de la Rochefoucauld*. En lisant les cahiers de Paul Valéry. Tomes I à X (1894—1925). Paris, 1964).

2

Montpellier

9, Rue Vieille Intendance

Cher monsieur,

Je suis désolé d'avoir tardé autant à vous répondre, et d'avoir manqué le passage de M^r votre frère à Paris.¹ Le soin de ma santé m'avait forcé de me réfugier ici, malgré la répugnance que ce lieu très provincial m'inspire et j'y suis encore pour quelques semaines.² Je tâche de travailler autant pour me distraire que pour me faire croire que je suis tout à fait rétabli. Car j'ai quitté Paris, littéralement contraint par mille malaises, dont le moindre au physique et le pire au moral était justement cette incapacité de travail, et

^a в себя (англ.).

ces douleurs de tête — qui se mêlent dans mon cas, à tout exercice intellectuel.

Mais je n'ai fait, en me déplaçant, que substituer à trop d'agitation un ennui saumâtre, un bain d'huile, un calme terrible où l'on écoute grandir les champignons et où s'améliore pesamment l'hébétude de la province... J'aspire encore aux fatigues. C'est un héroïsme sans mérite.

Je suis heureux que «En Route» vous ait intéressé.³ Je me permets de vous signaler un moyen d'en apercevoir la *place* littéraire. Il suffit de le comparer, pour cela, aux oeuvres du reste des littérateurs en faisant abstraction du fond mystique lui-même. Selon moi, il ressort de cette comparaison: que Huysmans a ouvert par ce livre une voie à un type de *roman* plus, beaucoup plus, «mental», qu'on ne l'a fait jusqu'ici. De plus, et au point de vue des problèmes particuliers que le développement historique des procédés et de la composition, pose, ce roman est un curieux essai de mélange de diverses expressions découvertes ou usitées *séparément* jusqu'à lui par les auteurs.

L'étrange — et il ne <faut> pas l'oublier — c'est que H. est entraîné malgré lui, ou emporté par son sujet, à sortir de la langue romantique et naturaliste — et il s'en défend, et il se bat pour y rester, car il croit ou sent que c'est la seule langue «artiste». D'où lutte et débats intérieurs très intéressants.

Toutes mes amitiés, cher Monsieur, et donnez-moi quelquefois de vos nouvelles.

Bien votre

Павель Валери.

Перевод:

«Март, 1898»

Монпелье. Ул. Вьей Энтанданс, 9.

Сударь,

я глубоко огорчен тем, что так задержался с ответом и пропустил кратковременное пребывание в Париже вашего брата.¹ Забота о собственном здоровье вынудила меня скрываться здесь, несмотря на отвращение, которое внушает мне это слишком провинциальное местечко, и я пробуду здесь еще несколько недель.² Я стараюсь работать столько же для того, чтобы отвлечься, сколько — чтобы внушить себе, что я совершенно выздоровел. Ибо я покинул Париж, страдая буквально от тысячи недугов, из которых наилучший с точки зрения физического состояния и наилучший с точки зрения морального состояния в неспособности к работе; и эти головные боли, которые появляются у меня при любом интеллектуальном занятии.

Но своим переездом я лишь заменил избыток суеты болотной скукой, ужасающим спокойствием, когда начинаешь слушать, как растут грибы, и когда прочно укореняется провинциальная тупость...

Я стремлюсь к усталости. Это бесславный героизм.

Я счастлив, что «В пути» вас заинтересовало.³ Позволю себе указать вам средство для того, чтобы определить *место* этой книги в литературе. Достаточно для этого сравнить ее с произведениями других литераторов, оставляя в стороне мистическую основу саму по себе. По моему мнению, из этого сравнения явствует, что Гюисманс открыл своей книгой новый тип *романа* более, и гораздо более, «умственный», чем это было раньше. Кроме того, с точки зрения частных проблем, которые ставит историческое развитие приемов и композиции, этот роман есть любопытный опыт соединения разнообразных средств выражения, открытых или употребленных *по раздельности* другими писателями.

Странность — и не <надо> забывать об этом — в том, что Гюисманс помимо своей воли унесен, вырван своим сюжетом из языковой стихии романтизма и натурализма, и он отрывается от нее и борется, чтобы не порывать с ней, так как думает или чувствует, что это единственный «художественный» язык. Вот откуда и борьба, и внутренние споры, очень интересные.

Примите выражение моих дружеских чувств, сударь, и сообщайте иногда новости о себе.

Ваш Павел Валери.

Датируется предположительно по содержанию. В 1898 г. состояние здоровья Поля Валери ухудшилось (см.: T. Bosanquet. Paul Valéry. London, 1933, p. 51).

Рассуждение о Ж. Гюисмансе могло быть связано с работой над статьей о нем, появившейся в марте того же года.

¹ Батюшков Г. Д. (1866—1923) — востоковед. См. о нем: Н. А. Колесников. К истории рода Батюшковых. — В кн.: К. Н. Батюшков, Ф. Д. Батюшков, А. И. Куприн. Вологда, 1968, стр. 25—26.

² В Монпелье жили мать и брат писателя Жюль Валери.

³ Роман Ж. Гюисманса «В пути» напечатан в 1895 г. Данный отзыв дополняет другие известные высказывания Поля Валери о Гюисмансе, с которым его связывала прочная дружба, см.: P. Valéry. 1) «Durtal». — «Mercure de France», 1898, mars, pp. 770—780; 2) Souvenir de J.-K. Huysmans. — In: Paul Valéry. Variété, II. Paris, 1930, pp. 235—241.

3

Cher Monsieur,

La présence ici de Mr Pétroff n'a eu pour moi que ce défaut: de m'empêcher de concourir un petit peu à la documentation des oeuvres de Pouchkine. Votre élève et ami a déjà copié et envoyé le poème de «l'Almanach des Muses» qu'il vous fallait.¹

Je n'ai pas fait la connaissance de Mme Baranof dont je suis pourtant le voisin très immédiat puisque seule une cloison (de Paris!) nous sépare.

Mais je passe les journées à mon bureau et l'occasion de me présenter à votre compatriote m'a manqué, jusqu'à présent.²

Je suppose que vous êtes au moment de partir pour quelque campagne. Je voudrais que ce fût ici que vous soyiez amené par quelque train distrait. Je n'aurais plus guère le plaisir ni le loisir de vous accompagner à la Bibliothèque, mais vous me redonneriez, le soir, la sensation perdue d'y avoir gagné ma journée.

Je travaille tant bien que mal à je ne sais quoi de digne de Pénélope: mais il y faut de la vertu, tant l'interruption, sinon l'impossibilité deviennent continuelles. Heureux les Autres, — qui ont toujours l'air de mieux arranger leurs affaires! . .

Tout le monde vous aime ici, cher Monsieur, cela me dispense d'énumérer. Je me ferai cependant une petite place nominative et privilégiée en finissant cette lettre.

Trouvez donc ici les meilleurs souvenirs de votre dévoué

P. Valéry.

Перевод:

«Начало июля 1898»

Сударь,

присутствие здесь г-на Петрова имело для меня один недостаток: помешало внести свою лепту в переписывание источника стихотворения Пушкина. Ваш ученик и друг списал уже и отправил стихотворение из «Almanach des Muses», которое вам было нужно.¹

Я не познакомился с г-жой Барановой, которой я, однако, очень близкий сосед; только одна перегородка (парижская!) нас разделяет.

Но я провожу дни на службе, и до сего дня не представился случай познакомиться с вашей соотечественницей.²

Я думаю, что вы сейчас отправляетесь куда-нибудь за город. Хотелось бы, чтобы какой-либо рассеянный поезд привез вас именно сюда. Я совсем не имел бы больше удовольствия и досуга сопровождать вас в библиотеку, но по вечерам вы восполнили бы эту ощутимую потерю, создавая впечатление, что я проработал там весь день.

Я выполняю с грехом пополам что-то вроде работы Пенелопы: но и в этом нужно быть добродетельным, до такой степени перерывы в работе, если только не невозможность работать, становятся постоянными. Счастливы те, кто умеет делать вид, что дела их устроены лучше! . .

Здесь все вас любят, сударь, и это меня освобождает от перечисления имен. И все же я выделяю себе персональное и привилегированное местечко, кончая это письмо.

Примите наилучшие пожелания от преданного вам

П. Валери.

Датируется на основании письма Д. К. Петрова к Ф. Д. Батюшкову.

¹ 8 (20) июля 1898 г. Д. К. Петров писал Батюшкову: «Я все еще в Париже, и потому мне было очень приятно, по Вашему указанию, списать из Альманаха стихотворение; я его сегодня отправлю Л. Н. Майкову» (ИРЛИ, ф. 20, № 15.188). Л. Н. Майков (1839—1900), в те годы вице-президент Академии наук, составил себе известность многочисленными трудами по истории русской литературы, в том числе изданием сочинений К. Н. Батюшкова и его биографии. В последние годы жизни Л. Н. Майков готовил к изданию новое собрание сочинений Пушкина. В 1900 г. вышел первый том (см. о его работе: Ф. Батюшков. Гуманист-академик. Памяти Леонида Николаевича Майкова. — «Мир божий», 1900, № 6, стр. 13—20). Обширные комментарии Майкова к лицейским стихотворениям Пушкина касались главным образом выявления французских источников произведений русского поэта (Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960, стр. 82—85). Об одном из таких источников и идет речь в письме. Д. К. Петров писал 8 (20) июля 1898 г. Л. Н. Майкову: «Многоуважаемый Леонид Николаевич. По указанию Ф. Д. Батюшкова я списал из „Almanach des Muses“ за 1812 г. стихотворение „Mes adieux à la Vie“ (автор М. Dorange, — А. М.) и препровождаю к Вам эту копию. Остаюсь готовый к услугам магистрант Дмитрий Петров» (ИРЛИ, ф. 166, № 58). «Almanach des Muses» — один из первых французских литературно-художественных альманахов, выходявших в Париже в 1743—1833 гг.

² В том же письме к Батюшкову Д. К. Петров сообщал: «К вашей знакомой г-же Барановой, которая поселилась на нашей лестнице, т. е. в „Hôtel de la paix“, я зайду и охотно предложу ей посильные услуги» (ф. 20, № 15.188). О ком и каких именно услугах идет речь, установить не удалось.

4

Paris. Mercredi.

Cher Monsieur,

Je n'ai pas pu voir au moment de son départ M. Воротниковъ que je me proposais de charger de mes amitiés pour vous. C'est un charmant homme, un aimable Russe de plus dans ma mémoire, encore que les circonstances ne nous aient pas permis de causer ensemble très en détail. J'ai essayé de faciliter ses desseins à Paris, dans la mesure de mon pouvoir, c'est à dire dans une très petite mesure.¹

Je suppose que vous voyez quelquefois à Péterbourg Dmitri Petrov et peut-être sa soeur Véra. Ce sont des êtres parfaitement aimables avec lesquels j'ai entretenu ici des relations tout à fait cordiales. Pour moi qui suis éternellement campé à l'hôtel comme un soldat de je ne sais quel témoudjine² — qui est le Hasard, — ces bonnes rencontres sont des aubaines précieuses; et je me plains maintenant de l'ennui à la table que vous connaissez et que nulle conversation autre que météorologique n'anime plus.

Je ne vous donnerai pas de nouvelles littéraires. Il paraît bien des choses — je ne dis pas qu'il n'y en ait pas d'excellentes mais je ne vois rien de très net à vous indiquer, en ce moment.

J'espère infiniment vous voir bientôt. Je compte sur la philologie ou sur l'exposition pour vous ramener à Paris.

До Свиданія!

Павель В. Валери.

Перевод:

«Конец 1898»
Париж. Среда.

Сударь,

мне не удалось встретиться с г-ном Воротниковым перед его отъездом, а через него я намеревался передать вам мои дружеские пожелания. Он очаровательный человек и еще один из тех прекрасных русских людей, с которыми мне удалось познакомиться, хотя обстоятельства и не позволили нам сколько-нибудь обстоятельно побеседовать друг с другом. Я пытался по мере моих возможностей, т. е. в очень малой степени, способствовать осуществлению его парижских планов.¹

Я думаю, что вы иногда встречаетесь в Петербурге с Дмитрием Петровым и даже, быть может, с его сестрой Верой. Это в высшей степени милые люди, с которыми я поддерживал здесь очень сердечные отношения. Для меня, который прочно обосновался в гостинице, подобно солдату не знаю какого темуджина,² т. е. Случая, эти приятные встречи — подлинная удача, и я жалею теперь на скуку за столом, которую вы себе представляете и которую оживляет лишь разговор о погоде.

Я не сообщаю вам никаких литературных новостей. Появляются разные разности — я не сказал бы, чтобы среди них не было превосходных, — но я не вижу ничего такого, на что я бы мог указать вам в данный момент.

Очень надеюсь увидеть вас вскоре. Рассчитываю на филологию или на выставку, которые снова приведут вас в Париж.

До свидания!

Павел В. Валери.

Датируется на основании следующих данных: Д. К. Петров уехал из Парижа в августе 1898 г. и провел около трех месяцев в Мадриде. Возвратиться в Петербург он намеревался к концу года.

¹ Воротников А. П. — переводчик, драматург и поэт символистского направления. Круг его интересов как переводчика относился главным образом к современной литературе.

² Темуджин, или Темучин — собственное имя Чингисхана. В данном случае употреблено в значении «завоеватель».

П. Ф. ЯКУБОВИЧ

ПИСЬМА К Ф. Д. БАТЮШКОВУ

Публикация А. Б. Муратова

Публикуемые письма известного деятеля народнического движения Петра Филипповича Якубовича (1860—1911) относятся к 1901 г., когда он только что возвратился из ссылки, во время которой не мог выступать в литературе под своим настоящим именем. До этого читатель знал поэта П. Я., автора очерков «В мире отверженных» Л. Мельшина и критика П. Гриневича, выступавшего главным образом со статьями о современной литературе. Поэзия и проза Якубовича были сочувственно встречены русской критикой, что же касается его статей, то они вызвали довольно многочисленные полемические отклики в печати, борющейся с идейным направлением «Русского богатства». Среди журналов, особенно активно выступавших против народничества, был «Мир божий». Ф. Д. Батюшков, близкий к редакции этого журнала, тоже не остался в стороне от споров с «Русским богатством». На почве их и произошло знакомство Якубовича с Батюшковым, вспоминавшим: «Познакомился я с Якубовичем около 1900 года, вскоре по его возвращении на родину. Сошлись мы с ним в результате литературной полемики в печати и устных споров о поэзии».¹ Эти-то полемики и споры нашли отражение и на страницах писем Якубовича к Батюшкову.

То было время не только острой борьбы символизма с новой реалистической литературой. Существенное место в спорах тех лет занимал вопрос об отношении к традициям реалистической литературы XIX в., о генезисе современного символизма,² о самом смысле понятий «символизм», «декадентство», которые часто отождествлялись друг с другом, вызывая особые трудности в определении подлинного общественного значения нового литературного направления.³ Одна из таких полемика возникла в начале 1900 г. Начал ее Якубович.

С январского номера «Мир божий» стал печатать роман Д. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи». Одновременно в первом же номере была напечатана статья А. Богдановича в защиту символизма. Критик утверждал, что средства прежнего реалистического искусства бессильны выразить настроения и смысл усложнявшейся жизни, и говорил о символизме как о пути обновления искусства. При этом символизм не отождествлялся им с новым литературным направлением, а рассматривался как некий обобщенно-идеальный взгляд на мир, известный литературе еще со времен Гете и Пушкина.

Но Якубович все же воспринял это как последовательную защиту «Миром божьим» символизма и декадентства.⁴ Он возражал против попыток представить реалистическую литературу в качестве предшественницы современного символизма, отказывая ему в каком-либо серьезном общественном значении и защищая реализм с позиций своих представлений о социальных задачах искусства.

«Мир божий» ограничился в ответ лишь кратким замечанием, что «теперь едва ли возможно смешение декадентских крайностей с символическим направлением».⁵ Poleмика на этом закончилась, хотя и могла бы иметь продолжение, так как Батюшков написал довольно большую статью, направленную против Якубовича.

Отстаивая позицию А. Богдановича, Батюшков исходил из мысли о том, что «символизм составляет неотъемлемую принадлежность поэзии» и что он «так же

¹ Ф. Б а т ю ш к о в. Поэт-подвижник. — «Новая жизнь», 1911, № 5, стр. 200.

² См., например: К. Б а л ь м о н т. Горные вершины. Сборник статей, кн. 1. М., 1904.

³ Характерен в этой связи отклик Е. Андреевича (Соловьева) на переводы Якубовича из Бодлера. Называя Бодлера декадентом, критик утверждал, что «такие вот декаденты всем нужны, ибо зло взяли они в себя и раскрыли нам его огромность и все тайные его изгибы» (Е. А н д р е е в и ч. Декаденты. — «Научное обозрение», 1901, № 8, стр. 99).

⁴ П. Г р и н е в и ч (П. Ф. Я к у б о в и ч). Заметки читателя. — «Русское богатство», 1900, № 4, стр. 140—160.

⁵ «Мир божий», 1900, № 9, отд. II, стр. 6.

вечен, как и реализм; но бывают полосы господства реалистических тенденций, когда внутренняя жизнь человека, его духовный мир заслоняются исключительно внешними интересами». ⁶ Тогда-то и возникает необходимость прибегать к символизму; такова общая направленность современного искусства. В связи с этим критик упрекал Якубовича в слишком узком понимании реализма и символизма, в том, что дурные, отрицательные, декадентские стороны нового направления тот принимал за его сущность. «Новейший „символизм“, — писал Батюшков, — есть лишь восстановление некогда попираемого, но, к счастью, не умирающего в человеке стремления жить не ради лишь хлеба насущного». ⁷ Включая в круг писателей-символистов Чехова и Короленко, критик убеждал, что «в особенности г. Короленко служит прекрасным подтверждением того, что и „символизм“ может быть идейным». ⁸

Почему статья Батюшкова не была опубликована, неизвестно, но не исключено, что именно этот спор он имел в виду, когда вспоминал о полемиках, послуживших поводом к личному своему знакомству с Якубовичем. Ведь спор о символическом и реалистическом элементах в мировой литературе по существу продолжен в их переписке. Понятие «импрессионизм», которое употребляет Якубович в публикуемых письмах, тесно связано со всем кругом проблем, поднятых в указанных выше статьях.

Что именно писал Батюшков Якубовичу об импрессионизме, в связи с утерей этих писем мы не знаем, ⁹ но некоторые беглые замечания на этот счет содержатся в статьях критика 1890-х годов. Так, в статье «На расстоянии полувека» (1898), называя Короленко символистом, Батюшков склонен был отнестись Чехова к писателям-импрессионистам, поскольку тот по-особому «воспринимает впечатления жизни». «Его импрессионизм не внешний, а, так сказать, внутренний, т. е. впечатления проходят сквозь призму индивидуальности автора, отлагаются на его внутренней жизни: поэтому они так характерны и служат образным выражением эволюции его индивидуального созерцания». ¹⁰ На том же основании Батюшков считал импрессионистом и Л. Толстого как автора эстетического трактата. ¹¹ Таким образом, импрессионизм и символизм рассматриваются критиком не как явления, противостоящие реализму, а как явления, оформившиеся в «новые течения» в искусстве, призванные обогатить и видоизменить современный реализм. Батюшков писал в июле 1901 г.: «Больше правды, непосредственной, реальной правды, но правды не только в смысле копирования действительности, но в художественной ее передаче, сквозь призму индивидуального темперамента, а также в выражении идеальных стремлений человека, грез сердца, и образной передаче отвлеченных концепций. В этом *raison d'être* (смысл, — А. М.) обновленных „импрессионизма“ и „символизма“, не абсолютно новых, а именно обновленных после временного заслонения их „приземистостью“ узкорелистических доктрин. Это расширенный реализм, который одержит верх над искусственной условностью некоторых запоздалых проявлений переходного декадентства, имевшего лишь минутное значение, как симптом разложения „старого режима“». ¹²

Подобные суждения вызвали энергичный ответ Якубовича. В двух своих письмах от 15 июня 1901 г., которые так «удивили» Батюшкова, ¹³ он возражал против признания «импрессионизма» школой, особым художественным методом, и говорил о нем лишь как о характеристической особенности отношения к миру и природе, свойственной издавна некоторым писателям.

Вспоминая об «устных спорах о поэзии», которые он вел с Якубовичем в начале 1900-х годов, Батюшков несомненно имел в виду и полемику о Бодлере.

Интерес к поэзии французского поэта возник у Якубовича еще в конце 1870-х годов. Тогда же были осуществлены его первые переводы, появившиеся затем в различных повременных изданиях и сочувственно встреченные критикой. В этом не было ничего удивительного. Якубович не выступал первооткрывателем, —

⁶ ИРЛИ, ф. 20, № 15.489, л. 2.

⁷ Там же, л. 4.

⁸ Там же, л. 7. Вспомним также суждение М. Горького 1898 г. о чеховской драматургии, в которой «реализм возвышается до одухотворенного и глубоко продуманного символа» (М. Горький. Собрание сочинений в 30 томах, т. 28. М., Гослитиздат, 1954, стр. 52).

⁹ Личный архив П. Ф. Якубовича погиб в 1918—1920 гг.

¹⁰ Ф. Д. Б а т ю ш к о в. На расстоянии полувека (Бальзак, Ант. Чехов и Влад. Короленко о «крестьянах»). — В кн.: Ф. Д. Б а т ю ш к о в. Критические очерки и заметки о современниках, ч. 2. СПб., 1902, стр. 43; ср. стр. 23.

¹¹ Ф. Д. Б а т ю ш к о в. Утопия всенародного искусства. — В кн.: Ф. Д. Б а т ю ш к о в. Критические очерки и заметки, ч. 1. СПб., 1900, стр. 217.

¹² См. предисловие автора к кн.: Ф. Д. Б а т ю ш к о в. Критические очерки и заметки о современниках, ч. 2, стр. XXIII.

¹³ «Новая жизнь», 1911, № 5, стр. 201. В своем некрологе Батюшков процитировал небольшие отрывки из писем Якубовича.

демократическая литература уже обратила внимание на Бодлера, видя в его поэзии прежде всего отражение социальных проблем эпохи европейского безвременья. В середине 1890-х годов Якубович вынужден был анонимно опубликовать сборник своих переводов из Бодлера.¹⁴ Изданию было предпослано предисловие К. Д. Бальмонта. Публикацию этого сборника Якубович рассматривал как важный общественный акт и поэту очень был огорчен тем, что печать никак не откликнулась на его появление. В конце XIX в. Бодлер воспринимался и во Франции, и в России как один из родоначальников поэзии декадана. Якубович видел свою задачу в опровержении этого мнения. 25 сентября 1895 г. он писал Н. К. Михайловскому: «Вообще относительно Бодлера, которого переводил некогда Курочкин¹⁵ и которого даже мои слабые переводы печатались когда-то и встречались сочувственно в „Слове“, „Деле“ и „Вестнике“ Европы», в последние годы установилось в лучшей части нашей литературы и общества самое неблагоприятное мнение, как об отце и типическом представителе современного декадентства, символизма и прочих русско-французских нелепостей. Вполне понимая и признавая справедливой вражду к этим последним явлениям, Бодлера-то я считаю, однако, поэтом оклеветанным, замешанным не в то общество, к которому он по праву должен бы принадлежать».¹⁶

Якубович говорил о Бодлере как о поэте, страстно стремящемся к идеалу и давшим поразительные картины «грязи и нищеты больших городов, всех этих „цветов“ современного „зла“, ужасов и кошмаров нашей действительности». И далее: «Нет, не растлевающее влияние, а, напротив, — возвышающее и одухотворяющее может иметь он на чистую молодую душу! Что Бодлер декадент в теперешнем гнусном значении этого слова, — это недоразумение! Верно только то, что он первый пустил в ход это слово и даже применил его к себе, но ведь он разумел совсем другое, чисто внешнюю литерат<урную> форму, считая прежние поэтические выражения и словари недостаточными для крайне сложных и тонких задач и мотивов новой поэзии».¹⁷ Якубович жаловался на Бальмонта, который выкинул из книги около половины переводов, и к тому же самых характерных. Французский поэт, считал Якубович, должен быть «оправдан в глазах публики и выделен из этой сумасшедшей, безыдейной, а часто и прямо нечестной толпы декадентов и символистов»: ведь его высоко оценили «лучшие французы того времени после осуждения „Fleurs du mal“ наполеоновским правительством».¹⁸ Якубович просил Михайловского поместить в «Русском богатстве» статью о Бодлере. Тот поручил написать ее самому Якубовичу. Так появился очерк «Бодлер, его жизнь и поэзия»,¹⁹ впоследствии в несколько измененном виде перепечатанный во втором томе «Стихотворений» Якубовича (СПб., 1901) и отдельном издании «Цветов зла» (СПб., 1909).

Взгляд Якубовича на Бодлера встретил решительное возражение. В 1901 г. Батюшков опубликовал статью, положившую начало острой полемике.²⁰

«... французский поэт является в весьма субъективной передаче», — такова исходная точка зрения Батюшкова. Эта субъективность, по его мнению, проявляется в очерке о Бодлере и затем находит свое отражение в самом переводе. Батюшков считает слишком узким, а потому и неверным взгляд Якубовича на Бодлера лишь как на выразителя духа своего времени и не разделяет недовольства переводчика «современными последователями» французского поэта. «Бодлер еще при жизни назван был поэтом „упадка“, — писал он, — и каков бы ни был его талант, яркий и независимый, он, конечно, во многом заслужил это название». Рассматривая Бодлера как поэта-декадента, Батюшков утверждал, что тот «глубоко убежден в порочных свойствах человеческой природы и был действительно „певцом зла и порока“ — не по сочувствию к ним, а потому, что считал их неизбежными

¹⁴ Б о д л е р. Стихотворения. М., Изд. Петровской библиотеки, 1895.

¹⁵ Переводы Курочкина были опубликованы в «Отечественных записках» в 1869—1871 гг.; Бодлера переводил тогда также Д. Минаев.

¹⁶ ИРЛИ, ф. 181, № 810, л. 1. Об обстоятельствах, сопровождавших издание его книги переводов, Якубович писал А. И. Иванчину-Писареву 14 июля 1896 г.: «Я не знал даже, что переводы мои попались в руки Бальмонту и что он будет их редактировать. Он получил их из третьих рук от одного московского знакомого, которого я просил издать книжку на предложенных мною условиях и в предложенном мною виде: ни одного из этих условий Бальмонтом и Папером (руководителем Петровской библиотеки, — А. М.) исполнено не было. Впрочем, первый из них вину всю взваливает на второго» (ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, № 499, л. 14). В 1896 г. Бальмонт предлагал Якубовичу выпустить второе издание его переводов, но тот отказался, так как письмом Бальмонта «было такого странного декадентски-сумасшедшего характера», что переводчик решил «лучше не иметь с ним дела» (там же, л. 9 об.).

¹⁷ ИРЛИ, ф. 181, № 810, лл. 1 об.—2.

¹⁸ Там же, л. 2.

¹⁹ «Русское богатство», 1896, № 4.

²⁰ Ф. Д. Б а т ю ш к о в. Бодлер и его русский переводчик. — «Мир божий», 1901, № 8.

в жизни, ее неотъемлемым элементом».²¹ Отсутствие именно этого начала в русских переводах и отличает, по мысли Батюшкова, книгу Якубовича; в этом как раз и сказалось отношение переводчика к Бодлеру. Анализируя различного рода «частности» и «искажения» смысла, проявляющиеся в неточном переводе отдельных слов и выражений, критик пытался доказать, что многие из переводов Якубовича являются скорее самостоятельными произведениями «на мотивы» Бодлера, чем действительными переводами.

Батюшков, видимо, понимал, что в своей рецензии очень больно задел Якубовича. Желая сгладить неприятное впечатление, он послал переводчику записку, которая не сохранилась, но о содержании которой можно достаточно полно судить по ответу. Якубович писал 5 августа 1901 г.: «Решительно не понимаю, что хотели Вы сказать последней Вашей запиской. Так как Вам кажется, что мне неудобно (а почему собственно?) выступить в печати с опровержением Вашего взгляда на Бодлера, то Вы предлагаете мне „счесть“ Вас (благодарю!) за другие Ваши мнения. . . Но у меня нет ни малейшего желания мстить Вам *вообще*, и, если я найду нужным, то выступлю против Вас именно по поводу Бодлера, за которого Вы на меня напали так — по моему мнению — несправедливо».²² И ответ Якубовича появился незамедлительно.²³

Якубович отвечал Батюшкову почти на каждое его замечание. Но и его цель не состояла в том, чтобы доказать свою непогрешимость как переводчика. По утверждению Якубовича, и Батюшков неточен в своем переводе, и эта неточность приближает в нем в свою очередь стремление приспособить поэзию Бодлера к собственному толкованию. Вспоминая предшествующий спор о новых течениях в литературе, Якубович писал: «...взгляд г. Батюшкова на знаменитого французского поэта сложился, по всей вероятности <...> под впечатлением декадентской поэзии новейшего времени, темная тень от которой совершенно заслонила в глазах критика светлую и возвышенную идейность автора „Цветов зла“».

Новая заметка Батюшкова, «Еще несколько слов о Бодлере и его русском переводчике»,²⁴ носила примирительный характер, но цели своей не достигла. Батюшков ответил на некоторые контраргументы Якубовича, частично повторив свои доводы, частично согласившись с доводами Якубовича. Тезис же о субъективности переводчика остался для него неоспоримым, и в доказательство его приводились новые примеры «неточности перевода». Якубович не был удовлетворен. Он согласился только с частью замечаний, отвергнув другие, так как они затрагивали все тот же вопрос о субъективном восприятии Бодлера. «Как раз перед появлением Вашей второй статьи, — писал Якубович Батюшкову, — которая, я полагал, будет иметь вид лишь небольшой заметки²⁵ (я слышал, что первоначально Вы просили у Богдановича места в 2—3 странички), я собирался просить Вас сообщить мне все замечания, какие я видел у Вас мелком на полях моей книжки, чтобы я мог их принять в расчет для выпуска 2-го издания. Вот Вам лучшее доказательство того, что я дорожу Вашими и всякими другими мнениями и что самое важное для меня — чтобы перевод мой был хорош, а не только чтобы его не порицали» (письмо от 5 октября 1901 г.).²⁶

Полемика в печати между Батюшковым и Якубовичем закончилась, но она продолжалась в их частных письмах. Спор шел опять о тех же «двух, трех примерах», которые привел в первой статье Батюшков в доказательство своей мысли о субъективности переводчика.

Вот эти примеры. В первой статье Батюшков критиковал перевод стихотворения Бодлера «Печальный мадригал» («Madrigal triste»). Он говорил о том, что Якубович, незначительно, на первый взгляд, переиначивая значение отдельных слов, на самом деле существенно изменяет смысл оригинала. В числе других неточностей Батюшков указывал и на произвольный, с его точки зрения, перевод прилагательного «sage» в стихе «Que m'importe que tu sois sage?». Якубович перевел этот стих так: «Пусть твой ум остротой не блистает». Батюшков же утверждал, что значение «мудрый», «устойчивое лишь в форме существительного (le sage — мудрец), вытеснено в живом языке другим значением, присущим прилагательному», и предлагал свой перевод: «Очень мне нужно, чтобы ты была добродетельна». Якубович воспринял такое толкование как попытку «придать пьесе оттенок пороч-

²¹ Там же. стр. 12.

²² ИРЛИ, ф. 20, № 273. Далее цитируем письма Якубовича без ссылки на данный фонд.

²³ П. Я. (П. Якубович). В поисках сокровенного смысла. — «Русское богатство», 1901, № 8.

²⁴ «Мир божий», 1901, № 10.

²⁵ И думал, что в ней не будет новых выпадов, новых экивоков, что вообще она будет иметь более прямой и примиряющий характер. (Прим. Якубовича).

²⁶ Как явствует из того же письма, Батюшков заходил к Якубовичу с целью поговорить на эту тему, но их разговор помешали.

ности, которого в ней нет».²⁷ Он обращал внимание Батюшкова еще на один случай употребления «sage» в смысле «мудрый» — в сонете «Recueillement» («Раздумье»): «Sois sage, ô ma Douleur». Спор о значении этого слова Якубович продолжил в публикуемом письме к Батюшкову.

Подобный спор разгорелся и вокруг стихотворения «Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive». Якубович придавал этому стихотворению вполне реальный смысл, в то время как Батюшков рассматривал его как произведение мистическое.

5 августа 1901 г. Якубович выразил уверенность, что полемика с Батюшковым «не ляжет ни малейшей тенью» на их «личных отношениях». Однако взаимное увлечение спором чуть не привело к размолвке. Спасло от нее то, что «чрезвычайно горячий и стремительный в спорах» Якубович в то же время был человеком «удивительно искренним и прямым во всех своих взглядах».²⁸ Батюшкова сначала обидел тон его оппонента, но письмо Якубовича от 15 октября 1901 г. погасило эту обиду. «Вы сожалеете, что „вовлечены“ были в печатную полемику, но кем же? Неужели мной? — писал Якубович. — Ведь Вы первый меня задели, и притом, хотя и в частности, настолько несправедливо, что сочли долгом печатно об этом заявить <...> Впрочем, я не думаю отрицать, что *общий* тон моих писем был прямее и грубее, но это уж результат моей природы. Берите меня таким, каков я есть, или совсем не берите».

Батюшков был безусловно прав, утверждая, что переводы Якубовича неразрывно связаны с его представлением о Бодлере и несут на себе явные следы его творческой манеры. Но некоторые из этих переводов все же до сих пор являются непревзойденными и включаются в современные издания «Цветов зла».

Не следует забывать к тому же, что спор Якубовича и Батюшкова был не только спором переводчика и критика, отстаивавших свои суждения о Бодлере. Он естественно включался в споры о символизме, реализме и модернизме, возникшие в начале XX в.

Споры о переводной поэзии еще не раз вспыхивали на страницах периодической печати той поры. Таков, например, спор между В. Брюсовым и М. Волошиным о поэзии Верхарна в 1905 г. Начавшись с полемики о принципах перевода, он также затронул острые проблемы развития современной литературы.

В Рукописном отделе Пушкинского Дома хранится 15 писем Якубовича к Батюшкову (ф. 20, № 15.273). Мы публикуем из них три письма. Из 12 других шесть посвящены переводам Бодлера, они частично использованы в нашей вступительной заметке и в комментариях. Другие письма носят деловой характер: Якубович просит поместить в «Мире божьем» переводы Г. Виллиама из Гейне, хлопочет о судьбе своих знакомых — ссылных, беспокоится о стихотворениях, предназначенных для публикации в сборнике «К свету», и т. д.

1

15 июня 1901 г.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Прежде всего сердечное спасибо за книгу.¹ Прочитав ее, я, конечно, лучше пойму Ваши взгляды и Вашу точку зрения, нежели из отрывочных и беглых (да еще столь редких) разговоров. Пока же письмо Ваше, признаться, мало уяснило мне, что такое, по Вашему мнению, импрессионизм. Дело в том, что как индивидуалистическую особенность («особую особенность») я готов признать законность даже художественной манеры Метерлинка,² но эта манера *как школа*, как прием, излюбленный будто бы вообще художниками нового времени, на мой взгляд, — гадость, вычур, выдумка! Только то, что искренно, индивидуально, что вытекает из творческой организации художника, — хорошо и законно в искусстве. В искусстве я вообще стою за свободу, и если с чем воюю, так именно с попытками создать какой-то новый шаблон, школу, «манеру». Реализм ведь не есть, собственно, школа: это лишь необходимое «условие» работы всякого современного художника. Импрессионизм же, думается мне, есть не более, как индивидуальная способность (которую нельзя, следова-

²⁷ Впоследствии Якубович согласился с мнением Батюшкова. Приведя в примечании к изданию 1909 г. два первых стиха «Грустного мадригала», он писал: «В применении к женщине слово „sage“ имеет обыкновенно специальный смысл: „Какое дело мне до твоего целомудрия? Будь лишь прекрасна и печальна!“». В переводе мысль эту удалось выразить лишь отдаленно» (см.: Бодлер. Цветы зла. СПб., 1909, стр. 248).

²⁸ «Новая жизнь», 1911, № 5, стр. 200.

тельно, навязывать *всем*) известным образом мыслить, чувствовать и творить. В частности, по отношению к пейзажу, к природе импрессиониста-художника можно назвать субъективным, неимпрессиониста (не знаю, какую бы дать кличку) — объективным. Для неимпрессиониста природа является как бы отдельным живым существом, независимым от его личных сменяющихся настроений; для импрессиониста такой природы нет. В этом смысле импрессионистами будут Байрон, Шиллер, Толстой, Чехов (позднейшего периода, пот^{ому}) что в первом им написана «*Степь*»³), Некрасов, Успенский; неимпрессионисты: Гете, Пушкин, Лермонтов,^а Тургенев, Короленко (не только в «*Лес шумит*» изображения природы имеют у него более или менее объективный, лишь внешне координированный характер; природа *всегда* у него — отдельной жизнью живущее существо). Почему тот или иной художник импрессионистски изображает природу, зависит от разных причин: одни, как Успенский и Толстой, вследствие своего «аскетизма» (о нем говорит Михайловский несколько дальше той цитаты, которую Вы приводите⁴), другие вследствие... просто ограниченных размеров своего художественного таланта. Да, да, вследствие ограниченности! И знаете ли, Федор Дмитриевич, лично, на-пр^{имер}», *себя*, как беллетриста и стихотворца, я тоже причислю к импрессионистам... Природы я не ощущаю и не созерцаю (по кр^{айней} мере, в оч^{ень} малой степ^{ени}) как отдельно от меня живущего существа, а потому и мало ею занимаюсь. Думаю, что причина этого — ничтожная величина, а отчасти и традиционность моего поэтического «я»...

Боюсь однако, что если Вы и поймете мою мысль, то скажете, что я имею в виду совсем другое, что «импрессионизма» я не понимаю.

В статье Бердяева⁵ я «возмущаюсь» отнюдь не стремлением к идеализму вообще, а утрированностью этого стремления, веющей фразерством. Как протест против «марксизма» статья, пожалуй, имела бы смысл,⁶ но ведь Б^{ердяев} выступает против всех существующих прогресс^{ивных} движений, он упрекает *все* соврем^{енное} социальное движение в узости и буржуазности. Это слишком! И какой апломб! Какие открытия Америки! Защитники Бердяева говорят: не смотрите на форму, на путь, которым идут Б^{ердяев} и Струве, глядите на конечные результаты их умств^{енной} работы: они те же, что и наши, а в этом все дело. Нет, далеко не все в этом! Очень важно, что Б^{ердяев} и С^{труве}, приходя к тем же — якобы — выводам, пытаются в то же время дискредитировать всячески «наше» мировоззрение и «наши» пути (в лице, на-пр^{имер}», Михайловского). Как же могу я признавать их полными союзниками?

С Вашим определением цинизма не могу вполне согласиться. Наука, на-пр^{имер}», пряма и груба в своих выражениях, но она не цинична; в понятие цинизма входят не столько прямота и грубость, сколько еще один элемент — смакование грубости, и мне кажется поэтому, что я имел право выразиться: «цинизм всегда пользуется *главным образом*» и т. д.⁷ Но это, конечно, пустяки.

Сейчас получил извещение от Лидии Валер^{ьяновны},⁸ что получился, наконец, экземпляр франц^{узского} перевода «Отверж^{енных}х». Но это не от Роша, а от одного товарища, который еще недели три назад писал мне, что выслал книгу.⁹

Крепко жму Вашу руку

Ваш П. Якубович.

¹ Речь идет о книге Ф. Д. Батюшкова «Критические очерки и заметки» (ч. 1. СПб., 1900).

^а И этому несколько не мешает то обстоя^{тельство}, что вообще Лерм^{онтов} чрезвычайно субъективный поэт. (Прим. Якубовича).

² Об отношении Ф. Д. Батюшкова к Метерлинку см.: Ф. Д. Батюшков. Метерлинок и Глеб Успенский о справедливости. — В кн.: К свету. СПб., 1904, стр. 233—250.

³ «Степь» Чехова была впервые опубликована в журнале «Северный вестник» (1888, № 3).

⁴ В связи с утерей письма Ф. Д. Батюшкова к Якубовичу не удалось установить цитату из статьи Н. К. Михайловского.

⁵ Речь идет о статье Н. Бердяева «Борьба за идеализм» («Мир божий», 1901, № 1). Но упоминая далее имя П. Струве, Якубович имеет также в виду книгу Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском» (СПб., 1901), вышедшую с предисловием П. Струве, и статьи Бердяева и Струве в «Мире божьем» (1901, № 6), также направленные против Михайловского. Статья Н. Бердяева «Борьба за идеализм» имела широкий общественный резонанс. Умеренно-критические и в общем доброжелательные слова о ней сказал Батюшков в предисловии к своей книге «Критические очерки и заметки о современниках» (ч. 2. СПб., 1902, стр. XI—XXVI). Он находил мысль о принесении «идеализма» в современную жизнь в какой-то мере созвучной своим представлениям об обновлении реализма. Серьезную критику статью Бердяева вызвала со стороны большевистской печати. В письме к Г. В. Плеханову от 30 июля 1901 г. В. И. Ленин писал: «Из России пишут, что публика страшно увлекается *Бердяевым*. Вот кого надо бы разнести не только в специально-философской области!» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 46, стр. 135; см. также стр. 117, 121—122, 124, 174). Критике Бердяева были посвящены статьи Л. И. Аксельрод и В. И. Засулич в «Заре» (1901, № 1—2 и 1902, №№ 2—4).

⁶ Отношение Якубовича к марксизму вполне объяснимо его народническими убеждениями. Сам он так сказал об этом в письме к М. Горькому от 15 января 1900 г.: «Я в идейном смысле человек партийный — этого не стыжусь, а, напротив, даже горжусь этим». И далее: «Я не „марксист“; я, напротив, горячий, порой даже злобный противник русского „марксизма“, но искренний и честный марксист я все-таки уважаю» (см.: М. Горький. Материалы и исследования, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1936, стр. 365—366). Говоря о «марксизме» (в кавычках), Якубович имел в виду довольно путанные статьи Е. Соловьева-Андреевича в журнале «Жизнь». В условиях острой борьбы марксистов с народниками и ревизионистами типа Струве и Бердяева Якубович все же не смог ясно осознать смысл истинно марксистских программ и целей.

⁷ Якубович, видимо, цитирует свое не дошедшее до нас письмо к Батюшкову.

⁸ Кострова Л. В. (1861—1918) — заведующая конторой «Русского богатства», писательница, жена одного из редакторов журнала — А. И. Иванчина-Писарева.

⁹ Дени Рош (Dénis Roche) — французский переводчик и критик, сотрудник журнала «La Revue Illustrée». Довольно многочисленные письма его, в том числе к Ф. Д. Батюшкову, хранятся в ИРЛИ (ф. 20, № 15.300 и др.). Батюшков рекомендовал Рошу для перевода «В мире отверженных» Якубовича еще в 1898 г. Однако перевод был сделан в 1901 г. Жюлем Легра (Jules Legra); см.: L. Melchior. Dans le monde de Reprouves. Paris, 1901. Кто послал Якубовичу экземпляр этой книги, неизвестно.

2

15 июля 1901 г.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Стал вспоминать свое утреннее письмо к Вам и пришел к выводу, что не следовало мне делать разделения писателей по двум определенным категориям. Невозможное это дело, потому что каждая человеческая душа представляет из себя смешение самых различных темпераментов, характеров и пр. Вы, например, называя Короленку импрессионистом, должны поэтому делать исключение для «Лес шумит»,¹ а я вспомнил сейчас прелестное начало «Облачного» дня,² которое может подтвердить скорее Ваше мнение, нежели мое... Нет, не нужно устанавливать никаких шаблонов, манер и школ. Каждый крупный художник в конце концов сам по себе; хотя, конечно, самого его создают эпоха, среда, обстановка. Энергично протестую против Вашего обвинения, будто я проповедую застой в искусстве: застой не будет потому, что не стоит на одном месте человечество. Однако довольно. Поболтаем когда-нибудь подробнее при личном свидании. Еще раз жму Вашу руку

П. Я.

¹ Оценка рассказа В. Короленко «Лес шумит» дана в статье Ф. Д. Батюшкова «На расстоянии полувека. Бальзак, Ант. Чехов и Влад. Короленко о крестьянах» в его книге «Критические очерки и заметки о современниках» (ч. 2. СПб., 1902, стр. 43—46).

² Имеется в виду рассказ В. Короленко «В облачный день» (1891).

3

3 окт. 1901 г.

Многоуважаемый Федор Дмитриевич!

Печатно отвечать Вам я уже не буду, хотя — откровенно признаюсь — и хотел бы.¹ К сожалению, спорить с Вами вообще очень трудно — не потому, чтобы Вы были неодолимы, но... простите за выражение, Вы скользки, как угорь: ухватить Вас за одно место, а Вы, глядишь, уж в другом месте изогнулись и... выскользнули. Даже и слогом обладаете Вы в этом отношении удивительным: в одной и той же фразе умудряетесь сказать неск^олько вещей — и комплимент сделать, и уколоть, и обвинить, и в своей вине сознаться...

Статью свою Вы начинаете «убийственным» выпадом против меня по поводу слова *sage*, хотя центр тяжести, казалось бы, лежит отнюдь не в этом слове. Ведь я же писал: «Но пусть я ошибся, пусть Б<одлер> хотел сказать *что мне за дело до твоей добродетели*. Следует ли, однако, отсюда, что он *хотел*, чтобы любимая женщина была порочной, как утверждает это г. Батюшков?»² Мой вопрос — я полагаю, убийственный для Вас, — Вы благоразумно оставили без ответа, предпочтя говорить о деталях и по поводу их вытащить на сцену всю свою академическую ученость. Последняя, к тому же, совсем не убедила меня. Вместо моего стиха «*Будь мудрой, скорбь моя! Не унывай без меры!*» Вы «сочли бы более правильным иной перевод: сдержись (или успокойся), скорбь моя, *уймися*», причем почему-то слово «уймися» подчеркиваете и пишете «уймися», а не уймись. Уж не думаете ли Вы, что это у Вас стих вышел?.. Решительно не понимаю: почему по-французски можно было сказать «*Sois sage*», а по-русски нельзя сказать «*будь мудрой*»? Ведь не в том же смысле я говорю здесь о мудрости, что приглашаю скорбь читать Спинозу, Шопенгауэра и других мудрецов мира: по контексту видно, что и по-русски «*будь мудрой*» значит здесь «*будь умеренной*». Словом, с Вашей стороны это придирка, и только.³ Еще большая придирка — упрек, что французское единственное число (*le souci*) у меня переведено множественным; замечание же, будто «в русском языке *толпа* есть всегда людская толпа», не только придирка, но и странность.⁴ Очевидно, по вашему мнению, и Лермонтов не умел говорить по-русски, когда писал: «*Как-то раз перед толпою соплеменных гор*»⁵... Вообще у Вас есть привычка, отмеченная и Боборыкиным, — раздавать отметки и поучать между прочим чистоте языка;⁶ но для последнего нужно самому учителю писать безукоризненно. А между тем *себе* Вы разрешаете охотно такие выражения, как «ссылка на повивальные *бабки*», «мир юдоли (!)», «изображение цветов зла заслонило ему прояснение»^а и т. п. Я думаю, это почище будет моего, действительно нелепого «Вкуса небытия»⁷... Но, во всяком случае, это для меня утешительный факт, что, принявшись за отыскивание новых недостатков моего перевода в статье, которая имела примиряющую задачу (не утерпелось!), Вы не находите ничего более важного, как подобные мелочи (даже до заглавий добрались!). Мелочью кажется мне, например, указание Ваше, что стих:

^а Или что значит, например: «Б<одлер> был поэтом в ограниченном смысле слова, поэтом сильным, оригинальным»? Вы хотели сказать: в обширном смысле? (Прим. Якубовича).

«Лавина, хочешь ли ты увлечь меня в своем падении?» переведен мною иначе: «Лавина, скоро ль ты разбудишь воздух сонный?». Вы ставите «?!» и утверждаете, будто у меня «ожидается как бы (!) пробуждение мира»... Хорошо пробуждение, когда лавина двинется и загрохочет! Значит, если бы даже землетрясение обрушило дом на мою голову, то Вы сказали бы, что это было для меня пробуждение, а не гибель?! Я полагаю, что мой перевод этого стиха очень близок по смыслу (особенно, если принять во внимание, что все рифмы этого стихотворения *должны* быть однородны) и что так критиковать, как Вы критикуете, называется крохоборствовать.⁸

Удивляюсь также, что у Вас не достало мужества прямо сознаться, что стихотворения «Une nuit» и «La servante» Вы поняли неправильно. Вы предпочитаете экивок: сперва «признаете *справедливость* объяснений г. П. Я.», затем вдруг «находите толкование его *более вероятным*» (значит, мож^{ет} быть, оно и несправедливо?) — «г. П. Я., *может быть*, действительно прав». Мне кажется, что толкование слов «dont mon *désir* se prive» возможно лишь одно. Раз *mon désir* se prive, а не *mon rêve* или что-нибудь другое, то несомненно это значит *я не хочу*.⁶ Этого требуют и грамматика, и логика. Не говорю уж о контексте. По прежнему Вашему толкованию выходило, что, с одной стороны, поэт отказывается даже в мечтах желать обладания «печальной красавицей», а с другой — в следующем же куплете и мечтает об ней, и желает ее («dont le souvenir pour l'amour me ravive»). Странный способ воздержания! Но Вы все-таки предпочитаете выразиться академически: «с одной стороны я не прав, а с другой — мож^{ет} быть, и прав».⁹ То же и со вторым стихотворением: здесь *Вы* абсолютно неправы; но Вы предпочитаете сказать: «Мы *оба* неправы»... Благодарю за приятную компанию, но в наст^{оящем} случае я не могу ее разделить. Никакой «глубокой мистики», никакого «общения мертвецов с живыми людьми», ничего «загадочного» в этом стихотворении Бодлера не найдет, я уверен, никто, кроме Вас, вообще питающего страсть отыскивать «сокровенный смысл»!¹⁰

Вероятно, когда Гейне говорит:¹¹

Und wenn du eine Rose sieh'st,
So sag' ich lass' sie grüssen,^в —

то Вы думаете — он верит, что с розами можно разговаривать и обмениваться комплиментами... Точь-в-точь такого же рода (поэтического) и общение с мертвецами у Бодлера. Мысль о том, что мертвецам холодно, что у них «есть свои печали», ничего мистического в себе не заключает, — это чувство, понятное и доступное вполне трезвым и даже атеистическим умам... А во второй половине пьесы, вероятно наиболее обратившей на себя Ваше внимание, Бодлер не говорит даже, что он «увидал» у себя в кабинете призрак умершей няньки, — он говорит только: «если бы я увидал ее, то что мог бы сказать ей?». В этом образе много поэзии, нежности, чего угодно, но мистицизма — ни капли. Идиллии я тоже тут не вижу (странное понятие об идиллии!), хотя, вообще говоря, — я утверждаю это, — Бодлер и склонен к ней.¹²

Почему я перевел «l'enfant grand» множественным числом? У меня было первоначально:

Взглянуть на взрослое дитя свое с упреком,

но «взрослое» менее красиво, чем «выросшее», и так как личную «ситуацию» я с самого начала удалил из стихотворения (и к тому же у Бод-

⁶ «О печальной красавице, которой я не хочу» — бессмыслица. (Прим. Якубовича).

^в «И когда ты увидишь розу, скажи, что я ее приветствую» (нем.).

лера» был еще брат), то я и позволил себе переменить единственное на множественное» число. Теперь вижу, что напрасно.¹³

«Казалось бы, — пишете Вы дальше по поводу «Пирушки тряпчичников», — уж если давать на проверку читателей подстрочный и стихотворный перевод, то уместнее приводить спорные пьесы...». Странное «казалось бы»: критику, желающему обличить переводчика, конечно, интереснее давать примеры слабых переводов, но мне, имевшему целью защититься, несомненно естественнее было представить образец хорошего, на мой взгляд, перевода, который Вы все-таки признали вольным... И опять Вы указываете на «Печальный мадригал», оставляя, однако, без ответа большинство моих возражений на придирки Вашей прошлой статьи (например, *bercer*).¹⁴

Характерно также Ваше утверждение, будто я расхожусь в оценке с Сент-Беном,¹⁵ отозвавшись неодобрительно о сонете «Печаль Луны» (стр. 259). Ссылка на мою страницу — значит, читатель на слово должен поверить. Беру свою книжку, и оказывается, что на 259 стр. я называю это стихотворение «прекраснейшим», «исполненным нежной грусти и тонкой грации», и заявляю только, что упоминание о «молодых грудях» шокирует ухо и возбуждает некоторую досаду, нарушая художественность впечатления.¹⁶

Такие приемы у Вас, Федор Дмитриевич, очень часты... Правда, это мелочь, но из мелочей ведь составляется и все впечатление.

Затем: когда это и где я «признавался», что уже пережил «два различных» момента в своем отношении к Бодлеру? Что-то не помню. Я говорил только: «Но позже симпатии мои к французскому поэту не раз подвергались тяжелым испытаниям»¹⁷... Не только любовь к Бодлеру, но и вера в лучшие мои идеалы не раз подвергалась тяжелым испытаниям, однако я выходил из них победителем и веры никогда не терял.

В заключение Вы пишете: «Если мы отстаивали эпитет, данный Бодлеру, „певца зла и порока“, то, конечно, не в смысле их прославления, а художественного изображения, как, например, Данте называют певцом ада не потому, конечно, чтобы он прославлял адские муки».

Помилуйте, Федор Дмитриевич! Прочитайте мое возражение Зинаиде Венгеровой (стр. 239) и затем Вашу защиту Венгеровой в Вашей первой статье: Вы именно отстаивали то мнение, что Бодлер «певец зла и порока» в смысле прославления их, а не изображения только (иначе я не стал бы и возражать Вам). Опять Вы не имеете мужества открыто заявить, что «увлеклись», а предпочитаете сказать, что Вас не поняли...¹⁸

В общем Ваша теперешняя статья производит все-таки впечатление отступления, и я чувствую себя удовлетворенным.

Позвольте поблагодарить еще за признание талантливости «некоторых» оригинальных моих стихотворений — и затем извиниться за резкую прямоту настоящего письма.

Готовый к услугам Вашим

П. Я.

Р. С. Вы утверждаете, будто в «Пире тряпчичников» у Бодлера «изложение от себя в обобщенной форме», а у меня «картина воочию». Возьмите же еще раз французский текст и скажите беспристрастно, так ли это. «Часто... встречаешь тряпчичника, который...» — действительно так начинается оригинал, но затем и французский поэт переходит к «картине воочию», — и неужели же это с Вашей стороны не мелочные придирки? Ведь если предъявлять переводчикам-стихотворцам подобные требования, то им всем нужно навсегда закрыть свою лавочку (выражаясь вульгарно)! И назовите мне имя хоть одного в мире переводчика, который Вас удовлетворял бы?

¹ Якубович имеет в виду статью Ф. Д. Батюшкова «Еще несколько слов о Бодлере и его русском переводчике» («Мир божий», 1901, № 10). Все цитаты в письме, кроме специально оговоренных, из этой статьи.

² «Русское богатство», 1901, № 8. Речь идет о стихотворении Бодлера «Recueillement».

³ Батюшков настаивал, что выражение «sois sage» означает «держаться в определенных границах, быть умеренной», и приводил свой вариант перевода, процитированный Якубовичем. В доказательство этого он ссылался на Монтеня, Бомарше и т. д.

⁴ Речь идет о следующих стихах Бодлера:

Une atmosphère obscure enveloppe la ville,
Aux uns portant la paix, aux autres le souci

(Пасмурная атмосфера окутывает город, | Одним неся мир, другим — заботу),
которые Якубович перевел следующим образом:

Весь город полумрак окутывает серый,
Одним неся покой, другим — толпу забот.

Батюшков возражал против выражения «толпа забот», полагая, что это «едва ли допустимый галлицизм, ибо в русском языке „толпа“ есть всегда людская толпа». Кроме того, он указал на неточность перевода, так как бодлеровская «забота» (le souci) оказалась переведена словосочетанием. В следующих письмах Якубович отстаивал правомерность своего перевода, приводя новые аргументы в его пользу.

⁵ Цитата из стихотворения Лермонтова «Спор» (1841).

⁶ См.: П. Д. Боборыкин. Истинно научное знание. (Ответ моим критикам). — «Русская мысль», 1901, № 9, стр. 215—218.

⁷ Так первоначально Якубович перевел название стихотворения Бодлера «Le Goût du Néant» (П. Я. «П. Якубович». Стихотворения, т. 2. СПб., 1901, стр. 215). Впоследствии оно печаталось под названием «Жажда небытия» (Бодлер. Цветы зла. СПб., 1909, стр. 137).

⁸ В «Le Goût du Néant» последний стих читается так: «Avalanche, veut-tu m'emporter dans ta chute?» («Лавина, хочешь ли ты увлечь меня в своем падении?»). Позднее Якубович дал подстрочный перевод его (Бодлер. Цветы зла, стр. 247).

⁹ Речь идет о стихотворении «Une nuit que j'étais près d'une affreuse Juive...» («Ночь, которую я провел рядом с ужасной Еврейкой...»). Батюшков, признавая справедливость доводов Якубовича, пытался оправдать свой перевод ссылкой на то, что текст «допускает двойное толкование». Якубович впоследствии повторил изложенные в этом письме доводы, указав, что в России и во Франции стихотворение это интерпретируется по-разному (там же, стр. 244).

¹⁰ Речь идет о стихотворении «La servante au grand coeur dont vous étiez jalouse...» («Служанка с благородным сердцем, которую вы ревновали...»). La servante — служанка Мариэтта, память о которой Бодлер сохранил на всю жизнь.

¹¹ Неточная цитата из стихотворения Гейне «Leise zieht durch mein Gemüt».

¹² Смысл этого стихотворения до конца остался неясен и самому Якубовичу. В примечании к нему он позднее писал: «Dont vous étiez jalouse («к которой вы ревновали») — очевидно, это обращение к матери или к любимой женщине. В нашем переводе эта второстепенного значения вставка опущена» (Бодлер. Цветы зла, стр. 250). Замечание характерное, так как Батюшков основывал свое мнение как раз на предположении, что опущенное Якубовичем «обращение» — к матери или любимой женщине — существенно меняет смысл стихотворения.

¹³ Речь идет о стихе «Couver l'enfant grandi de son oeil maternel» («Взглянуть на выросшего ребенка материнским взглядом») из того же стихотворения. Позднее Якубович восстановил первоначальный вариант перевода.

¹⁴ Опровергая в своей статье упрек Батюшкова в сознательном искажении смысла подлинника, Якубович привел свой стихотворный и подстрочный перевод «Le vin des Chiffonniers» («Вино тряпичников»). Но Батюшков и сам ранее отметил этот перевод как один из наиболее удачных. Во второй статье он выражал сожаление, что не таков же перевод «Печального мадригала», вызвавший столь резкое несогласие. Якубович же считал, что спорить о смысле данного стихотворения бесполезно, так как Батюшков в своем ответе никак не реагировал на контраргументы переводчика. Об одном из них и упоминается в письме. Сохранился перевод «Печального мадригала», сделанный Батюшковым (ф. 20, № 15.775, л. 6).

¹⁵ См.: Ch. Sainte-Beuve. 1) Causeries du lundi. Paris, 1856—1857; 2) Nouveaux lundis. Paris, 1863—1872.

¹⁶ П. Я. «П. Якубович». Стихотворения, т. 2. СПб., 1901, стр. 259.

¹⁷ Об этом писал Якубович в статье о Бодлере (там же, стр. 272—273).

¹⁸ Возражая против статьи З. Венгеровой о Бодлере (Энциклопедия Брокгауза и Эфрона, т. 7) как певце «зла и порока», Якубович писал: «Не назвал же бы он (автор статьи, — А. М.) в самом деле Ювенала „певцом растленной римской империи“ или Некрасова — „певцом крепостного права!“» (там же, стр. 239).

Ф. СОЛОГУБ

ПИСЬМА К Л. Я. ГУРЕВИЧ И А. Л. ВОЛЫНСКОМУ

Публикация И. Г. Ямпольского

Имена Любови Яковлевны Гуревич (1866—1940) и Акима Львовича Волинского (псевдоним А. Л. Флексера, 1863—1926) неразрывно связаны с журналом «Северный вестник», занявшим заметное место в истории русской журналистики и литературы конца XIX в. В те годы, когда во главе его стояли Л. Я. Гуревич и А. Л. Волинский (1891—1898), «Северный вестник» систематически печатал произведения первых русских символистов. Рядом с произведениями писателей старших поколений — Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова и других, менее значительных, на его страницах появились такие типичные для 1890-х годов вещи, как «Тени» и «К звездам» Ф. Сологуба, его первый роман «Тяжелые сны», «Юлиан Отступник» Д. С. Мережковского, стихи и рассказы З. Гиппиус, Н. Минского (Н. М. Вленикина) и др. Конечно, Сологуб, Минский и Мережковский начали печататься намного раньше, но только их объединение в «Северном вестнике» можно считать, так сказать, официальным началом русского символизма: сборники «Русские символисты», которыми заявила о своем существовании группа московских символистов во главе с Валерием Брюсовым, начали выходить несколько позже. Объединению старшего поколения символистов способствовали симпатии редакции журнала к «новым веяниям» в искусстве, ее тяготение к идеалистической философии и борьба с идейным наследием 1860-х годов в области философии, эстетики и литературы. Вместе с тем в «Северном вестнике» были напечатаны «Озорник», «Мальва» и «Варенька Олесова» М. Горького. История «Северного вестника» живо и подробно описана в воспоминаниях самой Л. Я. Гуревич.¹

Сологуб сотрудничал в «Северном вестнике» в 1892—1897 гг. Его сблизил с редакцией Минский. «Прочтите „Тени“ Сологуба, — писала Минскому Л. Я. Гуревич 5 декабря 1894 г. — Он настоящий талант, и это так хорошо, что Вы нам его открыли».²

Кроме названных выше произведений, Сологуб напечатал в журнале рассказ «Червяк», ряд стихотворений, статью о всеобщем обучении, рецензии — преимущественно по вопросам педагогики, несколько обзоров «Наша общественная жизнь».

По свидетельству жены Сологуба А. Н. Чеботаревской (без сомнения, со слов самого Сологуба), он был в дружеских отношениях с редакцией «Северного вестника», где ему и придумали псевдоним «Сологуб».³ Л. Я. Гуревич следующим образом характеризует эти отношения в «Истории „Северного вестника“»: «Иногда я страстно любила печатаемые вещи даже тех авторов, которых в целом не принимала моя душа <...> Так любила я, кроме некоторых стихотворений Сологуба и его „Теней“, и некоторые главы из романа его „Тяжелые сны“, ради которых весь этот роман <...> был дорог мне. Ко времени печатания этого романа отпосылается и личное мое знакомство с Сологубом. Впечатление от его человеческого облика было уже окрашено для меня предварительным знакомством с его произведениями. Сквозь них я уже видела нечто значительное, сложное и причудливое в его душе и даже в его наружности — в бледных, близоруких, но зорких глазах <...> в его малоподвижном лице с белесоватою растительностью. Он был чрезвычайно молчалив, а когда заговаривал, в глуховатом, монотонном голосе его слышалась та же, что и теперь, нота — не то недоверчивая, испытующая, не то упрямая.

¹ Л. Я. Гуревич. История «Северного вестника». — В кн.: Русская литература XX века (1890—1910). Под ред. С. А. Венгерова. Т. 1. М., 1914, стр. 235—264. Об истории взаимоотношений символистов и редакции «Северного вестника» см. также статью Д. Е. Максимова «„Северный вестник“ и символисты» (в кн.: В. Е. Евгеньев-Максимов и Д. Е. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930) и статьи П. В. Куприяновского «Поэты-символисты в журнале „Северный вестник“» (в кн.: Русская, советская поэзия и стиховедение. М., 1969) и «Из истории раннего русского символизма» (в кн.: Русская литература XX века. Калуга, 1968).

² ИРЛИ, архив З. А. Венгеровой, ф. 39, № 214.

³ Русская литература XX века, т. 2. М., 1915, стр. 11.

Но думалось мне, что при всем прочем он попросту застенчив, и это сродняло меня с ним. Мне хотелось дать почувствовать Сологубу, что у меня есть к нему, помимо большого интереса как к писателю, теплое личное отношение, и, кажется, судя по тем довольно многочисленным его письмам, которые сохранились у меня от того времени, он это без слов чувствовал. Несколько раз мне пришлось говорить с ним с глазу на глаз, — один раз, помню, о Достоевском, и тогда душа его приоткрывалась в своей значительности, и чувствовалось, что в таинственной глубине ее есть свои настоящие святости.⁴

Однако письма Сологуба к Гуревич не свидетельствуют все же об особой близости. Человек эгоцентрического склада, углубленный в себя, замкнутый, к тому же обидчивый, Сологуб был постоянно настороже, как бы в ожидании конфликта. Повод для размовки возник в связи с печатанием романа «Тяжелые сны». Цензурные затруднения, волновавшие Сологуба, осложнялись требованиями самой редакции о сокращениях и переделках (см. письмо 7). Эти требования определялись общей литературной позицией «Северного вестника», выражавшейся в статьях Волинского. Сочувственно относившийся к «новым веяниям» в искусстве, он резко разграничивал «декадентство» и «символизм», осуждая первое и приветствуя второе. Декадентство, по его мнению, это естественная реакция на отжившие явления, но реакция болезненная, уродливая и антихудожественная. Отсюда и двойственное отношение к творчеству Сологуба, в котором он не без основания видел много декадентского.

В конце 1896 г., когда трения по поводу «Тяжелых снов» улеглись, возник новый, наиболее острый конфликт — в связи со статьей Волинского, в которой была дана оценка творчеству Сологуба в целом. Волинский выражал свои взгляды в резкой форме, не считаясь с тем, что пишет о сотруднике своего журнала (см. примечание к письму 17).

И наконец, третий инцидент относится к апрелю 1897 г. по поводу предъявленных Сологубу требований о решительной переделке новой повести. На этом его сотрудничество в «Северном вестнике» прекратилось.

Впоследствии впечатления от этих столкновений сгладились, о чем свидетельствует, например, теплая статья Волинского о Сологубе 1923 г. «Иногда, — писал он, — в отношениях наших, особенно со стороны Сологуба, мелькали острые линии разногласий. Сквозь туман воспоминаю даже и минутную какую-то ссору по забытой причине. Но в целом корабли наши плыли все время в виду друг друга, то сближаясь, то отдаляясь».⁵

Публикуемые письма Ф. Сологуба к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волинскому хранятся в рукописном отделении Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, в архиве Гуревич (ф. 89, 20108/СХХХVI6.5), письма Л. Я. Гуревич к Ф. Сологубу, использованные в примечаниях, — там же, в архиве Сологуба (ф. 289, оп. 3, № 216); в архиве Сологуба (ф. 289, оп. 2, № 13) находится и неотправленное письмо к Волинскому 1895 г.

На основании реестра отправленных и полученных Сологубом писем, который он вел в 1883—1902 гг. (ф. 289, оп. 6, № 82), мы знаем, что число его писем к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волинскому превышало сотню, однако дошло до нас меньше трети. В настоящую публикацию вошли лишь те из хранящихся в Институте русской литературы, которые относятся к годам сотрудничества Сологуба в «Северном вестнике». За ее пределами остались два письма к Гуревич (от 7 декабря 1908 г. и без даты — вероятно, начала января 1909 г.) и одно письмо к Волинскому (от 23 марта 1924 г.), а также письма к Волинскому, находящиеся в Центральном гос. архиве литературы и искусства СССР в Москве. В реестре Сологуб коротко отмечал содержание писем; эти пометы частично использованы в примечаниях.

При подготовке писем к печати я имел счастливую возможность пользоваться в свое время советами и разъяснениями Л. Я. Гуревич.

Несколько отрывков из писем 11, 12, 17 напечатано в указанных выше статьях Д. Е. Максимова и П. В. Куприяновского.

1

Бронницкая, 21, кв. 14.

27 дек<абр>я <18>94.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Сейчас получил Ваше вчерашнее письмо. Маленький рассказ,¹ кажется, смогу прислать Вам на этой неделе. Что до романа «Шаня»,² то

⁴ Там же, т. 1, стр. 253.

⁵ Старый энтузиаст. Ф. К. Сологуб. — «Жизнь искусства», 1923, № 39, стр. 8.

не ошибаетесь ли Вы, предполагая его у Акима Львовича? Я видел его недели 2 назад в шкафу с новыми книгами, откуда, по предложению А. Л., забирал материалы для рецензий.³ Извините за это, может быть, и запоздалое известие: ибо Вы могли эти тетрадки извлечь из шкафа, а пишу на всякий случай, чтоб не было лишних поисков. Роман «Шаня» деятельно продолжается. Ваши мнения о романе «Тяжелые сны»⁴ мне было бы весьма интересно выслушать, и я очень просил бы Вас назначить время для этого: я намерен еще много поработать над романом, и вот выслушать предварительно Ваши соображения было бы весьма полезно, как бы они ни были в иных случаях резки. В этот роман вложено уже столько труда, что хотелось бы довести его до возможного совершенства. Против подписи Ф. С. под статьей ничего не имею. Может быть, уж если Вы взяли эти буквы, так лучше прямо подписать «Ф. Сологуб»? Впрочем, говорю это не в виде своего мнения, а хочу только сказать, что согласен на всякую подпись.⁵ Итак, сегодня днем я получу от Вас тетрадки «Шани»? А потому заблаговременно приношу Вам благодарность и извинения за беспокойства, которые я Вам причиняю.

Примите уверения в истинном почтении и совершенной преданности, с которыми имею честь быть

Ваш покорнейший слуга

Федор Тетерников.

¹ О каком рассказе идет речь, установить не удалось. В 1895 г. в «Северном вестнике» и в других журналах и газетах ни одного рассказа Сологуба напечатано не было. В письме от 26 декабря 1894 г., на которое отвечает Сологуб, Л. Я. Гуревич также не называла его: «Позволяю себе очень рекомендовать Вам заняться повестью. Если Вы ее напишете за праздники (не знаю, возможно ли это), мы напечатает ее в феврале». По свидетельству Л. Я. Гуревич, никаких столкновений редакции «Северного вестника» с Сологубом еще не возникало; поэтому следует отбросить предположение, что рассказ был отвергнут. Может быть, его запретила цензура? Никаких указаний на это нет в следующих письмах Сологуба, от 12 и 24 января 1895 г.; вообще Сологуб больше об этом рассказе не упоминает. Всего вероятнее, что он так и не был написан. Возможно, замысел рассказа был осуществлен Сологубом значительно позже.

² «Шаня» — первоначальное название романа «Слаще яда», начатого в 1894 г. и оконченного только в 1912 г. По-видимому, редакция «Северного вестника» им не заинтересовалась. Первые главы романа под заглавием «Шаня и Женья» Сологуб 10 мая 1896 г. послал в «Вестник Европы», но 26 июля они были ему возвращены (см.: Реестр, лл. 31 об. и 87 об.). Впервые с подзаголовком «Рассказ» они появились в «Биржевых ведомостях» за май 1897 г. (№№ 133, 135—137, 140, 142, 143), перепечатаны в исправленном виде, но тоже как самостоятельное произведение, в «Книге разлук» (СПб., 1908) под заглавием «Они были дети», и лишь в 1912 г. эти главы составили первую часть романа «Слаще яда» («Новая жизнь», 1912, № 4).

³ С декабря 1894 г., в течение 1895—1896 гг., Сологуб систематически писал рецензии для «Северного вестника», главным образом о книгах по вопросам педагогики и народного образования. Список их приведен в «Библиографии сочинений Ф. Сологуба» (СПб., 1909). Две ненапечатанные рецензии сохранились в архиве Гуревич (20203/СХХХVIб.18). Одна из них о втором издании книги Ив. Гвоздева «О врожденных и приобретенных свойствах детей как зачатков (так!) преступности взрослых» (СПб., 1896). Вторую привожу полностью:

«Д. П. Мартынов, директор народ^ных училищ Олонецкой губ^{ер}нии». Как в народных училищах Олонецкой губ^{ер}нии дети учатся богу молиться, читать, писать и считать. (Петрозаводск, 1895).

Кроме перечисленных в титуле книги предметов, сельские школьники Олонецкой губ^{ер}нии учатся еще почитать родителей и старших, любить царя и родину. Всею этому, по словам автора, учат довольно своеобразно, не так, как в других губерниях. Автор думает, что заведенные им порядки и придуманные им приемы обучения заинтересуют и других, и потому считает своим долгом рассказать об этом поподробнее. На проверку выходит, что нового, своеобразного и поучительного изобретено в Олонецкой губ^{ер}нии не слишком много. Автор уверяет, что достигаются отличные успехи и в обучении, и в воспитании, особенно в последнем. Например, на улице дети при встречах с взрослыми снимают шапки; конечно, это очень умильно, особенно если принять в расчет климат местности.

Что касается ученья, то известно, что сельские учителя — народ усердный и исполнительный; а насчет шапок приходится только пожалеть о невозможности повсеместно следовать примеру тамошних крестьянских мальчишек: иначе в больших городах пришлось бы отказаться от бесполезного обыкновения покупать и детям шапки».

⁴ Роман Сологуба «Тяжелые сны» был начат в 1883 г., а окончен в 1894 г. Впервые напечатан в «Северном вестнике» (1895, №№ 7—12).

⁵ Речь идет о статье «Наша общественная жизнь. 1. Нечто о петербургских обществах и кружках». Она напечатана в «Северном вестнике» (1895, № 1) за подписью «Ф. С.».

2

Бронницкая, 21, кв. 14.

12 янв<аря> 1895 г.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Имею честь уведомить, что статью о петербургских обществах я рассчитывал доставить не позже 20 числа, по возможности же и раньше.¹ Пользуюсь этим случаем для принесения Вам глубочайшей благодарности за высылку мне в этом году «Сев<ерного> вест<ника>»: при личных встречах с Вами я все как-то забывал поблагодарить Вас за Вашу любезность. И еще, — простите за надоедание, — не найдете ли Вы в ближайшем будущем малого количества времени для сообщения мне замечаний Ваших о моем романе «Тяжелые сны», — замечаний, обещанных Вами и которые меня чрезвычайно интересуют, тем более что в последние дни у меня явились некоторые новые соображения относительно романа. Впрочем, если время Вам не позволит, буду ждать терпеливо.

С истинным почтением

Ваш покорнейший слуга Федор Сологуб.

¹ Сологуб пишет о своей статье «Наша общественная жизнь. 2. Кустари и дед Чмыхало», появившейся в № 2 «Северного вестника» за 1895 г. за подписью «Ф. С.» (дата цензурного разрешения — 30 января 1895 г.). В статье сделано несколько общих замечаний о петербургских обществах и кружках, а затем говорится о собрании 5-го отдела Общества для содействия русской промышленности и торговли и заседании Географического общества. В первом был прочитан доклад О. А. Арсеньева о кустарных промыслах Пермской губернии, во втором — доклад Д. Л. Никольского о восточных черемисах и доклад В. В. Лесевича о сказках казака Лубянского уезда Полтавской губернии Чмыхалы. Аналогичные статьи были помещены Сологубом в №№ 3 и 4 «Северного вестника» под тем же заглавием «Наша общественная жизнь» (но без подзаголовков) за подписью «Ф. Т.».

3

Бронницкая, 21, кв. 14.

24 янв<аря> 1895.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Имею честь представить Вам корректурные листы романа. Вчера и сегодня утром я сверил их с своей черновой рукописью, — оказалась масса мелких вариантов — в словах, знаках, расстановке слов и т. д. Меня очень утешает то обстоятельство, что Вы все еще надеетесь отстоять мой роман. Я очень искренно благодарен Вам за Ваши заботы и со своей стороны, конечно, постараюсь сделать все, что в моих силах, чтоб эти Ваши заботы увенчались успехом. Я как-то не находил пока времени заняться переделкой «Тяжелых снов», — теперь же постараюсь в возможно скором времени привести его в возможно безопасный от цензуры вид. Третьего дня я был в диком настроении и извергал из себя увывые слова, но Ваша уверенность значительно убавила моей меланхолии, и теперь я прихожу к выводу, что в моих словах тогдашних было кое-что неверное и несправедливое. Позволю себе только сказать в пояснение, что «не работать» приходится иногда (и часто) или за недосугом,

или из-за очень смутного настроения. Самомнением же я вовсе не заражен (в Ваших словах, кажется, пробивалась такая мысль), работ своих высоко не ценю и знаю, что мне предстоит еще большой труд, чтобы достигнуть возможной для меня степени художественной законченности моих писаний. Просматривая теперь начало «Тяжелых снов», я еще раз убедился, какую пользу принесли роману поправки, сделанные по указаниям Вашим и А. Л. (на которого, кстати сказать, я, кажется, не слишком-то основательно нападаю в воскресенье). Пишу все это, может быть, и ненужное, потому, что уже по опыту знаю мое совершенное неумение выражаться точно в разговорах. Других тетрадей романа не решаюсь представить: лучше уж я сначала приведу его в окончательный вид.

Примите уверения в истинном почтении и совершенной преданности, с которыми имею честь быть Ваш покорный слуга

Федор Сологуб.

2 июня 1894 г. Сологуб известил Волынского, что передал «Тяжелые сны» в редакцию «Северного вестника» (Реестр, л. 18 об.). Начало романа было сдано в набор за несколько месяцев до публикуемого письма и почти за год до появления в журнале: еще в начале октября 1894 г. Л. Я. Гуревич читала корректуру первых глав. И сразу же начались цензурные мытарства, продолжавшиеся полтора года, — последние страницы романа были напечатаны в № 12 журнала за 1895 г. Некоторые следы сношений с цензурой по поводу «Тяжелых снов» сохранились в письмах Гуревич к Сологубу. «Прошу Ф. К. Сологуба, — пишет она в одном из них, — сегодня самому пойти к цензору — пусть убеждает его. Можно согласиться выкинуть только историю попа Андрея, потому что ее в Главном управлении по делам печати не пропустят. Если Ф. К. не убедит цензора, то я пойду к Феоктистову сама и устрою ему такую историю, что так или иначе роман пройдет. Так я и знала, что выйдет история с первой же частью! <...> Пусть Ф. К. не рассказывает цензору содержания всего романа — лучше как-нибудь уклониться от этого. Иначе будет худо». 8 октября 1894 г. Сологуб сообщил Волынскому и Гуревич о свидании с цензором Пеликаном (Реестр, л. 19 об.). «История попа Андрея» так и не попала в текст «Северного вестника», не была она восстановлена и в отдельном издании романа 1896 г., и даже во 2-м томе собрания сочинений Сологуба (СПб., изд. «Сирин», 1913). «Если даже Феоктистов» не решится, — пишет Гуревич 21 октября 1894 г., — мы сумеем отыскать какие-нибудь другие, еще более крупные и крепче сидящие гвозди. Вопрос в нескольких днях, но роман пройдет, несмотря на то что в нем есть материал для прицепок». Возиться пришлось, однако, не несколько дней. Из опасения цензурных придирок многое исключали из романа сам Сологуб и редакция, не щадили романа и цензоры. «Я думаю, — писала Гуревич 13 июня 1895 г., — что лучше будет вынуть из самых первых тетрадей и перенести в последующие эпизод с любящим дисциплину предводителем дворянства. Лучше, если первые тетради, т. е. первая порция проскользнет в цензуре без всяких разговоров общественного свойства». «Эпизод с любящим дисциплину предводителем дворянства» — это текст на стр. 123—128 № 8 «Северного вестника» за 1895 г. Был ли эпизод несколько отодвинут или была уменьшена «первая порция», сказать трудно. Вероятнее последнее: в изданиях 1896 и 1913 гг. он сохранился на том же месте. Из письма Гуревич от 16 ноября 1895 г. узнаем, что два места из декабрьской книги, т. е. из конца романа, также были вычеркнуты цензурой. Нельзя, разумеется, с уверенностью сказать, о каких местах идет речь. Но весьма вероятно, что это те два места, которых нет ни в «Северном вестнике», ни в издании 1896 г. и которые мы находим в издании 1913 г., а именно: 1) разговоры народа, собравшегося перед домом убитого Мотовилова, о суде божьем, о том, что «так бы и иных прочих» (стр. 393); 2) угрозы полицейскому надзирателю и городовому: «как бунт начнется, тебя, Точилов, первого уьем» и пр. (стр. 397—398).

4

Первое Парголово, Выборгское шоссе, 8.

15 августа 1895.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Я был в типографии сегодня два раза, первый раз никого в конторе не застал, а второй раз оказалось, что от цензора мой роман еще не по-

лучен, — так мне и не удалось узнать цензорскую волю. Не будете ли Вы любезны сами сделать вставку о платье Клавдии? Что-нибудь в таком роде, как мы с Вами говорили:

«Они остановились у дверей, одни. (Это уже есть, а дальше приблизительно так:) Логин смотрел на нее с смущением и боязнь. Ее лицо показалось ему осунувшимся, и беспокойно горели ее глаза. Самое платье ее, казалось при огне, тлело и вспыхивало, — в нем преобладали багряные, горячие тоны. На ней...». И тут, кажется, полезно бы строчку или две о платье, о чем я Вас очень прошу, — если Вы найдете нужным, — приписать. За все эти слова я, впрочем,нисколько не стою, — сомневаюсь: *м<ожет> быть*, не с боязнью смотрел? *м<ожет> б<ыть>*, не такое лицо и не такое платье? Вообще, что бы Вы ни нашли полезным вставить на это место, я вполне полагаюсь на Ваш вкус.¹ В типографии сошлись теперь 3 корректуры моего романа, а потому возможна вполне естественная, но не желательная путаница. А потому, если Вы найдете это полезным, то я просмотрю и следующую корректуру для избежания иных вкрадчивых опечаток, о чем соблаговолите сообщить, если найдете время. Бывать в СПб. со среды придется мне ежедневно, — у нас начнется наш учебный год.² Не лучше ли выпустить один или два сна Нюты, средние? У меня, видите ли, уживаются два взгляда на свои писанья: хотя иное место мне самому и нравится, но, если его отмечают как неудачное, я начинаю в нем жестоко сомневаться. Иная красивая фразы, написанная с любовью, часто начинает мне (и без постороннего указания) казаться смешною и ходульною. Поэтому я прошу Вас минутку еще подумать об этих снах, — не выбросить ли их.³ Я знаю, что Ваши поправки всегда бывают весьма удачны, даже и в тех случаях, когда я не могу отказать себе в удовольствии спорить против них.

С истинным почтением

Ваш покорнейший слуга Федор Тетерников.

¹ Речь идет о тех главах романа, которые были напечатаны в «Северном вестнике» (1895, № 9). Гуревич не сделала вставки о платье Клавдии. Слова «Они стояли у дверей, одни» — во 2-й главке 6-й главы (стр. 6). В издании 1896 г. (стр. 135) после этих слов прибавлено следующее: «Клавдия нервно подергивала и оправляла драпировку корсажа, которая лежала поперечными складками и была прикреплена у левого плеча, под веткою чайных роз». Тот же текст в издании 1913 г. (стр. 158).

² Сологуб был учителем петербургского городского Рождественского училища.

³ В письме, на которое Сологуб отвечает, Гуревич между прочим заметила: «Некоторые из снов Нюты дико, но не поэтичны и не правдоподобны как сны». Выбросил ли он что-нибудь (и, следовательно, в этом случае первоначально снов Нюты было больше, чем в тексте «Северного вестника») или нет — на этот вопрос можно было бы получить точный ответ только на основании рукописи романа. В отдельном издании 1896 г. (стр. 168—169) и в последующих появляется еще один новый (или, вероятнее всего, восстановленный) сон. Если предположить, что он был в рукописи романа в тот период, к которому относится письмо, если допустить также, что сны Нюты были расположены в том же порядке, как и в печатном тексте, то сомнение Сологуба касалось одного или двух из снов, описанных во 2-й главке 7-й главы («Северный вестник», 1895, № 9, стр. 29—31).

5

СПб. Пушкинская, 12, кв. 34.

9 нб. <ноября> <18>95.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

То, что Вы советуете мне сделать с изданием моего романа, совпадает с тем, что я уже и предполагал делать в случае, если Вам нельзя будет принять моего предложения. Очень благодарен Вам за Ваше любезное

обещание помочь мне Вашими советами и опытом при издании романа, что мне будет, конечно, полезно и чем я с признательностью воспользуюсь.

С истинным почтением

Федор Тетерников.

Сологуб хотел, чтобы «Северный вестник» выпустил отдельной книгой его роман «Тяжелые сны». В письме, на которое он отвечает, Гуревич сообщила ему, что не может принять его предложения, так как затеяла очень большое издание, «которое вряд ли окупится в этом году». Она советовала ему вступить в соглашение с какой-нибудь типографией: «а в вопросе о распространении книги, уступке книгопродавцам, объявлениях и т. п. я с удовольствием помогла бы Вам — по мере своего опыта».

6

СПб. Пушкинская улица, 12, кв. 34.

13 нб. <ноября> <18>95.

Многоуважаемый Аким Львович,

Простите, что я отымаю от Вас время, но я стесняюсь теперь обращаться к Любви Яковлевне: в субботу мне показалось, что недомогание Л. Як. продолжается. Дело в том, что корректура, принесенная мне сегодня, поставила меня в большое недоумение: я не знаю, цензура ли поусердствовала или Вы сделали те две вырезки, которые мне, говоря откровенно, совсем не нравятся, а именно: 1) в начале четырнадцатой главы (сцена между Л<огином> и Нют<ой> в саду и в беседке) и 2) как Л<огин> рассказал Нюте об убийстве Мотовилова. Если это — озорство цензуры, то прости, конечно, примириться. Если же иначе, то это меня очень серьезно огорчает. Я не стою за другие выброшенные Вами места (хотя из них одной маленькой главки мне жаль, но пусть она пропадает), а эти 2 вырезки, на которые я указываю, считаю совсем невозможными. Очень прошу Вас сообщить мне, откуда это идет: от цензуры или от редакции, — только одно это слово, без всяких подробностей, отымающих время, которое Вам, конечно, дорого.

Это письмо отправлено не было.

7

СПб. Пушкинская, 12, кв. 34.

15 нб. <ноября> <18>95.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Я очень сожалею о том, что моим предыдущим письмом произвел на Вас столь неприятное впечатление, и я совершенно искренно приношу извинения во всем том, что в нем могло быть или казаться для Вас неприятным.¹ Но так как некоторые выемки из моего романа были сделаны и не по цензурным соображениям, то мне и необходимо было знать отношение к этому пропуску редакции; от Акима Львовича я не получил совершенно определенного ответа и обратился к Вам. В начале месяца я слышал от А. Л., что он намерен вынуть из последней части романа все «слова», вредные в цензурном отношении, но так, что от этого роман «нисколько» не пострадает в художественном отношении. О том, что будут вынуты целые страницы, притом такие, которые в прошлом году А. Л. признал в числе главных в романе, мне «никогда» не было раньше сказано; а что без этих страниц не стоило бы печатать романа, так это опять-таки А. Л. говорил тогда.² В письме Вашем Вы изволили объяснить мне, что напечатали бы это место, если бы «жили при совершенно иных условиях» (напр<имер>, — я так объясняю себе, — при ином цензур<ном> уставе и при ином правительстве), и напечатали бы потому, что редакция Вашего почтенного журнала не имеет «обыкновения делать

насилия над замыслами авторов». Это я понимаю так, что это место было бы напечатано все-таки с некоторою неохотою, потому только, что оно «искупается» другими страницами. Из всего Вашего письма я заключаю, что мое заявление о неожиданности и совершенной нежелательности для меня этого пропуска Вы считаете поступком очень грубым и неделикатным. То же дал мне понять и А. Л. По его энергичному (но, право, несправедливому) выражению, я хочу «наплевать» на его мнения (которые, наоборот, я высоко ценю), и кроме того, по словам А. Л. выходит, что я проявил гнусную неблагодарность к редакции «Северного вестника», где со мною всегда хорошо «обрацались». Прошу Вас не верить, что и к редакции Вашего многоуважаемого журнала, и к Вам лично я чувствую весьма искреннее почтение. Я думаю, что во многом обязан членам этой редакции, и Ваши лично заботы и попечения о моем романе меня очень трогали и наполняют глубочайшею к Вам признательностью. Но я совершенно уверен, что Вы не можете нуждаться в моем смиренном отказе от моих мнений относительно моего романа. А я продолжаю думать, что хотя пропущенное место и может быть истолковано как описание бесцельно-бесстыдного поступка, но по точному смыслу романа оно не оскорбляет добрых нравов и цензурному уставу не противно. А если оно и нецензурно, то нецензурность эта такова, что и раньше ее можно было заметить, потому что эта нецензурность может заключаться только в бесстыдстве поступка, т. е. черте, характеру действующего лица не свойственной и потому подлежащей удалению из романа во всяком случае. Я осмеливаюсь догадываться, — и заранее прошу извинения, если это не так, — что если бы редакция не усматривала в этом месте романа настроений бапальных и нечистых, то и вопрос о цензурности осветился бы, может быть, совершенно иначе. Позвольте мне сообщить Вам некоторые мои соображения о значении этого места в романе. Мне очень трудно это сделать, и я всегда стесняюсь вести теоретические разговоры, — я хорошо чувствую свою слабость в этом отношении, и потому я прошу Вас извинить, если дальнейшее покажется Вам очень слабым и наивным, — но я чувствую потребность, хотя бы очень несовершенно и кратко, открыть перед Вами область моих настроений и мыслей об этом. Современный человек, живущий более книжными и отвлеченными интересами, потерявший старые законы жизни, усталый, развинченный и очень порочный, Логин ищет истины и предчувствует ее, ищет сознательно, как и говорит Нюте. Жизнь его и есть вся непрерывно «е» искание истины, но на всех путях жизни ищет ее тщетно, потому что истина не покупается трудом, а дается даром и вдруг, как девичья любовь. Искание — бессознательное и мимовольное — истины совершается во всех людях, и где нет этого искания, там мертвенное и самодовольное лицемерие (Мотовилов). Даже пошляки (Андозерский) ищут ее. Ищут не отвлеченной истины, а живой, столько же воплощенной, сколько и символизированной в людях же, любимых, иногда ненавидимых, ищут истины, как любят невесту. Отношение к истине для всякого человека определяется способом его любви. Для людей совсем обыкновенных (Андозерский, Пожарский) она является только в малой части своей, сопровождаемая заурядными хорошими чувствами, в формах милых и установленных (Нета), в узаконенных обрядах (брак), является несовершенно и робко (стыдливость, приличия, тайна). Для «среднего рода людей» (Палтусов), банально презирующих банальное, она является как бурный, но малосодержательный протест (Клавдия), сопровождаемый ненужными страданиями и преувеличенно-эффектными позами и обладающий большею, но все еще не настоящею смелостью, притом такою смелостью, которая проявляется лишь в ответе чужому грубому насилию. Только людям настоящей силы доступно совершенное восприя-

тие истины (Нюта), непосредственное, наивное, обнаженное от всех условностей, не влекущее за собою страданий и сомнений, дающее совершенное успокоение. К чувственному обладанию истиною и свободою они не стремятся (Логин отвергает Клавдию), ибо всякое наслаждение прозрачно и угарно (Ульяна) и возбуждает в людях злобу и ревность (Спиридон), а чистое созерцание истины неотъемлемо и, раз достигнутое в момент внезапного экстаза (пропущенная сцена), становится достоянием души, хотя бы и не изменяло течения жизни (убийство и бунт). Поэтому Нюта мне вся нужна такая, как я ее написал, и если замысел мой наивен и слаб, то и роман не нужен. В ней и мелкие подробности нужны, так как в них выражаются только свойства чистого, непосредственного восприятия правды, как оно доступно современному человеку: и богатство ее отца, и необычайная простота, и побеждение стыда, труднейшая из земных побед, и язык, изобилующий названиями предметов из природы, «птичек и цветочков», и даже то, что она, по справедливому замечанию Н. М. Минского, не новая, не оригинальная; об этом у меня даже были особые слова в последних главах, выпущенные редакцией, если не ошибаюсь, без всякой цензурной надобности, и за которые, я, впрочем, не стою. Я не решаюсь слишком долго останавливать Ваше внимание на моих теоретических рассуждениях, но мне кажется, из всего этого достаточно видно, что в пропущенной сцене я руководился не желанием дать эротическую по существу картину побеждения желаний, так как это побеждение я считаю ненужным и в отречении от простой и наивной любви вижу только декадентский фокус, так как стремление к истине не может не быть стремлением творческим. Я думаю, что при таком истолковании (весьма естественном, ибо все люди идут от одного Отца, слеплены по одному образцу, и все, любя и ненавидя, стремятся проявить свое внутреннее содержание, стремятся к истине) пропущенная сцена и непорочна и существенна для романа. Если она невозможна в таком виде, ее, м<ожет> б<ыть>, можно было бы изменить, — я согласился бы на какое угодно ее искажение и затемнение, только бы она не выпадала из романа. Я не думаю, что говорю наобум, когда утверждаю, что редакция, как бы она ни смотрела на эту сцену, знала ее важное для романа значение. Поэтому я думаю, что напрасно было не сказать мне заблаговременно о таком решении редакции: я постарался бы представить эту сцену в наиболее «приличном» виде; может быть, вместо этого образа придумал бы иной, намекающий; наконец, можно было бы сохранить хотя часть пропущенного места, самую «скромную», и вообще я не знаю, что можно было бы сделать, но думаю, что обсудить этот вопрос при «моем» участии следовало бы. Впрочем, я не отрицаю права редакции делать какие ей угодно выкидки, — права, в определенных выражениях предоставленного мною редакции. Но я остаюсь при своем мнении, что этот пропуск весьма неудовлетворителен, является для меня совсем неожиданным, тем более что на всевозможные изменения здесь я охотно согласился бы. Ведь это же не роман из моей жизни, чтобы нельзя было изменять: вопреки мнению, разделяемому, м<ожет> б<ыть>, и почтенною редакциею Вашею, я не списывал Логина с себя и не взвалил на него своих пороков. Не льщу себя надеждою, что в чем-нибудь успел убедить Вас: это не в моих силах. Но мне очень хотелось бы хотя того, чтобы Вы думали, что в моих намерениях об этой сцене эротический элемент входил только в самом необходимом размере и что я далек был от мысли дразнить кого-нибудь смелостью изображений: я имел в виду, между прочим, изобразить настоящую смелость, которая не дразнит, а подымает. Письмо вышло очень большим, и я не вместил в него многого из того, что пришло мне на мысли после Вашего письма, — отчасти, чтобы не утомлять

Вас еще более, чем я это сделаю, если Вы дочитаете и это письмо до конца, отчасти, чтобы не вдаваться в прения о предметах, затрагивающих не дело, а только мое самолюбие. Я только позволю себе еще раз уверить Вас, что я старался искренно и правдиво выразить свое мнение не с целью доказать свою правоту, — пусть я не прав во всем этом, — а потому, что я к моему писательскому делу отношусь строго, как могу, и, при всей моей денежной необеспеченности, пишу не для денег. Хорош или плох роман, это уже от размера моих способностей зависит, но работал я над ним не как наемник, а потому и подчинение мое чужим мнениям не может быть беспредельным. И еще раз прошу простить, если в этом письме написал что грубое, — поверьте, без намерения.

С истинным почтением

Федор Тетерников.

Черновики этого письма сохранились в архиве Сологуба (ф. 289, оп. 2, № 5).

¹ Предыдущее письмо Сологуба, которое произвело на Гуревич «столь неприятное впечатление», не сохранилось в ее архиве; не обнаружен и ее ответ на это письмо в архиве Сологуба. В «Реестре» (л. 22 об.) значатся три письма Сологуба к Гуревич: 13 ноября — «По поводу вырезок из романа», 14 ноября — «Краткий ответ», 15 ноября — «Полный ответ».

² В отдельном издании романа 1896 г. эти страницы восстановлены — правда, в переработанном и измененном виде. В тексте «Северного вестника» нет 5-й, 9-й и 10-й главок 10-й главы отдельного издания, а 7-я главка — в значительно сокращенной редакции. Но «пропущенной сценой», «пропущенным местом» Сологуб далее называет лишь то место, которое в измененном виде составило 10-ю главку 10-й главы издания 1896 г. (стр. 298—301).

8

СПб. Пушкинская улица, 12, кв. 34.

16 нб. <ноября> <18>95.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Вы очень обрадовали меня Вашим любезным и добрым письмом.¹ Мне очень интересно было прочесть Ваше мнение о той сцене, и я думаю, что оно справедливо, — насколько я могу теперь судить об этом. Я очень благодарен Вам за Вашу готовность сделать вставку, если это окажется возможным. Посылаю Вам вариант пропущенного, но, конечно, несколько не настаиваю на том, чтоб Вы эту именно вставку приняли. Она очень коротка, и, мне кажется, Вам можно будет скоро решить, можно ли ее взять или нельзя. Если, по Вашему мнению, она не подходит, то придется оставить так, — я чувствую, что в несколько дней ничего основательнее проработать я не могу, — можно только предложенную мною вставку, если угодно, несколько переработать: сократить, немного распространить, подумать о выборе слов. Я со своей стороны только просил бы Вас эту вставку отвергнуть только в том случае, если Вы найдете ее очень плохой; если же она хоть сколько-нибудь подходит, то приятно было бы иметь ее. Но во всяком случае всякому Вашему решению об этом я подчиняюсь без всяких возражений.² Что касается отдельного издания, то я не думаю его во многом изменять против того, что напечатано теперь, — считаю это не совсем удобным.

С истинным почтением

Федор Тетерников.

¹ В ответ на письмо Сологуба от 15 ноября Гуревич писала: «Уверяю Вас, что ни на одну минуту мне не приходило в голову, что сцена, о которой идет речь, по существу эротична и не нужна. Я относилась к ней и отношусь с полной серьезностью, хотя и при первом и при втором чтении находила, что она лучше задумана, чем исполнена <..> В ней не чувствуется (в построении, словах и по-

ступках героев) именно того *экстаза*, о кот^ором Вы пишете и кот^орый» делает необычайное естественным и необходимым. Сцена несколько вяла, холодна, разговоры, предшествующие главному моменту, звучат более рассудительно, чем патетично <...> а что касается замысла, то уверяю Вас, что ни на минуту я не придавала ему ложного пошлого толкования и даже очень усиленно спорила о нем с другими, слышавшими эту сцену в прошлом году». «Что касается ее цензурности, — читаем в этом же письме, — то тут ведь нужно принимать в соображение никак не существо дела, а только специфические цензорские точки зрения, и я убеждена, что в таком виде, как она была, она не только не прошла бы, но погубила бы весь конец в цензуре». Гуревич предлагала Сологубу переделать эту сцену, но предпочитала, чтобы он сделал это для отдельного издания: «ничто не дает в результате таких однобоких и темных страниц, как переделка ради цензуры».

² Вариант пропущенной сцены, которым Сологуб предполагал заменить ее, сохранился в архиве Гуревич (20108/СХХХVI6.18). Вставка — Сологуб и Гуревич называют вариант вставкой, потому что конец романа без этой сцены был уже проведен через цензуру, — не была принята редакцией «Северного вестника». Она «очень туманна, сбивчива, — писала Гуревич, — и не дает ни малейшего понятия о том, что Вам было нужно и что было, так или иначе, выражено в большой выкинутой сцене <...> Внутренний» смысл в ней совсем темен, и намеки могут быть истолкованы только в таком смысле, в каком это было совершенно излишне для Вашего замысла, т. е. в чисто натуралистическом».

9

СПб. Пушкинская, 12, кв. 34.

19 марта 1896.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Не будете ли Вы добры открыть мне кредит в размере 50—75 руб-лей в счет будущего? Если Вам возможно будет исполнить эту мою покорнейшую просьбу, то этим Вы меня очень обяжете.

Книга моя,¹ если не задержит ее цензура, выйдет завтра; вышло 19¹/₂ листов меньшего формата, чем «С<еверный> в<естник>» (каждая страница моего издания = ³/₄ Вашей стр<аницы>).

С истинным почтением

Федор Тетерников.

¹ Имеются в виду «Тяжелые сны» (СПб., 1896).

10

СПб. Пушкинская, 12, кв. 34.

24 мр. <марта 18>96

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Очень благодарен Вам за то внимание, которым Вы почтили мой роман; мне очень приятно было узнать, что Вы одобряете кое-что из того, что есть измененного и нового.¹ Что касается до спорной главы, то мне кажется, что я, хотя и автор, отношусь к ней спокойнее и беспристрастнее, чем Вы. Впрочем, может быть, Вы вполне правы в оценке ее, — этого я пока еще не понимаю.² Но дело в том, что я все-таки работал над нею и даже в отдельном издании не только значительно вновь переделал ее, но даже и поставил на другое место;³ это, кажется, доказывает, что я отношусь к своему труду без ослепления и готов работать над ним хотя до бесконечности. Но может случиться, что пока я буду трудиться над нею, опять понаоткрывают так много новой красоты (самой новой, еще совсем пока неизвестной, самоновейшей), что я снова промахнусь. Впрочем, это не беда: если я ясно увижу недостатки, то все-таки буду переделывать.

Статья в «Русской беседе» — обещанная еще в январском номере; там автор литературного обозрения сказал о романе несколько очень лестных фраз и заявил, что он заслуживает особой статьи. Но самой

статьи я еще не видел, и если Вы её мне пришлете, то очень этим меня обяжете.⁴

С истинным почтением

Федор Тетерников.

¹ 23 марта 1896 г. Гуревич писала Сологубу: «Потом высмотрела все новое в романе — против прежнего. Некоторые страницы мне очень понравились».

² Вот слова Гуревич о спорной главе: «Но первая полустраница в знаменитой сцене (стр. 301) показалась мне и недостаточно реальной, и нелепой по смыслу, и холодной, особенно восклицание Логина, не выражающее решительно никакой психологии, „Мы на вершине. Какая радость! Какая печаль!“ (Гуревич цитировала, очевидно, по памяти; у Сологуба: «Какое счастье! И какая печаль!», — *И. Я.*). Это „мзонично“, но отнюдь не художественно и не поэтично. И я долго ругалась. А потом, пересматривая многие страницы романа, я настолько радовалась им, как художественным и поэтичным, что это одно и дает мне право ругаться в этом письме к Вам».

³ Вариант пропущенной сцены, пересланной Сологубом в письме от 16 ноября 1895 г., должен был находиться, судя по нумерации главок (1, 2, 3), в самом начале 14-й главы — непосредственно после убийства Мотовилова. Место 1-й и 2-й главок 14-й главы текста «Северного вестника» было, очевидно, после пропущенной сцены. А в издании 1896 г. 7-я и 8-я главки 10-й главы, соответствующие 1-й и 2-й главам 14-й главы текста «Северного вестника», помещены до этой сцены. Такой же порядок — в издании 1913 г.

⁴ Речь идет о статьях И. Залетного (*И. А. Гофштеттера*) «Критические беседы» («Русская беседа», 1896, № 1, стр. 181—183; № 3, стр. 170—188). В первой статье критик называет Сологуба «самым своеобразным из начинающих беллетристов», а «Тяжелые сны» — «самым, быть может, в эстетико-художественном отношении выдающимся явлением литературы минувшего года». Вторая из статей целиком посвящена «Тяжелым снам». Она не отличается глубиной, но автор вдумчиво подошел к роману и пытался разобраться в психологии «декадента», а не просто отмахнуться от нее.

11

СПб. Пушкинская, 12, кв. 34.

25 марта 1896.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Я очень сожалею о том, что мое письмо Вам не понравилось. Очень прошу Вас поверить, что я был весьма далек от намерения написать Вам что-нибудь неприятное.¹ Ваши похвалы некоторым измененным страницам моего романа меня действительно обрадовали, а что касается сцены, которая была уже и раньше предметом несогласия между нами, то мне весьма было бы желательно точно понять, в чем состоит ее коренной недостаток, остающийся при всех моих переделках. Такого главного недостатка я пока не нашел, хотя охотно верю, что он есть в чем-то. Я бы ее и совсем выпустил, но я помню, в 1894 году она нравилась Акиму Львовичу, потом перестала нравиться, а я остался в недоумении. Я не имел намерения обращаться к Вам слова о новой красоте,² — я хорошо понимаю, что Вы имеете свои отдельные взгляды и не занимаетесь таким, в сущности несерьезным, делом, как отыскивание новой красоты по заграничным моделям. Я думал только, что все-таки трудно совершенно оградить свои воззрения и убеждения, совершенно уберечь их от влияния новых течений, особенно когда стоят во главе журнала, имеющего некоторую склонность к этим течениям, самая новизна которых влечет за собою некоторую их неустойчивость и приподнятую их взволнованность. Если мои слова выразили, по отношению лично к Вам, нечто большее этой простой мысли, то прошу меня извинить. Я не берусь судить о неустойчивости чьих-либо взглядов вообще, но на некоторые частных случаях я ее испытал, и я прошу Вашего позволения рассказать Вам эти случаи, по крайней мере два или три из них. Очень прошу Вас отнестись к этому моему рассказу как к спокойному изложению фактов и поверить, что я

вовсе не имею мысли отнести их к Вам лично, а, напротив, говорю Вам как человеку, в беспристрастии которого я уверен. Также прошу Вас поверить, что я пишу не в упрек или осуждение кому-нибудь, а в подтверждение того, что мне действительно приходилось иногда недоумевать. В конце 94 года принес я Ак. Льв. Фл<ексеру> несколько моих стихотворений. Одно из них заслужило очень большие его похвалы, и он обещал мне, что эти стихи будут напечатаны в № 1 за 95 г. Зная, что г. Фл<ексер> обыкновенно просматривает и оценивает стихи для Вашего почтенного журнала, я не сомневался в том, что стихи будут напечатаны. В январской книге, однако, их не было, и г. Фл<ексер> сказал мне, что они пойдут в феврале. Но ни в феврале, и ни в одном из следующих месяцев стихи не появлялись. След<овательно>, взгляд на них изменился, а почему, я не знаю. Так же поступлено и с Федоровым; его тоже хвалили, а потом он вдруг стал плох; стихи его приняли — и не напечатали.³ Взгляд на него изменился, а почему, я не знаю. Третий случай еще более странен, и я рассказываю его с некоторым смущением. Но мне кажется совершенно необходимым рассказать его Вам в доказательство того, как трудно бывало мне иногда разгадать отношение к моему труду. В конце лета 94 года я послал в редакцию «Северного вестника», в письме на Ваше имя, три стихотворения; из них одно было вскоре напечатано, два другие в «Северном вестнике» не появились. В декабре 96 г.⁴ одно из этих отвергнутых стихотворений («Качели») я поместил в своем сборнике, — и вот именно это-то забракованное в 94 г. стихотворение удостоилось очень лестных похвал в отзыве г. Фл<ексера> о моем сборнике.⁵ Все это приводило меня в большое недоумение, и в таком же недоумении я и до сих пор остаюсь относительно непомещения спорной сцены в Вашем уважаемом журнале. В том, что я пишу Вам теперь, прошу Вас поверить, нет никакой преднамеренной, действительной язвительности. Мне просто хотелось бы уяснить себе этот вопрос, чтобы иметь возможность подумать об этом, и если бы Вы в этом помогли мне, я принял бы это с величайшей благодарностью, как бы суровы ни были Ваши слова и в каких бы великих недостатках они меня ни убедили. Я очень внимательно обдумывал то, что Вы мне писали по поводу романа, когда он печатался у Вас, и многие мои переделки явились результатом Ваших замечаний. Поэтому мне было бы очень печально, если бы Вы остались при Вашем неудовольствии моим письмом; поверьте, что я всегда видел в Ваших словах выражение действительных мнений, а не погоню за новым, за новейшим.

Очень благодарен Вам за присылку книги;⁶ прошу Вашего позволения задержать ее у себя еще на некоторое время.

С истинным почтением

Федор Тетерников.

¹ Ответ на письмо Гуревич от 24 марта, которое является в свою очередь ответом на предыдущее письмо Сологуба — тоже от 24 марта. Гуревич писала Сологубу: «Мой отзыв был отзывом <...> бесконечно далеким от дидактики, т<ак> ч<то> Ваши рассуждения о том, что Вы далеки от ослепления и что Вы много работаете, были как бы ответом не на мое письмо, а на что-то другое, чего в моем письме не было».

² В ответ на слова о «новой красоте» Гуревич писала: «Что же касается Ваших язвительных замечаний относительно новой красоты, то и они не только не показывают простого отношения к моему простому письму, но и не надлежащим образом адресованы. Я никогда ничего не говорила ни устно, ни печатно о новой и новейшей красоте и не брала таковую за мерку художественных произведений» и т. д.

³ Федоров Александр Митрофанович (1863—1949) — поэт и беллетрист 1890-х и 1900-х годов. Довольно благожелательная рецензия на книгу его стихов появилась в № 7 «Северного вестника» за 1894 г. Автор рецензии находил в стихах Федорова стремление к изящному, искренность, проблески лирического пафоса и пр. Два его

стихотворения были напечатаны в № 9 за этот же год — Сологуб говорит, конечно, не о них.

⁴ Описка: в декабре 1895 г., а не 1896 г.

⁵ В рецензии на первую книгу стихов Сологуба (Стихи, кн. 1. СПб., 1896) Вольтский между прочим писал: «Стихотворение „Качели“ выдержано с начала до конца по форме и по мысли. Это прелестный набросок, озаренный мудростью непосредственного поэтического настроения. Все слова на своих местах, и ни единое из них не раздражает тонких чутких нервов» («Северный вестник», 1896, № 2, стр. 87).

⁶ За присылку какой книги благодарит Сологуб, установить не удалось; в письме Гуревич она тоже не названа.

12

СПб. Пушкинская, 12, кв. 34.

7 мая 1896.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Прилагаю при этом одну рецензию.¹ Нет ли у Вас книжек, которые я мог бы просмотреть для рецензий? Впрочем, для этого месяца, кажется, уже поздно.

Сегодня заходил ко мне Константин Николаевич Льдов² и сообщил мне, что рассказ о червяке может быть помещен Вами в июне, если я соглашусь сообразоваться с бюджетом журнала на этот месяц.³ Я со своей стороны нахожу, что мне выгоднее, чтобы рассказ был помещен скорее, и вполне согласен довольствоваться тем, что на мою долю останется. Вообще вопрос о размере гонорара меня интересует в меньшей степени, чем вопрос о времени помещения. Мне доставляет большое удовольствие видеть мою прозу и мои стихи в Вашем журнале, и я очень просил бы Вас при помещении моих произведений совершенно не думать о деньгах: смею уверить Вас, что никаких денежных недоразумений у меня с Вами никогда и ни в каком случае быть не может. То же и относительно стихов, — величина гонорара меня не беспокоит, и я заранее согласен на всякие Ваши условия. Я пишу Вам это не потому, что мне нужны поскорее какие-нибудь деньги, а только потому, что я действительно, и безо всяких фраз, отношусь с большим уважением к «Сев<ерному> вест<нику>» и весьма дорожу возможностью печататься в нем; эту возможность я ставлю для себя за особое удовольствие и большую честь. Я смею думать даже, — хотя, может быть, это и большая претензия с моей стороны, — что писания мои, по духу их, более подходят к Вашему журналу, чем к другим. Свою прозу я понес бы в другой журнал лишь в том случае, если бы Вы отказались печатать ее, и сделал бы это с большою неохотой. В материальном же отношении я считаю для себя, по моим расчетам, более выгодным печататься возможно скорее и получать столько, сколько в данное время найдется, чем получать с листа больше, но с ожиданием.

Из всего этого, надеюсь, Вы позволите мне сделать такой вывод, что Вы будете любезны отправить рассказ о червяке в набор и что вскоре я буду иметь его корректуру.⁴ И если Вы так сделаете, то очень обяжете меня.

Для аккуратности, — хотя в данном случае это и излишне, — позвольте сообщить Вам, что Кон<стантин> Ник<олаевич> Л<ьдов> передал мне от Вас следующее: 1) за рассказ мне останется 40 р<ублей>, 2) стихи будут печататься постепенно.

С истинным почтением

Федор Тетерников.

¹ В № 6 «Северного вестника» помещена рецензия Сологуба на книгу «Новая хрестоматия для старшего отделения начальных училищ и низших классов средних учебных заведений. Составлена кружком учительниц под ред. В. А. Воскресенского. Изд. 2-е. СПб.» <1895>.

² Льдов (Розенблум) Константин Николаевич (1862—умер после 1935) — поэт, беллетрист и переводчик, пользовавшийся известной популярностью в 1890-х годах.

³ О материальном положении журнала говорят следующие слова Гуревич из ее ответа на это письмо Сологуба: «Для всех, не приобщившихся к этому редакционному „ордену“, — система другая, более „приличная“, более обычная, но сводящаяся именно к откладыванию с месяца на месяц произведений, не влезających в определенную смету». Очевидно, на каждую книгу журнала была предназначена определенная сумма, превысить которую не было возможности.

⁴ «Червяк» был напечатан в «Северном вестнике» (1896, № 6).

13

Первое Парголово, Выборгское шоссе, 22.

2 июля 1896.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Позвольте еще раз обратиться к Вам с просьбой пустить рассказ «К звездам» в следующей, т. е. августовской, книге, как Вы и предполагали, что для меня очень существенно.¹ Извините за беспокойство.

Ваш покорнейший слуга

Федор Тетерников.

¹ Сологуб предполагал издать в ближайшее время книгу, в которую хотел включить и этот рассказ. Он действительно вошел в сборник «Тени. Рассказы и стихи» (СПб., 1896). Ср. с письмом Сологуба к Волинскому от 16 июля 1896 г., напечатанным ниже.

14

Первое Парголово, Выборгское шоссе, 22.

16 июля 1896.

Многоуважаемый Аким Львович,

Не найдете ли Вы возможным пустить что-нибудь из моих стихов в августовской книге, — если это удобно? Тут у меня расчет не денежный, а тот, что если соберусь печатать 2-ю книгу стихов, то эти стихи пригодятся.¹

Преданный Вам

Федор Тетерников.

¹ На письме помета Волинского: «Отослано одно стихотворение в печать. А. В.». В № 8 за 1896 г. помещено стихотворение «Приучив себя к мечтаньям...». Как и два других, напечатанных в «Северном вестнике» во второй половине 1896 г. («Царевной мудрой Ариадной...» — № 7 и «Проходил я мимо сада...» — в № 10), оно вошло в сборник Сологуба «Тени. Рассказы и стихи» (СПб., 1896).

15

Первое Парголово, Выборгское шоссе, 22.

24 июля 1896.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Аким Львович передал мне, что Вы были настолько любезны, что решились, в случае если рассказ «К звездам» не пойдет в августе, выдать мне гонорар за него вперед, так, как если бы он был напечатан в августовской книге.¹ Принося Вам за это искреннейшую мою благодарность, позволю себе обратиться к Вам со следующей просьбой: не найдете ли Вы возможным произвести эту выдачу несколько ранее, т. е. в конце июля, чем очень меня обяжете.

С истинным почтением

Федор Тетерников.

¹ Рассказ был напечатан в № 9 за 1896 г.

СПб. Щербаков пер., 7, кв. 18.

18 ноября 1896.

Многоуважаемый Аким Львович,

Препровождаю Вам приготовленные мною три рецензии.¹ На прошлой неделе я занес для Вас те же 2 стихотворения, о которых мы говорили; надеюсь, что Вы их получили.²

С почтением

Федор Тетерников.

¹ На письме помета Волынского: «Отослано в типографию». В.». Очевидно, это относится именно к рецензиям. В № 12 за 1896 г. были помещены шесть маленьких неподписанных рецензий Сологуба на следующие книги: Д. А. Коробчевский. Ручей и его история. М., 1896; Звуковой букварь. М., 1896; С. Бураковский. А. Н. Островский. Биографические сведения и разбор его произведений для учащихся. Новгород, 1896; Э. Ферри. Преступники в искусстве. М., 1896; В. П. Вахтеров. Внешкольное образование народа. М., 1896; Н. Сперанский. Очерки по истории народной школы в Западной Европе. М., 1896 (см.: Библиография сочинений Ф. Сологуба. СПб., 1909, стр. 28—29).

² В № 12 стихов Сологуба не было. Последние три стихотворения, напечатанные им в «Северном вестнике»: «Короткая радость сгорела...» (1897, № 1), «Путь мой трудный, путь мой длинный...» (1897, № 4), «Порою туманной...» (1897, № 5).

СПб. Щербаков пер., 7, кв. 18.

6 апреля 1897.

Многоуважаемая Любовь Яковлевна,

Вчера, когда принесли Ваше письмо, у меня сидел Гиппиус,¹ и потому я не мог ответить Вам тотчас же. Мне очень жаль, что я причинил Вам некоторую неприятность моим вчерашним письмом.² Я всегда был весьма далек от недоверия к Вашим словам о возможности моего дальнейшего сотрудничества, — но, Вы знаете, многое в жизни совершается помимо желания всех заинтересованных лиц, и часто трудно бывает разобратъ, кто прав, кто неправ.³ Мне бы не хотелось много спорить относительно прошлого, — знаю, что не могу Вас убедить и не могу отказаться от моего взгляда. Но позвольте против Ваших примеров о Мережковском и М. Крестовской⁴ поставить один: когда я в декабре принес маленькую библиографическую заметку о книге Нефедова с неблагоприятным о ней отзывом, то А. Л. ее не пустил в печать, объясняя мне, что Нефедов может обидеться, а он иногда печатается и будет печататься в «Северном вестнике».⁵ Таким образом, А. Л. в этом случае высказал то самое, что и я говорил относительно декабрской книги, т. е., что в отзывах о будущих сотрудниках желательна известная степень сдержанности.

Что касается моей новой повести,⁶ то я отнесся бы совершенно просто к ее простому возвращению мне или к заявлению редакции о том, что для принятия рукописи необходимы такие-то изменения. Если бы таким образом мне были возвращены многие рукописи, я не видел бы в этом никакого признака затемнения моих отношений к журналу. Но я считаю весьма неудобным для себя условием, чтобы напечатанию повести предшествовало выслушивание мною критических замечаний Акима Львовича. Эти замечания могут быть тонки и верны, могут и не быть таковыми, но я при этом должен становиться в неопределенное положение, неудобное по совершенно ненужному смещению редакционных необходимых требований и критических необязательных замечаний. Вопрос, например, о стиле — конечно, важный вопрос, и отчего не поговорить о нем. Но ведь редакции, с точки зрения ее идейных и материальных

интересов, решительно все равно, будет ли напечатано в каком-нибудь рассказе «Володины руки» по-моему или «руки Володи» по желанию А. Л., — а мне не все равно, потому что родительный принадлежности без определения при нем я считаю противным духу русского языка.⁷ Это пример того, что мне теоретически ясно; но могут быть и такие случаи, где я не сумею или не успею найти теоретические аргументы в свою защиту и окажусь побежденным в споре, несмотря на внутреннее сознание своей правоты. Спорить о целых фразах или главах еще труднее: как я стану доказывать логически необходимость того, что из моего замысла во мне выросло органически? Я могу только согласиться или не согласиться на ту или иную поправку или вырезку, — спорить же мне страшно, потому что всякие рассуждения не свободны от возможности ошибок. Кроме того, А. Л. поставил еще мне условием, чтобы я сам сделал переделки и сокращения, так, чтобы из 4 печатных листов остался, самое лучшее, один, или уж никак не больше 2¹/₂, а я и от этого условия уклонился, потому что, во 1) зачем я буду сокращать рассказ, если для моих целей это не нужно, и во 2) моя работа и опять могла бы не понравиться, и в 3) на столь обильные вырезки я не согласен. Вот эти все требования, которые никакой редакции не могут быть нужны, а мне почему-то предлагаются, кажутся мне в высшей степени затрудняющими возможность простых и ясных отношений. Чувствуешь себя легко и удобно, когда знаешь, что рукопись принята, или не принята, или может быть принята с известными условиями, — когда все это ясно. Но слишком сильно дергаются нервы, когда, прежде чем узнаешь решение редакции, надо выслушать длинную и страстную (под именем мирной беседы) нотацию о том, что вот это бездарно, это пошло, это грубо, это безграмотно, это лишнее, это неудачно и т. д. И к чему это? Как неизмеримо удобнее то, что Вы предлагаете, — что Вы сделаете пометки на полях рукописи, и я, таким образом, буду знать требования редакции.

Я настолько дорожу возможностью печататься у Вас, что, отменяя от себя всякие самолюбивые соображения, с полной готовностью представляю Вам рукопись для просмотра на этих, указанных Вами, условиях, т. е. относительно отметок. Для меня все это не вопрос самолюбия или каких иных расчетов, — это вопрос моих литературных убеждений, ради которых я тянусь к Вашему журналу, а не к какому-нибудь другому. Вы позволите мне просить Вас только о том, чтобы Вы прочли возможно недолго и сделали ясные указания о необходимых для редакции изменениях или вырезках, — или, если рукопись окажется неудобною для журнала, то попрошу Вас мне это ясно объявить. Никакое Ваше решение относительно рукописи, если оно будет сделано определенно, не будет принято мною с какими-нибудь такими выводами, каких Вы сами не имеете в виду. Беда не в «беспощадности» — иногда и она уместна,⁸ — отношения делаются неудобными тогда, когда они неясны, и так запутываются, что боишься повернуться, чтобы чего-нибудь не порвать.

Как Вы чувствуете себя сегодня? Позвольте пожелать Вам хорошего самочувствия и здоровья, и добрых успехов. Скоро ли выйдет Ваш роман?⁹ Правда, мне очень интересно было бы прочитать Ваше следующее произведение.

Преданный Вам Федор Тетерников.

Рукопись посылаю, — позвольте надеяться, что Вы будете добры ее просмотреть и возвратить с Вашим заключением в скором времени.¹⁰

Для разъяснения этого письма необходимо вкратце рассказать о новом столкновении Сологуба с редакцией «Северного вестника». В № 12 за 1896 г. были напечатаны «Литературные заметки» Волынского, в которых он подверг резкой критике все творчество Сологуба (стр. 235—247). Вот к чему сводятся его основные утвер-

ждения. При склонности к философскому созерцанию и заинтересованности тайными пружинами жизни людей «Сологуб не одарен любовью к широким наблюдениям»; нет ни одного современного беллетриста, «который обнаружил бы такое скудное знакомство с человеком в его обычной обстановке». «Символист по убеждению и художнической тенденции», Сологуб не написал до сих пор ни одного подлинно символического произведения, «потому что к искусству настраиваться и даже настраивать читателя на идеалистический лад не присоединилась у него способность ставить определенные человеческие фигуры, открывать поэтическую и философскую глубину под самыми заурядными явлениями». Наряду с этим Волынский отмечал болезненность творчества Сологуба: «что-то мучительно однообразное и серое, до трагического отчаяния, надрывает его душу»; его влечет «не к безднам жизни, а к трущобам пошло измученной души», к «пикантно-мистическим ощущениям»; «не постигая глубокого смысла личного умаления перед мировой тайною, он с гордостью выдвигает случайные блуждания своего духа». Волынский находил также в произведениях Сологуба «грубость литературного вкуса» и «стилистическую некультурность». Совершенно уничтожающая характеристика была дана «Тяжелым снам» — она напомнила, верно, Сологубу о тех тренингах, которые происходили между ним и редакцией при печатании романа в «Северном вестнике». В архиве Сологуба (ф. 289, оп. 6, № 91) сохранилась эта статья Волынского, причем почти все приведенные выше слова подчеркнуты в ней. В книге А. Л. Волынского «Борьба за идеализм» (СПб., 1900), куда вошла статья о Сологубе, многое значительно смягчено, еще больше резких мест совсем выброшено. Творчество Сологуба было для Волынского весьма удобным и подходящим материалом для обоснования мыслей о том, что декадентство и символизм — не только не близки, но прямо враждебны одно другому.

Прочитав статью Волынского, Сологуб 3 декабря написал ему письмо и, сразу же получив ответ, на следующий день отправил «ответ на ответ» (Реестр, л. 37). 5 декабря он написал и Гуревич. Письмо это до нас не дошло, и мы можем судить о нем лишь по ее ответу. Сологуб, очевидно, просил ее высказать свое мнение о его творчестве и подчеркивал, что Волынский вышел за пределы литературы и коснулся его личности. Гуревич ответила, что и ей некоторые произведения Сологуба «кажутся плодами замутненной фантазии, а не светлого творческого духа». Волынский же, по ее мнению, говорил лишь о том, что есть в писаниях Сологуба. Находя в художественном произведении порочное, загрязненное и грубое, «имеет ли право критик сказать, что автор порочен в жизни? Нет. Но имеет ли он право резко осудить автора, если он наполнит страницы своих произведений мутными излияниями своей души, если, оберегая от порока свою личную жизнь, он не хочет оберечь от них свои произведения?». На этот вопрос Гуревич ответила утвердительно. Вероятно, письмо Сологуба было написано очень взволнованным тоном: «если можно, успокойтесь», — просит его Гуревич. Следующее ее письмо от 6 декабря — ответ на второе, тоже несохранившееся письмо Сологуба («ответ на ответ», как значится в «Реестре», л. 37). Она снова подчеркивает: Волынский «не говорит о Вашей пошло-измученной душе, но о Вашей „фантазии, увлекаемой к трущобам пошло-измученной души, а не к будням жизни“. Пошло-измученной душой называется предмет Вашего изображения, а не источники Вашей фантазии, т. е. Ваша личная душа и жизнь». Для анализа расхождений Сологуба и «Северного вестника» важно одно место этого письма Гуревич. Она утверждает, что не пришло еще время изображать в литературе «соблазны и извращения»: «мы либо знаем их по чисто внешним наблюдениям, которые всегда мертвы в передаче (натурализм), или по субъективным, т. е. опять-таки личным, ощущениям, которые называем, в отличие от наших деятельных состояний, „соблазнами“ и „вождедениями“ (декадентство). „Дерзновение“, о котором так много говорят современники наши, и в том числе Вы в Вашем последнем письме, есть только способность броситься очертя голову в темную бездну».

Следующее письмо Гуревич, сохранившееся в архиве Сологуба, написано лишь через четыре месяца — 5 апреля 1897 г. (оно не датировано). Это ответ на еще одно не дошедшее до нас письмо Сологуба, о существовании которого мы знаем. В «Реестре» (л. 38 об.) содержание его коротко передано словами: «О разрыве». Редакция «Северного вестника» отказалась печатать полностью новую повесть Сологуба и требовала значительных сокращений. Ответом на письмо Гуревич от 5 апреля является публикуемое письмо Сологуба от 6 апреля 1897 г.

¹ Гиппиус Владимир Васильевич (1876—1941) — поэт и критик, один из первых русских символистов.

² Это письмо не сохранилось в архиве Л. Я. Гуревич.

³ Недоразумения, возникшие в связи с новой повестью, заставили Сологуба заговорить о прекращении сотрудничества в «Северном вестнике». Отвечая на его письмо от 5 апреля, Гуревич писала: «Ваше сотрудничество в „Северном вестнике“ не было никогда случайным — не должны быть поэтому случайными и поверхностными мотивы, которые отдалили бы Вас от журнала».

⁴ «Вы очень неверно говорите опять о декабрьской заметке, — писала Гуревич Сологубу, — что „так не пишут, когда желают сохранить отношения“. Есть люди, которые совершенно не смеивают своего литературного суждения с мыслями о последствиях, кот^{ор}ые> отсюда вытекают... Имейте в виду, что в той же книжке была заметка о М. Крестовской, у кот^{ор}ой> я распинаясь в это время достать повесть для января — повесть очень важную для подписки. Вспомните также заметку о стих^{от}ворениях> Мережковского, написанную как раз в то время, когда А. Л. ехал с ними путешествовать, и возбудившую крайнее волнение и неудовольствие». Уничтожающая характеристика второстепенной, но все же заметной в 1890-е годы писательницы М. В. Крестовской (1862—1910) помещена в «Литературных заметках» Волынского рядом с отзывом о Сологубе (1896, № 12, стр. 256—263). Заметка о Мережковском — это рецензия на его «Новые стихотворения», напечатанная в № 3 «Северного вестника» за 1896 г. В ней Волынский писал об отсутствии в стихах Мережковского «художественной искренности, умственной простоты и ясности, не допускающей никакой шумной декламации, предохраняющей от всякой претенциозной, но бессодержательной риторики», и т. д.

⁵ Нефедов Филипп Диомидович (1838—1902) — писатель либерально-народнического направления. Благожелательные рецензии на 1-й том его сочинений (М., 1894) и «Святые рассказы» (М., 1895) помещены в «Северном вестнике» (1894, № 10; 1896, № 2).

⁶ Речь идет о повести «На камни», рукопись которой сохранилась в архиве Сологуба (ф. 289, оп. 1, №№ 105—106). Впервые она появилась в журнале «Север» (1899, №№ 15—21) под заглавием «Утешение». Под тем же заглавием вошла в сборник «Жало смерти» (М., 1904) и в IV том «Собрания сочинений» (СПб., 1910).

⁷ Пример взят Сологубом, очевидно, из «Теней» («Северный вестник», 1894, № 12, стр. 20). В этом рассказе мы встречаем огромное количество сочетаний типа «Володины руки», хотя попадаются и «в голове Володи» (стр. 9), «голова Володи» (стр. 11). Таких сочетаний, только с другими именами («Митины губы», «Митино сердце» и пр.) очень много и в повести «На камни».

⁸ Слово «беспощадность» — из предыдущего неизвестного нам письма Сологуба. Гуревич писала 5 апреля: «Вы и в моем романе нашли „беспощадность“, хотя, признаюсь, я не раз всплакнула над своими героями (это уж, конечно, лишнее!), — но неужели „беспощадность“ критика должна служить поводом для разрыва. Люди не исчерпываются „беспощадностью“».

⁹ Роман «Плоскогорье», только что закончившийся печатанием в «Северном вестнике» (1896, №№ 9—12; 1897, №№ 1—4), скоро вышел отдельной книгой.

¹⁰ Сохранилось еще два письма Гуревич к Сологубу, написанных в апреле 1897 г. Первое письмо — от 8 апреля. Гуревич прочла повесть и пришла к заключению, что необходимо не сокращение, а переработка ее и изъятие большей части, которая «решительно не может быть напечатана в журнале». А ввиду того, что предложение Волынского переделать повесть было встречено Сологубом враждебно, Гуревич решила вернуть ему рукопись. «Надеюсь, что в следующих Ваших произведениях не будет недоразумений: Ваши вещи не настолько однообразны по своим свойствам, чтобы разногласия по поводу одного рассказа определяли судьбу, по отношению к „Северному вестнику“, других». В «Реестре» (л. 38 об.) числятся письма Сологуба от 9 апреля («Ответ») и 10 апреля («Прошу возвратить» рукопись»). Второе письмо Гуревич послано вместе или одновременно с рукописью. Как известно, Сологуб больше ничего не напечатал в «Северном вестнике», кроме стихотворения «Порой туманной...» (1897, № 5), которое, очевидно, было отдано в журнал еще до последнего инцидента. Интересно, что спустя три с лишним месяца, в письме к Вл. В. Гишпиусу от 25 июля 1897 г., Сологуб возлагал вину за отклонение его повести «На камни» на З. Н. Гишпиус. «З. Н., как Вы знаете, в разрыве с Флексером, а стало быть, и с „Северным вестником“. Флексер недоброжелателен и неблагодарен, — иронизировал он, — З. Н. всегда оказывала ему большую милость, служа для него, так сказать, мерилом эстетического достоинства разных штук в стихах и прозе. Всего за несколько дней до разрыва З. Н. еще раз спасла „Северный вестник“ от одной эстетической погрешности, раскрыв глаза Флексеру на многочисленные недостатки моей повести „На камни“; а ведь сам-то Флексер спросил, пожалуй, напечатал бы ее после нескольких небольших волыньских искажений» (ф. 77, № 21).

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ПИСЬМА К Ф. СОЛОГУБУ

Публикация С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова

У Андрея Белого, на разных этапах его жизненного и творческого пути, было много «спутников» жизни — С. М. Соловьев, А. А. Блок, Э. К. Метнер, В. Я. Брюсов, Эллис, Р. В. Иванов-Разумник и др. Федор Сологуб не принадлежал к их числу. Встречи писателей, знакомых лично с 1905 г., носили, как правило, случайный и мимолетный характер. Это объяснялось отчасти внешними обстоятельствами: Андрей Белый постоянно жил в Москве, Сологуб — в Петербурге, причем держался особняком от тех петербургских литературных кругов, в которые был вхож Белый. «...» Сологуб механически мне отстранялся другими людьми: в ряде лет», — отмечал А. Белый в мемуарах.¹ Однако отдаленность писателей друг от друга обусловлена и другой немаловажной причиной. Творчество Сологуба с его пессимизмом, эгоцентризмом и культом смерти было для Андрея Белого «квинтэссенцией декадентских переживаний», последовательно им отвергаемых: «Бессилью противопоставляя я жизненную уверенность в том, что полеты — будут, что помощь — возможна».² Это не мешало ему высоко оценивать незаурядный талант Сологуба, поднимавшего в своем творчестве многие насущные и для самого А. Белого вопросы, своеобразие и целостность художественной системы своего идейного антагониста.

Книги Сологуба занимали огромное место в сознании Белого. Когда в 1928 г. в Ленинграде готовился вечер памяти Сологуба, Андрей Белый писал Р. В. Иванову-Разумнику, организатору собрания: «С большой радостью к назначенному сроку постараюсь закрепить воспоминания свои о Федоре Кузьмиче, к сожалению бедные, ибо хотя и знаком был с ним 22 года, однако редко встречались; летуче как-то; и не очень много наскребется интересного <...> может быть, лучше сплести воспоминания о нем с воспоминанием о действии на меня его книг; он — *очень и очень* влиял на меня; и в каком-то реальном, писательском смысле был более учителем моей прозы, чем „мэтр“ Брюсов — моих стихов; „Жало Смерти“, „Истлевающие личности“, „Мелкий бес“, „Сказочки“ были действительно моими настольными книгами; я *ходил* в них, *жил* в них, а не только читал; то же скажу и о „Пламенном круге“».³ В рецензиях на книги Сологуба Белый подчеркивал, что «Федор Сологуб — один из первых стилистов нашего времени»,⁴ «у него подлинное страдание, подлинное дерзание».⁵ Завершенную концепцию творчества Сологуба Белый предположил в статье «Далай-лама из Сапожка»,⁶ в связи с которой и написано первое из публикуемых писем.

Статья Белого имеет подчеркнуто экспериментальный характер — как в нарочитом, полуконическом стиле изложения, так и в рассмотрении творчества Сологуба как единого текста, реализующего в различных произведениях-вариантах единую художественно-мировоззренческую систему. Статья вызвала резкое недо-

¹ Андрей Белый. Начало века. М.—Л., ГИХЛ, 1933, стр. 441.

² Там же, стр. 112, 113.

³ Письмо от 8 февраля 1928 г., см.: ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 19. А. Белый упоминает роман «Мелкий бес» (1902), сборники рассказов «Жало Смерти» (М., 1904), «Истлевающие личности» (М., 1907), «Политические сказочки» (СПб., 1906) и восьмую книгу стихов «Пламенный круг» (М., 1908).

⁴ «Критическое обозрение», 1907, № 3, стр. 27 (рецензия на «Истлевающие личности»).

⁵ «Перевал», 1907, № 8—9, стр. 101 (рецензия на шестую книгу стихов «Змий»).

⁶ «Весы», 1908, № 3, стр. 63—76. Столь же пристального критического внимания Сологуба к творчеству Белого мы обнаружить не можем. Отметим лишь упоминание о «точном изображении быта» в романах Белого в статье Сологуба «Искусство наших дней» («Русская мысль», 1915, № 12, отд. II, стр. 42). Однако Сологуб, как вспоминал Белый, «выказывал благоволение» ему как художнику слова: «Не стал бы и строчки вычеркивать я в ваших книгах» (Андрей Белый. Начало века, стр. 444).

вольство Сологуба.⁷ Помимо обстоятельств возникшего конфликта, письмо ярко характеризует атмосферу ожесточенной журнальной полемики, которую А. Белый, как один из лидеров журнала «Весы», вел против модернистских новаций во имя «истинного» символизма.

Второе письмо А. Белого написано летом 1909 г., во время работы над романом «Серебряный голубь», когда в его жизни определился поворот к новым духовным и творческим исканиям, открывшим эпоху «второй зари».⁸ В мемуарах Белый лишь кратко упомянул об этом,⁹ поэтому публикуемое письмо особенно важно в биографическом аспекте.

Письма печатаются по автографам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы, в архиве Ф. Сологуба (ф. 289, оп. 3, ед. хр. 98). Остальные четыре письма Белого к Сологубу, относящиеся к последующим годам, представляют меньший интерес и здесь не воспроизводятся.¹⁰

1

⟨Москва, 30 апреля 1908 г.⟩

Глубокоуважаемый Федор Кузьмич!

Только на днях я встретился с В. Я. Брюсовым, и он сообщил мне, к моему изумлению, что Вы имеете претензию на «Весы» за напечатание моей статьи о Вас.¹ Ввиду того что я привык себя считать Вашим горячим поклонником и что в статье моей о Вас я, кажется, недвусмысленно называю Вас «огромным художником»,² я принужден (считаю своей обязанностью) объяснить с Вами лично.

Меня удивляет глубоко, Федор Кузьмич, что, считая себя обиженным моей статьей, Вы не обратились ко мне лично с выражением своего негодования. Или Вы полагали, что я литературный проходимец, обращаться к которому Вы считаете ниже своего достоинства. Может быть, я проходимец в том смысле, что не готовил себя к литературной карьере, а к научной, и что не я просил никого, никогда меня напечатать, а, наоборот, меня просили участвовать в литературных предприятиях. Быть может, этого $\frac{2}{3}$ произведений совр⟨ременной⟩ литературы представляются мне шарлатанством, а литературные сферы я избегаю, как только могу. Здесь «дурно пахнет».³ Вот почему с особой любовью отношусь лишь <к> двум-трем именам в литературе (в том числе и к Вам). Поймите, что мне особенно больно слышать, что Вы оскорблены моей статьей.

Не могу допустить, будто Вы усмотрели в моей статье непризнание Вас. Следовательно, сущность Вашего недовольства сводится не к тому, что я говорю, а к тому, *как* я говорю. В *façon de parler*^a вся суть.

Считаю нужным объяснить.

Стиль статьи зависит от метода отношения: согласитесь со мной — в Ваших произведениях помимо огромного таланта есть особая нота, придающая неразложимую прелесть Вашим произведениям: мало сказать, что Вы заражаете переживанием читателя: Вы его гипнотизируете; и вот контрабандой в читателя проникает Ваше мировоззрение; это «колдовство» я не раз на себе испытывал. Ваша физиономия как писателя ярка до чрезвычайности: с Вами нужно бороться. Я по крайней мере боролся

^a Манера говорить (франц.).

⁷ Об этом А. Белый упоминает в «Начале века» (стр. 446). При переиздании статьи (под названием «Ф. Сологуб» в кн.: Луг зеленый. М., 1910, стр. 152—177) А. Белый смягчил отдельные выражения, впрочем, незначительно.

⁸ Определение из автобиографического письма А. Белого к Р. В. Иванову-Разумнику от 1—3 марта 1927 г. (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 18).

⁹ См.: Андрей Белый. Между двух революций. Л., Изд. писателей в Ленинграде, 1934, стр. 368.

¹⁰ В ЦГАЛИ хранятся также два приветственных письма А. Белого к Сологубу в честь 40-летия его литературной деятельности (январь 1924 г.) (ф. 53, оп. 1, ед. хр. 133).

с магией Ваших слов, а я, как писатель, молюсь *иным богам*, не Вашим. Ваше предисловие к «*Мелкому бесу*»⁴ есть своего рода заклинание; я по крайней мере так и воспринял; серия Ваших книг есть: 1) серия дивных образов, 2) это сплошной наговор на действительность. Если бы я был только критик, если бы у меня не было *святынь*, за которые я готов отдать жизнь, я бы только констатировал Ваше значение в литературе; но как ратник я обязан обнажать за «*свое*» меч: этим мечом в литературе служит «отговор»: и моя статья параллельно с критической стороной ее являет «отговор» на Ваш «наговор».⁵ Быть может, мне это не удалось, быть может, Вы прочли статью вовсе не так, как я ее писал, но одного в ней не может быть: глумления; между тем из слов В. Я. я понял, что Вы считаете мое изображение Вас как колдуна глумленьем.⁶

Я глубоко убежден, что сущность Ваша как писателя вовсе не в том, что Вы определяете в себе сознанием: превращение армянина в ёлжика должно было олицетворить мой взгляд на Вас. Ваша «смерть» для меня не смерть вовсе.⁷ Я игнорирую в Вас то, что мне кажется соблазнительным с точки зрения моего «*credo*». Но конечно в моей статье доминирует нота преклонения перед Вами как перед писателем. Я вижу среди писателей только Гоголя, которому отдаю явное предпочтение перед Вами. Это же явствует из моей статьи.⁸ Если же отдельные слова, строчки, носящие характер «отговора», Вы прочли как глумленье (!!!!), значит в этом дефект моей статьи, значит я не так выразился. Я готов извиниться печатно, если Вы укажете мне точно те выражения, которые могли Вас оскорбить; я объяснюсь. Неужели Вы считаете меня за какого-нибудь хулигана, которому наплевать на все, неужели страстность вообще моих заметок принимаете Вы как литературное «*реброкрушительство*», а не как горькие, выстраданные слова, нарочно острые, чтобы нажать себе врагов среди шарлатанства, цинизма и духа рекламы, которым пропитана вся почти наша критика. Ведь моя резкость и стремительность, я знаю, создает мне все больше и больше врагов, замыкает в полное одиночество; ведь большинство врагов действует исподтишка, с улыбкой говорит с Вами, а за спиной у Вас строит гадости. Да, у меня есть в критике страстность — и это потому, что я не критик, а воин: как бы это «*воинствование*» не искажалось в литературе, я-то знаю, что я *воин*, и как *воин* требую к себе уважения.

И вот потому-то я считаю необходимым высказать Вам от чистого сердца мое уважение и удивление как литератору; мою готовность всячески пскупить свою неловкость; мое согласие, даже полную готовность удалиться из «*Весов*», буде Вас не удовлетворит мое письмо, и во всяком случае я не допущу, чтобы Ваше отношение к «*Весам*» определялось моей статьей: «*Весы*» (я разумею Редакцию) *тут не при чем*.⁹

Вместе с тем совершенно откровенно выражаю мое недоумение Вам: раз Вы прямо не обличили меня, минуя третьих лиц, значит Вы считаете меня за какого-то проходимца; не забывайте, что у меня есть только одно: *мой мир идей и образов*, которому одному буду служить, как могу.

У Вас в Петербурге *действительно* развилось много всякой нечистоплотности.¹⁰ Дорогой, глубокоуважаемый Федор Кузьмич, помните, что я не тот, кто позволяет себя смешивать с «темными личностями». Раз мы знакомы, раз в глубине я привык Вас уважать глубоко, я требую от Вас к себе только одного: *прямоты* отношения и уважения. А там браните меня, уличайте, обличайте — я всегда Вас сумею выслушать как учителя. Жду Вашего ответа. Поймите, мое обращение к Вам от чистого сердца требует, чтобы Вы меня успокоили ответом, все равно какого бы характера не носил этот ответ. Я могу быть ничтожным поэтом, литератором, критиком — не в этом дело: тут я смотрю на Вас как на дорогого учителя.

Есть только одна область, где я говорю с Вами, как равный с равным: это — область чести и нравственных отношений.

Примите уверение в моем искреннем уважении и любви.

Борис Бугаев.

Р. С. Мой адрес: Москва, Арбат, Никольский переулок, д. Новикова, кв. 7. Борису Николаевичу Бугаеву.

Письмо датируется по почтовому штемпелю; оно было получено Сологубом на следующий день.

¹ 12 апреля 1908 г. Сологуб отправил Брюсову, фактическому редактору журнала «Весы», письмо с возражениями против помещенной в только что вышедшем № 3 журнала статьи Андрея Белого «Далай-лама из Сапожка». Сологуб обиделся на Белого за раскрытие его псевдонима (в статье Белый не раз называет Сологуба «Федор Кузьмич»), но в особенности за следующее, по его словам, «изящное место» статьи, которое он цитирует, лишая смысла, присущего в контексте: «Колдовство Сологуба — блоший укус... сам-то он... немногим больше блохи». Сологуб завершил письмо фразой: «От более же распространенных комментариев воздержусь, помня, что писачке „немногим больше блохи“ подобает скромность» (ГБЛ, ф. 386, картон 103, ед. хр. 26). В ответном письме от 15 апреля Брюсов защищал Андрея Белого, акцентируя внимание Сологуба на «положительном» аспекте статьи: «...» самый факт появления всей этой статьи, изучающей Ваше творчество медленно, подробно, стараясь вникнуть в его глубины, свидетельствует о том, что и автор ее, и журнал, поместивший ее, придают Вашим произведениям значение исключительное. В частности в статье действительно есть направленные против Вас удары. Но ведь не считаете же Вы непогрешимыми ни себя, ни Белого!» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 94). Отвечая на это письмо, Сологуб, однако, настаивал на своем: «Сравнение меня с блохой, *может* быть, и очень верно, но недопустимо на страницах журнала, где я участвую ...» Мне остается только сказать, что я остаюсь при моем мнении о совершенной недопустимости таких приемов по отношению к кому-нибудь из соотрудников» (письмо от 19 апреля — ГБЛ, ф. 386, картон 103, ед. хр. 26). «Не понимаю, почему Вы не хотите обсуждать статью А. Белого по существу, — вновь возражал Брюсов. — ...» Мне, при чтении статьи А. Белого, представлялось, что несколько шутливый, если хотите шутовской, тон ее — это *метод* автора, а существо статьи — любовь к Вам и Вашему творчеству ...» В таком убеждении оставил нас и А. Белый, когда мы говорили с ним лично о его статье ...» Видев недавно А. Белого, я сообщил ему содержание Ваших писем. Он, по-видимому, был ими огорчен, хотел писать Вам и готов печатно „оговориться“, если его статья дает повод к недоумениям. „Весы“ с своей стороны для этих „оговорок“ и „поправок“ раскрывают свои страницы так широко, как только можно» (письмо от 24 апреля — ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 94). Результатом этого разговора Брюсова с Андреем Белым и явилось публикуемое письмо. При переиздании статьи А. Белый изменил фразу, особенно обидевшую Сологуба.

² В статье «Далай-лама из Сапожка» Андрей Белый называет Сологуба «громким художником» («Весы», 1908, № 3, стр. 76).

³ Реминисценция из Ницше: «Скажите мне, звери мои: эти высшие люди все вместе — быть может, они *пахнут* не хорошо? О, чистый запах, окружающий меня!» и т. д. (Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Пер. Ю. М. Антоновского. СПб., 1913, стр. 351). Этими словами Андрей Белый не раз определял свое отношение к постоянным в символической среде второй половины 900-х годов внутренним конфликтам, инцидентам и интригам (что не мешало, впрочем, ему быть их деятельным участником). Ср. строки из его письма к Эллису (Л. Л. Кобылинскому) (февраль 1908 г.), написанные по аналогичному поводу: «Друг мой, я зажимаю нос, чтобы не слышать дурного запаха, и не могу: с зажатым носом продолжаю слышать дурной запах... „О, чистый воздух вершин!.. О эти *высшие* люди: от них еще *дурно пахнут!*“» (ГБЛ, ф. 25, картон 30, ед. хр. 6).

⁴ Имеется в виду «Предисловие автора ко второму изданию» романа (1908). См.: Федор Сологуб. Собрание сочинений, т. VI. СПб., «Сирин», 1913, стр. VII—VIII.

⁵ Ср. суждение о статье «Далай-лама из Сапожка» в позднейшем письме Андрея Белого к Ивану-Разумнику от 7 февраля 1928 г., написанном в связи со смертью Сологуба: «В ответ на „чур-чурашки“, или наговор „сологубизма“, я хотел собственноручно ответить антинаговором, обращенным к Сологубу: отколдованием Сологуба от него самого». Далее А. Белый подробно пересказывает свою статью (ЦГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, ед. хр. 19).

⁶ Защищая Андрея Белого, Брюсов писал Сологубу: «Белый уверяет, что Вы — не Колдун, и даже подсмеивается над Вашими колдованиями. Так что же? Не удивляетесь ли Вы именем великого художника, предоставив звание великого

колдуна кому-либо другому?» (письмо от 15 апреля 1908 г. — ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 94). Сологуб в ответном письме от 19 апреля заявлял: «Вы приписываете мне то, о чем я не писал, и делаете обо мне предположения весьма удивительные: <...> что я притязая быть великим колдуном <...> О великом колдуне, по-моему, можно говорить лишь в шутку. Но если это серьезно, то я с удовольствием представлю это шутковское звание другому» (ГБЛ, ф. 386, картон 103, ед. хр. 26). Вероятно, именно об этих словах Сологуба упомянул Брюсов в разговоре с Андреем Белым.

⁷ «Армянин» — «колдун» из рассказа «Маленький человек» (Федор Сологуб. Истлевающие личины. М., «Гриф», 1907, стр. 74—90), с которым А. Белый идентифицирует Сологуба — «волшебника» и «фокусника-покусника», зачаровывающего идеей смерти («Весы», 1908, № 3, стр. 74). «Ёлкич» — фантастический образ из «Январского рассказа» (Истлевающие личины, стр. 91—97): «измученный ёлкич, у которого украли жизнь, зеленую елку» («Весы», 1908, № 3, стр. 71). Вывод, который делает Андрей Белый из анализа художественной системы Сологуба («Золотая заря природы — золотая заря смерти. Бессознательный зов любви — бессознательный зов к смерти» и т. д.), приводит его к мысли, что Сологуб «перепутал основные понятия», «преобразуя уравнения <...> позабыл переменить знаки на обратные»: «жизнь его называем смертью, смерть — жизнью». Отсюда и те положения статьи, на которые указывает А. Белый в письме: «Пока Сологуб, переряженный в колдуна-армянина, поил нас водой смерти (водой живой), мы брызнули на колдунка водой жизни (смерти), и стал колдун уменьшаться; остался халат да шапка, там что-то попискивало: это был милый, маленький ёлкич, закутанный в одежду» (там же, стр. 74—75). Сологубовскую «смерть» А. Белый, в русле своего оптимистического мирозерцания, переосмысливает как «воскресение». В ответном письме от 1 мая 1908 г. Сологуб отверг интерпретацию Белого как совершенно произвольную: «Отождествлять меня с армянином или ёлкичем — это, м^{ожет} б^{ыть}», очень мило, но, по-моему, не верно и не полезно. Почему смерть имеет знак обратный, чем жизнь, я не понимаю; не знаю той меры, которую измеряется в одну сторону жизнь, а в другую смерть; представляю жизнь как процесс, но не знаю, как в виде процесса представить смерть (а не умирание). Думаю, что Ваши схемы очень остроумны, но совершенно произвольны, и что цитаты из моих сочинений можно взять для соображений совершенно противоположного характера» (ГБЛ, ф. 25, картон 24, ед. хр. 6).

⁸ Сопоставление Сологуба с Гоголем — одна из главных тем статьи «Далай-лама из Сапожка». В письме к А. Белому от 1 мая 1908 г. Сологуб возражал: «Вы пишете, что Гоголю отдаете предпочтение передо мною, — а ведь напомнить когонибудь и быть ниже его — это не признак настоящего поэта» (ГБЛ, ф. 25, картон 24, ед. хр. 6). Позднейшее исследование А. Белого «Мастерство Гоголя» содержит специальную главу «Гоголь и Сологуб», в которой дан сравнительный анализ языка и стиля двух писателей (Андрей Белый. Мастерство Гоголя. М.—Л., ГИХЛ, 1934, стр. 291—294). О влиянии Гоголя на Сологуба см. также: U. Kirsten. Zur Rezeption der «toten Seelen» durch die symbolistische russische Prosa. — «Zeitschrift für Slawistik», Berlin, Bd. XIII, 1968, Heft 3, SS. 373—385.

⁹ Инцидент был исчерпан перепиской: ни Андрей Белый, ни Сологуб не вышли из числа сотрудников «Весов».

¹⁰ Андрей Белый намекает здесь прежде всего на постоянный объект своих критико-полемических нападок — «мистических анархистов» и «мистических реалистов», — литераторов, живших в большинстве своем в Петербурге. Эта полемическая установка Белого наиболее отчетливо отразилась в статьях «Штемпелеванная калоша» («Весы», 1907, № 5), «Люди с „левым устремлением“» («Час», 1907, № 10, 24 августа), «Вольноотпущенники» (Весы, 1908, № 2), а также в большинстве его статей и рецензий 1907—1908 гг. Сологуб, не одобрявший этой позиции Белого и «Весов», в цитированном ответном письме Белому отмечал: «Не очень понимаю, о какой нечистоплотности в Петербурге Вы пишете; знаю, что есть сплетни и есть клеветы, и думаю, что и Москва не без всячинки. Или у Вас все святы и все велики?».

2

<5 июля 1909 г.>

Глубокоуважаемый и дорогой Федор Кузьмич!

Ужасно обрадовался, получив от Вас вест. Отвечаю не сразу: письмо Ваше пришло в Москву, а вот уже 2 недели, как я не был в Москве.¹

Наша беседа очень и очень запечатлелась для меня, дорогой Федор Кузьмич: есть большая потребность Вас видеть и с Вами поговорить. Помню, что будете в Москве осенью; очень серьезно для меня то, что говорили мы о литературе.

Я живу под Москвой, живу совсем уединенно с товарищем:² терраса прямо спускается в некошенный луг; дальше лес; живу с цветами, с книгами, с днями: цветы — белые, красные, желтые; книги — умные, глупые, дни — и золотые, и бирюзовые, и свинцовые — осыпаются дни лепестками, хрустальными дождями, лучами и мыслями. И вот их нет... забывается время, забываются сроки: если бы так навсегда кануть во все времена и во все пространства!

С ужасом думаю — будет зима с мелкими людишками, с истерикой, злобой и клеветой. О если бы не ступать в грязь, называемую нашей литературной средой: нельзя заказать достаточно высоких калош, чтобы они не зачерпнули этой грязи.

В усадьбе, где я живу, есть маленькая, старенькая старушка:³ она очень начитанна, и иногда от этого делается трудно. Старушка — милая: но когда собирается гром, у нее в глазах просвечивает ужас: тогда она бросает мне вызов; неожиданно оказываешься вовлеченным в «умный» разговор. Глядишь — уже собралась туча. После грозы старушка улыбается цветам, лучам, пчелам.

И мы миримся.

Зори в этом году особенно милые: таких зорь не было вот уже три года. Три года задавила горние сферы душная мгла. И вот ныне в зорях как бы дается вновь обещание... но чего?..

Было время, когда я не пропускал ни одной зари; пять лет я следил за зорями, и наконец научился разговаривать с близкими мне по зорям.⁴ Душа, что зоря: у одного она красная, у другого — тигриная шкура, у иной — матово-жемчужовая. И вот, бывало, отсияет зоря — и отсияет, просияв, знакомая душа. Так прежде я умел летать на заре к милым и близким.

А потом замутились, разложились для меня зори: посмотришь — трупная шкура; и кровавая лапа бархатная: ляжет зоря на сердце, оцарапает сердце — больно и горько.

Я полюбил тогда то, что против зари: тусклую, мутную, синюю мглу.

Ныне будто очистились зори, и опять «милые голоса» зовут... Опять ждешь с восторгом и упованием...

Но чего же, чего?..

Дорогой Федор Кузьмич, мне было дорого получить от Вас весть. Я рад, что Вы подали голос: мы житейски мало знаем друг друга; мне и ценно, и радостно думать, что между нами есть возможность взаимного приближения. Так мало людей, так много «недотыкомок»: ⁵ так жутко в мире нежителей!

А чувствую — приближается время, когда должно же возникнуть единение между теми, в ком есть высокое знамя *служения* или по крайней мере (как у меня) порыв, попытка... *служить знамени*. Остаюсь сердечно Вас любящий и глубоко уважающий Борис Бугаев.

Р. S. Мой привет и уважение Анастасии Николаевне.⁶

Р. P. S. Мой адрес: По Николаевской ж. д. Станция Крюково. Сельцо Дедово. Имение А. Г. Коваленской. Мне (до 15 августа).

Письмо датируется по почтовому штемпелю; получено Сологубом, жившим на даче в Эстляндской губернии (Меррекуль), 7 июля.

¹ Андрей Белый отвечает на письмо Сологуба от «20 июня 1909 г.», в котором говорится: «Где Вы? Напишите. Часто думаю о нашей московской беседе» (ГБЛ, ф. 25, картон 24, ед. хр. 6).

² Летом 1909 г. Андрей Белый жил в подмосковном имении Дедово вместе с Сергеем Михайловичем Соловьевым (1885—1942) — поэтом-символистом и своим близким другом.

³ Имеется в виду Александра Григорьевна Коваленская (1829—?) — бабушка С. М. Соловьева, детская писательница, владелица имения Дедово. А. Белый

дал ее портрет в мемуарах (Андрей Белый. Между двух революций, стр. 13—18).

⁴ Андрей Белый вспоминает об «эпохе зорь» (1900—1904): времени исповедания им своеобразного «жизнетворческого» миросозерцания — «аргонавтизма», нашедшего художественное воплощение в его трех первых «Симфониях» и сборнике стихов «Золото в лазури» (подробнее см.: Т. Ю. Хмельницкая. Поэзия Андрея Белого. — В кн.: Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М.—Л., «Сов. писатель», 1966 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 16 и сл.). Говоря далее о «тусклой, мутной, синей мгле», Белый имеет в виду последующие годы трагических личных переживаний, кризиса идеалов и изнурительной журнальной борьбы (1904—1908).

⁵ «Недотыкомка» — бредовый образ, возникающий в сознании сходящего с ума Передонова — главного персонажа романа Сологуба «Мелкий бес» (1902); ср. также стихотворение Сологуба 1899 г. «Недотыкомка серая» (Федор Сологуб. Собрание сочинений, т. IX. СПб., «Сирин», 1914, стр. 106).

⁶ Анастасия Николаевна — А. Н. Чеботаревская (1876—1921), писательница, жена Сологуба и соавтор ряда его произведений.

М. М. ЗОЩЕНКО

Н. Т Э Ф Ф И

Публикация В. В. Зощенко

Свою небольшую статью о творчестве Тэффи Зощенко писал в зиму 1919—1920 г. В то время он посещал литературно-критическую студию Дома искусств, руководимую Корнеем Ивановичем Чуковским.

В статье этой в некотором роде ключ к пониманию работы самого Зощенко как юмориста-сатирика. В творчестве Тэффи внимание будущего писателя привлекло именно то, что станет затем основным в его собственном творчестве.

Тэффи считали «смешной писательницей», хотя она сама говорила, что ее рассказы печальны. Источник ее смеха Зощенко видит в удивительном юморе ее слов («мягкий ее юмор — в смешных, нелепых словах») и в особом отношении к своим героям («ее книги — сборник шаржей и удивительных карикатур»).

Летом 1923 г. Зощенко говорил, что его мучают поиски новой формы, что все его «большие рассказы» (такие, как «Любовь», «Рыбья самка») и другие произведения 1921—1922 гг. («Черная магия», «Последний барин», «Коза») написаны в старой манере. Теперь же «для новых рассказов» ему нужна «новая форма», писать в одном тоне невозможно. И Зощенко нашел для себя это новое. В прошедшие годы он, по его словам, проделал огромную, незаметную еще для других работу, — создал совершенно новый, очень сжатый, краткий язык.

«Новую форму» Зощенко окончательно находит для себя к зиме 1923—1924 г., т. е. ко времени написания своей знаменитой «Аристократки». В новых рассказах-сказах у Зощенко, как и у Тэффи, — юмор смешных, нелепых слов, шарж-кариатура, отмечающий «две-три характернейшие черты».

Зощенко говорил, что его до сих пор никто не понял, что смотрят на него как на рассказчика веселых анекдотов, а он «совсем не то».

И действительно, как и у Тэффи, произведения его печальны, хотя и считался он всегда самым «смешным писателем», и от его юмористических рассказов, как и от рассказов Тэффи, «и в самом деле весело и беспечно делалось на душе». О том свидетельствовали многочисленные читатели, которые и устно и в своих письмах благодарили Зощенко за его «смех», доставлявший им радость.

О том, как серьезно отнесся Зощенко к своему выступлению в студии, говорит большая творческая работа над статьей о Тэффи; сохранилось восемь рукописей, связанных с нею.

В первой из них (лл. 1—3) Зощенко группирует героев Тэффи по преобладающему признаку (мечтатели, глупцы, человекообразные). Здесь же запись: «Много отведено места жизни ребенка. Тоже глупость на первом месте». Зощенко высказывает отдельные суждения о позиции писательницы по отношению к своим героям:

«Шаржи, карикатура на людей. Нет людей. Я читаю и вижу жизнь дураков, глупцов и мечтателей. А людей нет. Человекообразные. О них пишет Тэффи. У нее есть прекрасная книга. И все невесело <...>».

«Смешны не анекдотические столкновения людей и не сами люди-чело­векообразные, а прекрасно смешон интимный рассказ, мягкий юмор, нежность положительная к нянькам и кухаркам Маврам».

Отдельная запись: «Посвящаю многоуважаемой кухарке Феклуше. Так должно быть».

Первый набросок свидетельствует в то же время о желании Зощенко расширить рамки задуманной статьи, рассмотрев творчество Тэффи в связи с современным юмором. Вот его записи:

«О современном юморе. Все коротко. На 3 секунды. Все напряжено. Нельзя скучать. Природа ушла вовсе, а если и есть, то смешная («Идиллия»).

Все на 3 страницах. Идея вся определена, не спрятана под конец, не растянута на 100 страниц.

Целый том написал бы, скажем, Мясницкий».

«Тут интересна композиционная основа рассказа».

В первом же наброске наблюдений сделано сопоставление Тэффи с художником Реми (Н. В. Ремизовым): «Тэффи [Аверченко] и Реми.¹ Какая-то родственность» современников» одинаково смотреть на людей незлыми смешливыми глазами».

Во второй рукописи (лл. 4—5) появляется заглавие «Тэффи» и снова дается классификация героев. Внимание Зощенко привлекает язык писательницы, он выписывает заинтересовавшие его слова: «загвоздали», «проголандрится», «всугонь» и др. Здесь же сказано: «Иные слова прекрасны — *приметьевать*». Продолжены вместе с тем наблюдения над художественной манерой юмористки.

«Смешны не люди, не рассказы в своей сущности, прекрасно смешны слова, *сказ, речь* Тэффи, такая жизненная истинность».

«Тэффи любит их, любовно так, ласково относится к нянькам, старухам темным, бабам всяким».

«Импрессия. Короткие рассказы. 20 строчек — и жизнь старой няньки.

Городской юмор. Импрессия, впечатления и микроскопическая наблюдательность».

«Мечтатели ее глупые, ничего непонимающие, неживые, нездешние. Но к ним-то и все любовные чувства».

Творчество Тэффи продолжает рассматриваться в связи с современным юмором: «Юмор современный — каждая строчка напряженный смех». Рамки задуманной статьи расширяются. Зощенко сопоставляет юмор Тэффи и А. П. Чехова.

«Чехов и Тэффи. Чеховский рассказ „Дача“, где мужикам барин говорит: „Я вас презираю“, и мужики думают иное. Это похоже и на Тэффи, также многое непонятно героям Тэффи («Аптечка»)».

И еще одно наблюдение, которое в дальнейшем Зощенко разовьет в других своих критических статьях: «Явление странное. Вербицкая, Северянин, Инбер — пишут о принципах крови, о маркизах и больших аристократах, а все остальное для них презираемо. И это смешно. Тэффи пишет о маленьких темных людешках. И это грустно».

В третьей рукописи (лл. 6—8) снова находим суждения о юморе Тэффи:

«Нет людей.

Двойной шарж.

Бабы, кухарки.

Губернатор (...) } Глупцы

Печальное царство глупцов.

Мечтатели».

«Композиционный автоматизм».

«Отсутствие природы». «Основа — шарж».

В данной рукописи как бы подводятся итог сделанным ранее наблюдениям: появляется план статьи:

«Юмор города.

Тэффи и Чехов.

Стиль.

Слова.

Композиция».

Как видим, мысль Зощенко вновь возвращается к Чехову: «Чехов — основа печальна. Слова тоже не смешны. Но Тэффи смешна»».

Рукопись свидетельствует о раздумьях Зощенко о природе сатиры и юмора. Рассказ Тэффи «Губернатор» вызывает следующую запись (л. 8): «Как саркастически Щедрин изобразил бы нам Губернатора».

Четвертая рукопись (лл. 9—10, заглавие «Тэффи») — первый черновой набросок начала статьи.

Пятая рукопись (лл. 11—12, заглавие «Тэффи») — более развернутый набросок начала статьи.

Шестая рукопись (л. 13—14) служит органическим продолжением пятой. В конце ее снова дан план статьи о Тэффи, но теперь он сужен:

«Напряженность.

Юмор горожанина.

Стиль.

Новые слова.

Отсутствие природы («Идиллия»).

Поэтические образы.

Мягкость».

Однако сопоставление с Чеховым все еще привлекает мысль Зощенко: «Чехов. Одинаковость. Непомерная. Рассказы Чехова и рассказы Тэффи. Если не сравнивать по силе творчества». Здесь же встречаем запись: «Раньше одна юмористическая мысль растянута на все произведение».

Седьмая рукопись (лл. 15—16, заглавие «О Тэффи») — новая черновая редакция начала статьи.

¹ Заключенное в прямые скобки зачеркнуто Зощенко.

Восьмая рукопись (л. 17, заглавие «Н. Тэффи») — перебеленное начало статьи, оборванное на слове «Барыня».

Мы публикуем статью «Н. Тэффи», хранящуюся в Рукописном отделе (ф. 501, М. Зощенко), по следующим рукописям: восьмая (последняя редакция начала статьи, над которым Зощенко ранее особенно много работал), пятая и шестая, представляющие органическое продолжение статьи. Обрывая перебеленный текст рукописи на слове «Барыня», Зощенко, видимо, считал, что дальнейший текст статьи не нуждается в значительной правке.

В своих набросках Зощенко прибегал к скорописи, не дописывал отдельные слова. Там, где восстановление их бесспорно, мы не делаем соответствующих пояснений. Там же, где окончания слов могли быть иными, мы заключаем их в угловые скобки. Отрывки из статьи М. Зощенко опубликованы в кн.: Л. Ф. Ершов. Из истории советской сатиры. Л., «Наука», 1973, стр. 11—12.

Н. ТЭФФИ

Ее считают самой занимательной и «смешной» писательницей. И в длинную дорогу непременно берут томик ее рассказов. Вы увидите во всех вокзальных киосках

«Дым без огня»,
«Неживой зверь»,
«Карусель»

— это ее книги приготовлены «в дорогу».

Должно быть, и в самом деле весело и беспечально на душе от юмористических [коротеньких] ее рассказов.

И что из того, что писательница и так серьезно и как бы с гордостью предупреждает в предисловии: «В этой книге много невеселого» и что «Слезы — жемчуг ее души».

Все равно ей не верят и смеются. Ах, эта смешная Тэффи!

Правда, у среднего читателя и Чехов почитается¹ «смешным» писателем, однако этот эпитет — «смешная» — в особенности родственен Тэффи, в особенности неотделим от нее.

И какое же тогда странное явление — писательница говорит: Позвольте, я не смеюсь, мои рассказы печальны, а мы ей не верим и смеемся. И ведь искренно же мы смеемся!

И в самом деле во всех ее рассказах какой-то удивительный и истинный юмор ее слов, какая-то тайна смеющихся слов, которыми в совершенстве владеет Тэффи.

И попробуйте пересказать какой-нибудь, даже самый смешной ее рассказ, и, право, получится совершенно не смешно. Будет нелепо, а может быть и трагически.

Барыня-помещица спрашивает у Федосьи:

— Чего это Фекла такая худая?

— Не ест ничего, вот и худая.

— Ну, как это можно ничего не есть, — возмущается барыня, — пошли ее завтра утром ко мне.

Несколько дней подряд барыня дает Фекле лекарства для аппетита. Фекла не поправляется. Беспокоится барыня, выскивает лекарства разные в своей аптечке, и только в конце рассказа оказалось, что не ест Фекла оттого, что есть нечего.

Таков юмористический рассказ. Да и большинство рассказов таково же. Тут смешны не анекдотические столкновения людей и не сами люди-шаржи, прекрасно смешит интимный ее сказ, мягкий ее юмор в смешных, нелепых словах и нежность положительная к этим темным бабам, нянькам, кухаркам, которых, кстати сказать, в книгах ее великое множество.

Во всех ее книгах люди не похожи на людей. Феклы, Федосьи, Гаши — это какие-то уродливые карикатуры, «человекообразные», — как сама и так удачно назвала Тэффи.

¹ Зощенко заменяет здесь первоначальное «считается».

Исторический очерк

Медведь 127

Император. Коронация русская. До сего —
и великий царь кельтский.

Городская корона. Император, венгерский и
императорский, корона датская.

Воспоминания

Корова и мушкетер

— Сказано в том же и Митрич, что
Корова хороша. (165)

- Кисель в том же?
 - Кисель в том же
- Корова и мушкетер. Говорят о нем
корова и мушкетер.
Но кто знает корова и мушкетер
кто кто? Корова и мушкетер — дураки.
- И какой прекрасный замечательный человек

Наша коронация от мушкетера королю
некоторые короли, королева, королева,
но к королю и все это должно быть

Итак. Сказано: Корова!
Корова!

Корова — Корова 94. 100.	Корова и мушкетер.
Корова и мушкетер. Корова 100. 96.	Корова и мушкетер.

Ее книги — сборник шаржей и удивительных карикатур.
Ее герои — глупейшие бабы, няньки, патологические барыни.
Тэффи берет жизненные карикатуры людей и снимает еще карикатуру.

Получается какой-то двойной шарж.

Уродство увеличено в 1000 раз.

Пошлость увеличена в 1000 раз.

Глупость увеличена до того, что люди кажутся часто ненастоящими, неживыми.

Однако оставлены 2—3 характернейшие черты — и в этом все мастерство и талантливость, — безобразно преувеличенные, дают жизнь и движение героям. Кухарка Лупа несомненно живет, нянька Мавра несомненно естественна.

Мы узнаем их так же, как в рисунке-шарже мы узнаем знакомые нам лица.

Я подчеркиваю здесь: пошлость и глупость. С этим-то и оперирует главным образом писательница.

Глупость, безнадежная, удивительная — непрменный элемент во всех без исключения героях.

Какое самое темное, беспросветное царство глупцов.

Аптечка.

Кучер и прачка.

Явдоха.

Кухарка Пелагея.

Чиновник Овсяткин.

Мамка Мавра.

Миллионер.

Председатель управы.

Гимназисты.

И даже учитель с умными глазами говорит нелепые вещи. Итак, все дураки.

А у Тэффи если уж дурак, так удивительный дурак. Он и лопочет по-особому: «Тут не оставлено. Потрудитесь тоже «порядочно знать»»; «Куда уж тут понять?». И естественно, что никто и не понимает.

Каждый дурак с разговором. Но его никто не понимает.

И получается самое удивительное, на чем и построены все столкновения людей: на непонимании.

Явдоха не понимает.

Барыня не понимает.

Кухарка не понимает.

Будто дурак живет своей особой жизнью, говорит много и любит говорить, но его не понимают.

И этот прием очень приметен у Тэффи.

Итак, сущность рассказов, основа их печальна, а часто и трагична, однако внешность искренно смешна.

Тэффи Надежда Александровна (урожд. Лохвицкая, в замужестве Бучинская, 1876—1952) начала печататься в начале 1900-х годов. В 1905 г. сотрудничала в первой легальной газете большевиков «Новая жизнь». Получила известность главным образом как автор юмористических рассказов и сотрудник журналов «Сатирикон» и «Новый сатирикон». В 1918 г. стала эмигранткой. После Второй мировой войны приняла советское гражданство.

М. Зощенко упоминает следующие книги Н. Тэффи: «Юмористические рассказы, кн. 2. Человекообразные» (СПб., 1911), «Карусель» (СПб., 1913), «Дым без огня» (СПб., 1914), «Неживой зверь» (Пгр., 1916). Сборник «Карусель» имел четыре издания, другие названные книги — девять.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

- Аверченко А. Т. 66.
 Адвиновский С. 27.
 Адмони И. Г. 63.
 Азадовский М. К. 6, 15—17, 22—24.
 Айналов Д. В. 69.
 Аксельрод Л. И. 107.
 Алейников М. Н. 65.
 Александр II 7, 25.
 Алексеев С. А., псевд. Аскольдов С. 67.
 Алматинская А. В. 67.
 Альтшуллер М. Г. 3, 78.
 Андерсен Г.-Х. 65.
 Андреев Л. Н. 29, 30, 38—40, 64, 66, 67.
 Андреев-Кривич А. П. 63.
 Андреевич Е. (Соловьев Е. А.) 101, 107.
 Андронников И. Л. 63.
 Андрусон Л. И. 66.
 Анисимов А. И. 65.
 Анисимова А. П. 63.
 Аничков Е. В. 28, 31, 35, 36, 41.
 Анненков И. А. 19, 23.
 Анненский И. Ф. 64.
 Анненский Н. Ф. 30, 37.
 Антонов С. П. 65.
 Антоновский Ю. М. 134.
 Антуан Л. 19.
 Аптекман О. В. 64.
 Апулей 67.
 Арбузов Н. А. 27.
 Аренс Л. А. 67.
 Аренс Л. Е. 67.
 Аркадакский К. В. 65.
 Арлазорова М. С. 65.
 Арсеньев А. 19.
 Арсеньев О. А. 115.
 Арсеньева Е. А. 63.
 Архипова Л. П. 3, 63.
 Арцыбашев М. П. 40, 42.
 Асеев Н. Н. 67.
 Аскольдов С., см. Алексеев С. А.
 Ауслендер С. А. 66.
 Ауэрбах В. 70.
 Ахматова А. А. 67.
 Бабаевский С. П. 65.
 Базанов В. Г. 57.
 Байдуков Г. В. 65.
 Байрон Д.-Г. 106.
 Бальби А. 22.
 Бальзак О. де 102, 108.
 Бальмонт К. Д. 29, 38, 101—103.
 Баранов Д. О. 87, 88.
 Баранова 98, 99.
 Барановская М. Ю. 24.
 Баранцевич К. С. 40.
 Баратынская С. Л. 66.
 Баратынские 66.
 Баратынский Д. Е. 66.
 Баратынский Е. А. 3, 55—62.
 Барбье О. 22.
 Барятинский А. П., кн. 18.
 Басаргин Н. В. 19.
 Батенков Г. С. 19, 23.
 Батюшков А. Д. 48.
 Батюшков Г. Д. 96—98.
 Батюшков Д. Н. 48.
 Батюшков К. Н. 28, 38, 48, 78—92, 98, 99.
 Батюшков Н. Д. 48.
 Батюшков П. Н. 48.
 Батюшков Ф. Д. 3, 28—48, 64, 78—111.
 Батюшкова А. Н. 80—83.
 Батюшкова Е. Н. 28.
 Батюшкова Е. Ф. 48.
 Бейер-Топ 17.
 Бекетовы 30.
 Беклемишев В. А. 30.
 Белинсгаузен Ф. Ф. 20.
 Белл Л. 30, 38, 48.
 Белый А., псевд. Бугаева Б. Н. 64, 131—137.
 Беляев М. Д. 67.
 Беницкий А. П. 79, 81—83.
 Бенкендорф А. Х., гр. 14.
 Бенуа А. Н. 44.
 Берг Л. С. 67.
 Бергман В. 22.
 Берггольд О. Ф. 69.
 Бердяев Н. А. 106, 107.
 Вернович М. П. 69.
 Бертенсон С. Л. 47.
 Бестужев А. А. псевд. Марлинский А. 5—15, 19, 22, 26.
 Бестужев А. Ф. 5, 19, 26.
 Бестужев М. А. 5—9, 17—27.
 Бестужев Н. А. 1—9, 15—20, 23—27, 72—77.
 Бестужев Павел А. 5—8, 15, 19, 25, 26.
 Бестужев Петр А. 5, 8, 15, 19, 25.
 Бестужева Е. А. 5—8, 10—12, 15, 18, 19, 22, 25, 26.
 Бестужева М. А. 7, 26.
 Бестужева М. Н., рожд. Селиванова 27.
 Бестужева О. А. 7, 26.

¹ Составил Е. В. Свиясов.

- Бестужева П. М. 5, 7, 14, 18, 26.
 Бестужевы братья 5—27.
 Бечаснов В. А. 25.
 Битов Б. Л. 64.
 Блок А. А. 3, 30, 38, 39, 64, 65, 68, 131.
 Боборыкин П. Д. 35, 38, 108, 111.
 Бобринский А. А. 31, 33, 34.
 Бобрищев-Пушкин П. С. 23.
 Бобров С. П. 64.
 Бобров С. С. 83.
 Богданов В. В. 64.
 Богданович А. И. 42, 101.
 Богословский П. С. 66.
 Боде М. А., баронесса 26, 27.
 Бодлер Ш. 101—111.
 Бонч-Бруевич В. Д. 65, 66.
 Боратынская С. Л., см. Баратынская С. Л.
 Боратынские, см. Баратынские.
 Боратынский Д. Е., см. Баратынский Д. Е.
 Боратынский Е. А., см. Баратынский Е. А.
 Борисов Л. И. 66.
 Борман А. Н. 66.
 Бороздин К. М. 79, 86.
 Бояджиев Г. Н. 65.
 Грандес Г. 34.
 Браун Н. Л. 69.
 Браун Ф. А. 28, 31, 33, 36, 37.
 Бровка 86—88.
 Бронштейн Н. И. 68.
 Бруни Г. Ю. 64.
 Брюсов В. Я. 29, 31, 36, 38—40, 43, 55, 56, 64, 68, 70, 105, 112—135.
 Буало Н. 10, 57.
 Бугаев Б. Н., см. Белый А.
 Булгаков В. К. 63.
 Булгарин Ф. В. 14, 26.
 Булгарина Е. И. 14.
 Булич С. К. 69.
 Бунин И. А. 68.
 Бунина А. П. 83.
 Бураковский С. 127.
 Бурже П. 34.
 Быков П. В. 66.
 Быстрова Н. М., рожд. Чернышевская 70.
 Валберхова М. И. 80.
 Валери П. 38, 41, 93—100.
 Вальховский В. Д. 14.
 Варламов К. А. 43.
 Варшавский С. П. 50.
 Василевский Д. Е. 18, 19, 26.
 Василевский Л. М. 70.
 Васильев В. 12.
 Васильева В. Н., см. Небиер В.
 Вахтеров В. П. 127.
 Вацуро В. Э. 3, 55.
 Вашенцев С. И. 49, 51, 53, 54.
 Введенский А. И. 69.
 Веймер М. X. 87, 88.
 Вейнберг П. И. 30, 38.
 Венгеров С. А. 36, 64, 112.
 Венгерова З. А. 31, 41, 110, 111.
 Вербицкая А. А. 139.
 Вергилий 83.
 Вересаев В. В. 40.
 Верлен П. 71.
 Верхарн Э. 30, 105.
 Веселовский А-др Н. 30—34, 42, 48.
 Виленкин В. Я. 66.
 Виллиам Г. Я. 105.
 Винчи Леонардо да 93, 101.
 Виньи А. де 36.
 Впшневский В. В. 49—51, 54, 66.
 Воейков А. Ф. 62, 79.
 Волконская М. Н., рожд. Раевская 19.
 Волконская С. Г., светл. кн. 25.
 Волконский С. Г., кн. 19.
 Волконский С. М., кн. 43, 46.
 Волошин М. А. 66—68, 105.
 Вольнский А., псевд. Флексера А. Л. 112, 113, 116, 118, 119, 123—125, 127—130.
 Вольтер Ф.-М. 79, 80, 87.
 Воронцов М. С., гр. 15.
 Воротников А. П. 99, 100.
 Воскресенский В. А. 125.
 Воскресенский Н. 67.
 Вырыпаев П. А. 63.
 Вырыпаева О. С. 63.
 Вяземский П. А., кн. 9, 15.
 Гагарин И. А., кн. 79—83, 87.
 Гаевский П. И. 69.
 Галлина Г. А. 43.
 Ганзен А. В. 64.
 Гариш-Михайловский Н. Г. 38, 41.
 Гарский В. 57.
 Гаршин В. М. 3, 29, 30, 37—39.
 Гаршин Е. М. 31.
 Гвоздев И. 114.
 Гебль П., в замуж. Анненкова П. Е. 23.
 Гейне Г. 105, 109.
 Гейнрих-Куприна Е. М. 40.
 Гессен С. Я. 68.
 Гете И.-В. 36, 101, 106.
 Гиппиус Вл. В. 127, 129, 130.
 Гиппиус З. Н. 38, 112.
 Глебов М. Н. 19.
 Глинка Ф. Н. 27.
 Глухов С. А. 26.
 Глушченко Н. П. 52.
 Гнедич Н. И. 55, 58, 59, 62, 78—92.
 Гнедич П. П. 46.
 Гогин Г. Д. 68.
 Гогин Н. А. 68.
 Гоголь Н. В. 30, 133, 135.
 Голицын Б. А., кн. 91.
 Головин А. Я. 44.
 Головин К. Ф. 31.
 Головин Ф. А. 45—47.
 Головня В. Н. 66.
 Гомер 79—80, 82—86, 89.
 Гончаров И. А. 3, 66.
 Гончаров Н. И. 65, 66.
 Гораций 86.
 Горбачевский И. И. 19, 24, 25.
 Гордеев Б. П., псевд. Божидар 63, 64, 67.
 Гордеев Д. П. 64.
 Гордеев Т. П. 64.
 Гордеева Е. Д., рожд. Чирикова 64.
 Гордеева Х. П. 64.
 Горнфельд А. Г. 31, 34, 64, 65.
 Горчаков Д. П. 90, 92.
 Горький М., псевд. Пешкова А. М. 29—31, 35, 38—41, 45, 48, 65, 67, 68, 102, 107, 112.

- Госсе Э. 94.
 Гофман М. Л. 55, 61.
 Греков К. Ф. 66.
 Греч Н. И. 14, 15, 26, 82.
 Гречишкин С. С. 3, 131.
 Грибовская Н. А., рожд. Островская 68.
 Грибоедов С. 5, 9—11, 15, 68.
 Григорович Д. В. 3.
 Грин А., псевд. Гриневского А. С. 68.
 Грунтов А. К. 68.
 Гура И. 38.
 Гуревич А. Я. 64.
 Гуревич Л. Я. 31, 112—130.
 Гуревич М. И. 64.
 Гюго В. 22.
 Гюйсманс Ж. 97, 98.
- Давыдов В. Н. 43.
 Давыдов Д. В. 9, 15.
 Давыдова А. А. 42.
 Данте А. 110.
 Дашков П. Я. 9, 10—12, 15, 17, 20, 22.
 Дейхман О. А. 19, 25.
 Делиль Ж. 90—92.
 Дельвиг А. А. 57, 59, 61.
 Дементьев А. А. 42.
 Державин Г. Р. 64, 78, 85, 86, 88, 89, 91.
 Дерман А. Б. 38, 64.
 Дешан Э. 22.
 Дидро Д. 87, 88.
 Дмитриев А. А. 66.
 Дмитриев Адам М. 3, 49—54.
 Дмитриев Андрей М. 49.
 Дмитриев И. И. 9, 15, 85, 90.
 Дмитриева Н. П. 49.
 Добин Е. С. 53.
 Добровольский В. Э. 68.
 Докусов А. М. 63.
 Доранж М. 99.
 Достоевский Ф. М. 3, 65, 68, 113.
 Дрейден С. Д. 66.
 Дрейфус А. 96.
 Дризен Н. В. 46.
 Дружинин С. И. 64.
 Друзин В. П. 49.
 Дюма А., отец 39.
 Дюмуайе Б. 22.
- Евгенийев-Максимов В. Е. 112.
 Евреинов Н. Н. 46.
 Егунов А. Н. 80, 85.
 Ежова Е. И. 85, 86.
 Екатерина II 84.
 Екатерина Павловна, вел. кн. 80, 83, 86.
 Елпатаевский С. Я. 64.
 Ельшина О. А., рожд. Черемшанова 64.
 Ермолинский С. А. 66.
 Ермолов А. П. 9, 15.
 Ермольева З. В. 69.
 Ершов В. А. 19.
 Ершов Л. Ф. 140.
 Есенин С. А. 67—69.
- Жемчужников А. М. 27.
 Жид А. 93.
 Жихарева К. М. 68.
 Жуи Э. 10.
 Жуков И. П. 8, 14, 25, 27.
 Жуковский В. А. 9, 15, 18, 80, 82, 87, 89, 90.
- Завалишин Д. И. 19, 25, 26.
 Завалишин И. И. 26.
 Залетный И., псевд. Гофштеттера И. А. 123.
 Залка Мате 49, 54.
 Замятин Е. И. 64, 68.
 Заславский И. Я. 63.
 Засулич В. И. 107.
 Захаров И. С. 88, 89.
 Зеленко В. А. 64.
 Зелинский Ф. Ф. 31, 69.
 Зельдович В. Д. 47.
 Золя Э. 34, 96.
 Зощенко В. В. 3, 138.
 Зощенко М. М. 138—142.
 Зуев А. Н. 66.
- Ибсен Г. 64, 65.
 Иванов Вяч. И. 30, 36.
 Иванов-Разумник Р. В. 64, 65, 70, 131, 132, 134.
 Иванова Т. И. 63.
 Ивановский А. А. 9.
 Иванчин-Писарев А. И. 103, 107.
 Ивашев В. П. 19, 26.
 Ивашева К. П., рожд. Ле-Дантю 19, 27.
 Игнатъев А. А. 52.
 Измайлов А. Е. 56, 57, 59—62, 68, 82.
 Измайлов Н. В. 10.
 Икскуль В. И., баронесса 35.
 Ильин И. Р. 69.
 Ильина В. В. 69.
 Ильинская Е. Д., рожд. Старцева 19, 26, 27.
 Ильинский Д. З. 19, 27.
 Инбер В. М. 139.
 Иорданский Н. И. 42.
 Иосса Г. А. 19.
- Каверин В. А. 69.
 Казанцев И. Г. 66.
 Казимирский Я. Д. 19.
 Кальвин Ж. 29.
 Каменская Е. В. 70.
 Каменский В. В. 67.
 Канкарович А. И. 64.
 Капелюш Б. Н. 3, 5, 72.
 Капнист В. В. 61, 64, 78—80, 87—89, 91.
 Капнист П. А. 48.
 Карамзин Н. М. 92.
 Каратыгин П. А. 80.
 Кардуччи Д. 30.
 Карев А. Е. 69.
 Кареев Н. И. 64, 65.
 Каренин В., см. Комарова В. Д.
 Карпов Е. П. 45, 64.
 Каррик В. В. 66.
 Карцова М. П., рожд. Огарева 69.
 Катерли Е. И. 66.
 Кауфман А. Е. 64.
 Каченовский М. Т. 89.
 Квашнина-Самарина А. П. 81, 82.
 Кезевич Н. Н. 69.
 Кендзерская Г. С. 67.
 Киренский Н. В. 26.
 Кириллин А. С. 69.
 Кирстен У. 135.
 Кичеев П. 62.
 Кларк П. Э. 25.
 Клейнборт Л. М. 64.

- Клюев Н. А. 68, 69.
 Князев Г. М. 30, 31.
 Кобылинский Л. Л., псевд. Эллис 131, 134.
 Ковалевский М. М. 69.
 Коваленская А. Г. 136.
 Козовой В. М. 93.
 Козьмин Б. П. 66.
 Кок Поль де 30.
 Колесников В. П. 27.
 Колесников Н. А. 98.
 Колесов Ф. Ф. 11.
 Коломийцева А. И. 68.
 Колпакова Т. А. 67.
 Кольцов А. В. 68.
 Комарова В. Д., псевд. В. Каренин 31.
 Конецкий В. В. 65.
 Конн А. Ф. 35, 71.
 Коппе Ф. 29.
 Коптев В. Ф. 66.
 Копабчевский Н. П. 42.
 Корвин-Каменская Б. 67.
 Корейша Д. В. 14.
 Корнель П. 22.
 Корнилов Б. П. 69.
 Корнилов И. П. 19.
 Корнилович А. О. 25.
 Коробчевский Д. А. 127.
 Короленко В. Г. 3, 29, 30, 37—39, 43, 48, 64, 65, 71, 102, 106—108.
 Кос Ю. И. 67.
 Кострова Л. В. 106, 107.
 Котляревский Н. А. 28, 30, 31, 44.
 Коцебу А. Ф. 85, 86.
 Коцебу О. А., фон 19.
 Кочарян С. А. 64.
 Крапихфельд В. П. 42, 43.
 Креницын А. Н. 7.
 Крестовская М. В. 127, 130.
 Крживицкий Л. 64.
 Кривцов С. И. 68.
 Крицман 65.
 Кругликова Е. С. 69.
 Крузенштерн И. Ф. 20.
 Крученых А. Е. 64.
 Крушеван П. А. 42.
 Крылов И. А. 68, 84, 85.
 Крюков Б. И. 65.
 Кузмин М. А. 64.
 Кузнецов Е. М. 66.
 Кукольник Н. В. 23.
 Кульжинский И. Г. 69.
 Кульжинский С. И. 69.
 Кунц 65.
 Купрянова Е. Н. 55.
 Куприн А. И. 28—30, 38—40, 48, 98.
 Куприна М. К. 40, 42.
 Куприяновский П. В. 112, 113.
 Курочкин В. С. 103.
 Кухарков Н. Н. 66.
 Кюхельбекер М. К. 19.
 Лабзина А. Е., рожд. Яковлева, в первом браке Карамышева 26.
 Лавренев Б. А. 51—54, 66.
 Лавренева Е. М. 52.
 Лавров А. В. 3, 131.
 Лазаревский Б. А. 29, 66.
 Ламанский В. И. 31.
 Ланге Р. О. 31—34.
 Лаппа-Старженецкая А. А. 68, 69.
 Лаппа-Старженецкий Г. А. 68.
 Лаппин И. И. 69.
 Лафатер И.-К. 74.
 Лебедев А. 47.
 Левина А. М. 70.
 Легра Ж. 107.
 Легуве Г. 90, 92.
 Лежнев И., псевд. Альтшуллера И. Г. 53.
 Лейкин Н. А. 66.
 Ленин В. И. 107.
 Леонтьев Б. А. 66.
 Лепарский С. Р. 19.
 Лермонтов М. Ю. 29, 63, 66, 68, 69, 106, 108, 112.
 Лесевич В. В. 115.
 Лесков Н. С. 3, 112.
 Либединский Ю. Н. 63.
 Либерман Д. А. 54.
 Лисов К. М. 68.
 Лобанов М. Е. 57.
 Лозинский М. Л. 67.
 Ломоносов М. В. 64, 85.
 Луговой А., псевд. Тихонова А. А. 38, 44, 70.
 Лукницкий А. Ф. 83, 84.
 Луначарский А. В. 35, 46, 47, 52, 53.
 Лунин М. С. 68.
 Лучицкий И. В. 69.
 Львов Н. А. 88.
 Львов Ф. П. 87, 88.
 Львов-Рогачевский В. Л. 43.
 Львова Е. Н. 87, 88.
 Льдов К. Н. 125, 126.
 Любимова А. Н. 69.
 Ляцкий Е. А. 66.
 Майзель М. Г. 49, 54.
 Майков Л. Н. 31, 34, 35, 99.
 Майковы 30.
 Макаров С. О. 66.
 Макогоненко Г. П. 65.
 Максимов В. Е., см. Евгеньев-Максимов В. Е.
 Максимов Д. Е. 112, 113.
 Малларме С. 93, 94.
 Малиновская Е. К. 47.
 Малова М. И. 3, 63.
 Мальро А. 51.
 Малявин Ф. А. 67.
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 98.
 Мантон 94—96.
 Мануйлов В. А. 63.
 Маринетти Ф. 30.
 Мария Федоровна, имп. 87, 88.
 Маркиш С. 67.
 Марлинский А., см. Бестужев А. А.
 Мартынов Д. П. 114.
 Мартынов И. И. 80—82.
 Маяковский В. В. 66.
 Медведева И. Н. 55, 61, 62, 91.
 Мейер П. 32, 33.
 Мейерхольд В. Э. 44, 46.
 Мельникова Е. Ю. 69.
 Менгден М. А., фон 81, 82.
 Мережковский Д. С. 29, 38, 44, 101, 112, 127, 130.
 Мерзляков А. Ф. 83, 85, 86.
 Метерлинк М. 10, 105.

- Милашевский В. А. 70.
 Милорадович С. Д. 69.
 Минаев Д. Д. 103.
 Минский Н. М. 38, 112, 120.
 Михайловский Н. К. 32, 48, 64, 103, 106, 107.
 Михаловский Д. Л. 94—96.
 Мишо Ж. 90, 92.
 Модзалевский Б. Л. 38.
 Модюи А. 89.
 Мокшевский П. В. 64.
 Моллер А. В., фон 20.
 Монтень М. 29, 111.
 Мопассан Г. де 65.
 Мордвинов Н. Д. 63.
 Морозов П. О. 44.
 Мудрова С. А. 26.
 Музыкант Р. 65.
 Муйжель В. В. 64.
 Муравьев И. М. 87, 88.
 Муравьев-Апостол С. И. 22.
 Муравьева А. Г., рожд. гр. Чернышева 17.
 Муравьева-Амурская Е. Н., рожд. Ришмонд 67.
 Муратов А. Б. 3, 93, 101.
 Муратова К. Д. 3, 28.
 Мусин-Пушкин В. В. 87, 88.
 Муханов П. А. 7.
 Мюрель Э. 48.
 Мюссе А. де 36.
 Мякотин В. А. 64.
 Мякотина В. А. 65.
 Набрженская А. П. 49.
 Надсон С. Я. 64, 65, 70.
 Назимова М. А. 10, 27.
 Найденов А. С. 38.
 Наквасин Н. Г. 25.
 Нарышкин А. Л. 79—82.
 Науменко П. О. 69.
 Небнер В. (Васильева В. Н.) 68.
 Неверов А. С. 66.
 Недумов С. И. 63.
 Неизвестный Ю. 66.
 Некрасов Н. А. 29, 68, 106, 111.
 Немирович-Данченко Вас. И. 70.
 Нефедов Ф. Д. 127, 130.
 Нечаев С. Д. 9, 15.
 Нечаева В. С. 3.
 Никитин А. А. 15.
 Никитин Н. И. 69.
 Николай II 42.
 Никольский А. А. 19, 26, 27.
 Никольский Д. Л. 115.
 Нил, архиепископ (Н. Ф. Исакович) 24.
 Ниллов П. А. 84, 86, 87, 89.
 Нилова П. М. 84, 86, 87, 89.
 Ницше Ф. 134.
 Новалс Ф. 36.
 Новиков И. П. 69.
 Новиков-Прибой А. С. 54.
 Новосельцев Н. Н. 81.
 Ноель М. 90, 92.
 Нюренберг А. Д. 67.
 Оболенский Е. П., кн. 19, 26.
 Овсяннико-Куликовский Д. Н. 69.
 Огарев Н. П. 69.
 Одоевский А. И., кн. 23.
 Оленин А. Н. 79—82, 84, 86, 87.
 Ольденбург С. Ф. 31, 48.
 Ольшанский И. Г. 66.
 Органищак Я. Ф. 66.
 Орехов М. Д. 70.
 Орлов А. И. 19.
 Орлов В. Н. 23.
 Орлов М. А. 49.
 Ортманс Ф. 41.
 Осипов С. Я. 70.
 Осмонд Ф. 71.
 Оссиан 91.
 Остолопов Н. Ф. 55—58.
 Островский А. Н. 29, 71, 127.
 Остроумова-Лебедева А. П. 67.
 Оттен Н., псевд. Н. Д. Потапинского 66.
 Павлович Н. А. 66, 68.
 Павловский А. А. 32.
 Палладий, иеромонах (П. М. Кафаров) 27.
 Панаев В. И. 56, 58, 60—62.
 Панин Н. И. 27.
 Панов Н. А. 19.
 Панова В. Ф. 66.
 Папер 103.
 Парис Г. 33, 48.
 Парни Э. 78, 88, 91, 92.
 Пастернак Б. Л. 67.
 Пахомов Н. П. 63.
 Пелико С. 24.
 Пеликан 116.
 Пергамент М. Я. 69.
 Пермьяк Е. А. 66.
 Персин И. С. 19.
 Петников Г. Н. 67.
 Петрищев А. Б. 65.
 Петров В. К. 96.
 Петров Д. К. 28, 32, 33, 37, 94—96, 98—101.
 Петров С. В., псевд. Ярослав Азумлев 70.
 Печковский В. Н. 64.
 Пешехонов А. В. 64.
 Пиксанов Н. К. 69, 70.
 Писарев М. И. 43.
 Платонов С. Ф. 64, 69.
 Плеханов Г. В. 32, 107.
 Плещеев А. Н. 65.
 Пнин И. П. 5.
 По Э. 36, 40.
 Погодин Н. Ф. 66.
 Полевой Б. Н. 66.
 Полевой К. А. 14, 15, 26, 27.
 Полевой Н. А. 14, 26.
 Полозов А. 79, 80.
 Полякова Г. Г. 3, 49.
 Пономарева С. Д. 61, 62.
 Попов А. В. 63.
 Попов А. Д. 66.
 Португалов В. В. 64.
 Поссе В. А. 48.
 Потапенко И. Н. 30.
 Потапов А. Н. 26.
 Потехин А. А. 30, 38.
 Потоцкий А. 25.
 Похвиснев Г. П. 63.
 Правдолюбов В. Ф. 71.
 Прибылев А. В. 64.
 Проккопенко Л. И. 63.

- Протасьев В. Ф. 81, 82.
 Путья Н. 62.
 Пушкин А. С. 3, 23, 27, 39, 59, 61, 62, 67—69, 98, 99, 104, 106.
 Пущин И. И. 19, 26, 69.
 Пфаффлус Е. В. 25.
 Пыпин А. Н. 93.
 Пятицкий А. В. 20.
- Рабле Ф. 29.
 Радищев А. Н. 80.
 Радищев Н. А. 79—82.
 Радовский Д. М. 65, 66.
 Радциг А. А. 64.
 Раевский Н. А. 66.
 Расин Ж.-Б. 56, 57, 85—88, 91, 92.
 Расул-Рза 66.
 Ребиндер А. С., рожд. кн. Трубецкая 19, 26.
 Ребиндер Г. М. 19.
 Ребиндер Н. Р. 19.
 Редько А. М. 64, 65.
 Редько Е. А. 64, 65.
 Редько Е. И. 64.
 Рейнеке М. Ф. 19, 25, 27.
 Ремизов А. М. 68, 70.
 Ремизов Н. В. 139.
 Репин И. Е. 30.
 Рерих Н. К. 66.
 Рихтер А. Ф. 57, 58.
 Роденберг Ю. 70.
 Родионов Н. А. 49.
 Рождественский В. А. 66, 67.
 Розанова Т. В. 70.
 Розен А. В., баронесса 25, 26.
 Розен А. Е., бар. 12, 19, 25, 26.
 Розен Г. В., бар. 14.
 Роллан Р. 39.
 Ромм М. И. 66.
 Ронсар П. 29.
 Ростовцев М. И. 69.
 Рохель К. П. 68.
 Рош Д. 35, 38, 40, 106, 107.
 Рудаков К. М. 69.
 Рылеев К. Ф. 7, 9, 14, 17, 23, 26, 62.
- Сабашников М. В. 65.
 Савина М. Г. 30, 43.
 Савпцкая С. В. 14, 15.
 Садофьев И. И. 70.
 Сакулин П. Н. 64.
 Салтыков Н. Е. 71.
 Салтыков-Щедрин М. Е. 71.
 Самарина И. 83, 84, 87, 88, 90.
 Самойлова В. Н. 65.
 Самойлова Н. К. 65.
 Сарычев Г. А. 20.
 Саянов В. М. 49.
 Свирин Н. Г. 49, 51, 53, 54.
 Связев И. И. 7, 19, 24, 26.
 Связева А. С. 19, 24—27.
 Связева Т. М., см. Шнитникова Т. М.
 Свясов Е. В. 81, 143.
 Северянин И., псевд. И. В. Лотарева 139.
 Сейфуллина Л. Н. 66.
 Селегей П. Е. 63.
 Селезнев К. Л. 70.
 Сельский И. С. 19.
 Семьянин Н. И. 26.
 Семашко Н. А. 65.
- Семевский М. И. 5—9, 11, 12, 17, 18, 20, 22—27.
 Семенов Л. П. 63.
 Семенова Е. С. 80, 87.
 Сент-Бев О. 110, 111.
 Синакевич-Яфа О. В. 67.
 Сисмонди Ж.-Ш. 18.
 Славина Е. С. 70.
 Сладковский Р. 81.
 Слонимский М. Л. 38.
 Смеляков Я. В. 69.
 Смердов А. И. 66.
 Смирдин А. Ф. 15.
 Смиренский Б. В. 66.
 Смиренский В. В. 66.
 Смирнов А. А. 37.
 Сно О. П., псевд. Ольги Снежной 67.
 Соболев Л. С. 49, 53.
 Соколов А. П. 19.
 Соколова Е. С. 70.
 Соловьев В. С. 30, 32, 39, 131.
 Соловьев Е. А., см. Андреевич Е.
 Соловьев С. М. 136.
 Сологуб Ф., псевд. Тетерникова Ф. К. 29, 38, 39, 44, 45, 64, 70, 112—137.
 Соломонов М. 70.
 Сомов О. М. 58, 59, 61, 62.
 Сперанский Н. 127.
 Спиноза Б. 108.
 Ставский В. П. 54.
 Станевич Е. И. 90, 91.
 Станюкович К. М. 67.
 Станюкович М. К. 67.
 Степовая Л. И. 17, 19.
 Стефановский П. А. 65.
 Стороженко Н. И. 32.
 Страхов Н. Н. 8.
 Стрепетова П. А. 43.
 Стринберг А. 65.
 Струве В. Я. 19.
 Струве И.-Х. 27.
 Струве П. Б. 106, 107.
 Суббоцкий Л. Л. 49.
 Суббоцкий М. Л. 49.
 Сулин С. 29.
 Султанова Е. П., рожд. Леткова 38, 64.
 Сумбатов-Южин А. И. 29, 38, 39, 46, 47.
 Сухово-Кобылин А. В. 46.
 Сыромятников С. Н., псевд. Сигма 41.
- Таран-Зайченко П. В. 65.
 Тарасов Д. 65.
 Тассо Т. 78, 83, 87, 88, 91.
 Таубе 94—96.
 Таубер 42.
 Теляковский В. А. 44.
 Терещенко М. И. 70.
 Тиандер К. Ф. 28, 32, 37.
 Тихонов А. А., см. Луговой А.
 Тихонов Н. С. 67.
 Тишбейн Л. Ф. 89.
 Токвиль А. де 18.
 Толстая Л. И. 65, 66.
 Толстая Т. В. 63.
 Толстой А. Н. 65.
 Толстой Л. Л., гр. 48.
 Толстой Л. Н. 8, 9, 29, 30, 41, 42, 64, 65, 102, 106, 112.
 Томашевский Б. В. 57, 60, 99.
 Томон Т., де 89.

- Горсон Е. П. 15, 26.
 Горсон К. П. 19, 25.
 Тредиаковский В. К. 83.
 Троепольский Г. Н. 63.
 Трофимова Н. А. 64.
 Трубедкая Е. И., кн., рожд. гр. Лаваль 19.
 Трубедкой С. П., кн. 19, 25.
 Туган-Барановский М. И. 69.
 Тургенев Ал-др И. 84, 86.
 Тургенев Андрей И. 82.
 Тургенев И. С. 29, 65, 68, 70, 106.
 Тургенева Ф. Н. 67.
 Тургеневы, бр. 67.
 Тьер Л. 22.
 Тэффи Н. А., рожд. Лохвицкая, в замуж.
 Бучинская 138—142.
- Уайльд О. 64.
 Уваров С. С., гр. 90, 92.
 Успенский Г. И. 30, 37, 64, 65, 106, 107.
 Успенский Л. В. 66.
 Ухтомский Э. Э. 42.
 Ушаков Ф. Ф. 27.
- Фаленберг П. И. 19, 26.
 Фарнгаген 32.
 Федин К. А. 70.
 Федоров А. М. 124.
 Федоров Б. 58, 61, 62.
 Фейдер В. А. 68—71.
 Феокрит 87, 88.
 Феоктистов Е. М. 116.
 Ферри Э. 127.
 Фигнер А. В. 70.
 Фигнер А. С. 70.
 Философов Д. В. 32.
 Финк В. Г. 65.
 Фитерман М. Я. 32, 64.
 Флексер А. Л., см. Волюнский А.
 Флобер Г. 40.
 Фомин А. Г. 67.
 Фонвизин Д. И. 27.
 Фонвизин М. А. 20.
 Фонвизина Н. Д., рожд. Апухтина, во
 втором браке Пуцина 20.
 Фор Ф. 96.
 Франк 81, 82.
 Фридман Н. В. 85.
 Фриче В. М. 35.
 Фрүг С. Г. 68.
- Хвостов Д. И. 15, 57—59, 81, 82.
 Хвостов Н. Б. 29.
 Херасков М. М. 81, 82.
 Хлебников В. В. 67.
 Ховрина В. Д. 43, 48.
 Хомяков А. С. 67.
 Храбровицкий А. В. 63, 71.
 Хрущов С. П. 26.
 Худик Е. И. 65.
- Цертелев Н. А., кн. 58, 61, 62.
 Цинзерлинг А. 42.
 Цицерон 79.
- Чабров Г. Н. 67.
 Чеботаревская Ан. Н. 112, 137.
 Челищев Н. А. 26.
 Чернов Д. К. 71.
- Чернышевский Н. Г. 64, 65.
 Чернышевский Н. М. 70.
 Чеславский И. Б. 56, 57.
 Чехов А. П. 3, 30, 38, 40, 41, 43, 64, 102,
 106—108, 139, 140.
 Чириков Е. Н. 38.
 Чирикова О. Я. 65.
 Чирков Н. М. 65.
 Чирсков Б. Ф. 65.
 Чихачев Н. М. 20.
 Чуковский К. И. 32, 37, 38, 49, 64, 71, 138.
 Чурилин Т. В. 67.
 Чюмина О. Н. 38.
- Шабад Т. М. 68.
 Шапир О. А. 38, 43.
 Шапорина Л. В. 67.
 Шапошников В. С. 20.
 Шателен М. М. 71.
 Шатобриан Ф.-Р. 84, 86.
 Шах В. М. 43.
 Шахматов А. А. 30.
 Шаховской А. А., кн. 79, 80, 85, 86,
 90, 92.
 Шаховской А. В. 69.
 Швецов С. П. 64.
 Шелгунов Н. В. 64.
 Шелгунова Л. П. 65.
 Шелковников С. Ф. 20.
 Шехтер М. А. 69.
 Шиллер Ф. 88, 106.
 Шимановский Н. В. 15.
 Ширинский-Шихматов С. А., кн. 90, 91.
 Ширмаков П. П. 30.
 Шишков А. С. 78, 85, 86, 89, 90, 91.
 Шишков В. Я. 65, 68, 71.
 Шкапская М. М. 68.
 Шлякин И. А. 69.
 Шмидт 42.
 Шмидт С. О. 70.
 Шнейдер В. П. 35, 38.
 Шнитников Ф. А. 15.
 Шнитникова Т. М., во втором браке
 Свиязева 15, 26.
 Шолье Г. 91, 92.
 Шопенгауэр А. 108.
 Штейнгель В. И., бар. 17, 23—27.
 Шулятиков В. 35.
- Эллис, см. Кобылинский Л. Л.
 Энгельгардт М. В. 68.
 Эренбург И. Г. 51, 71.
 Эриксен О. В. 18—20.
 Эрнст Л. 71.
 Эстергази 96.
- Ювенал 111.
 Юшкевич С. С. 38.
 Юшневская М. К. 10, 14, 18, 23, 26, 27.
- Яблоновский А. А. 43.
 Языков Д. И. 86.
 Яковлев В. А. 71.
 Яковлев П. Л. 58, 61, 62.
 Якубович П. Ф., псевд. П. Я., Гринев-
 вич П. Я., Мельшин Л. 29, 38, 39,
 101—111.
 Ямпольский И. Г. 3, 112.
 Ярошко А. 29.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ И УЧРЕЖДЕНИЙ

- Академия художеств 18.
«Арзамас» 78.
«Атенеи» 88.
- «Беседы любителей русского слова» 78, 88.
«Бессарабец» 42.
«Благонамеренный» 10, 56, 57, 61.
- «Вестник Европы» 89, 103.
«Весы» 132.
Вольное общество любителей словесности, наук и художеств 15, 56, 57, 62.
«Вестник литературы» 31, 65.
Высшие женские (Бестужевские) курсы 28, 69.
- «Дело» 103.
- «Журнал Министерства народного просвещения» 28, 34, 48.
- «Залп» 49, 53, 54.
«Знамя» 42.
- «Издательство писателей» в Ленинграде» 54.
- Космополис, см. «Cosmopolis».
- ЛАПП 54.
«Литературная газета» 50.
Литературное общество 37.
«Литературный Ленинград» 50, 53.
Литературный фонд 37, 39, 43.
«Литфронт» 53, 54.
ЛОКАФ 49, 54.
- «Мир божий» 35, 39, 42, 94, 101.
МХАТ 45.
- Неофилологическое общество 29.
«Новое время» 41.
- «Петербургские ведомости» 42.
«Правда» 66.
- РАПП 53, 84.
«Речь» 30, 37.
Романо-германское общество 33, 34.
«Русская беседа» 122.
«Русская правда» 69.
«Русская старина» 17, 23, 27.
«Русский инвалид» 58.
«Русское богатство» 29, 64, 101, 103.
- «Санкт-Петербургский журнал» 5.
«Северные цветы» 15.
«Северный вестник» 112, 115, 119, 122, 124, 125, 127.
«Сирин» 70.
«Слово» 103.
«Современный мир» 42, 43, 44.
«Соревнователь просвещения» 10, 57.
«Сын отечества» 10.
- Филологическое общество при Петербургском университете 29.
- «Художественная литература» 54.
- «Almanach des Muses» 98, 99.
«Cosmopolis» 39, 41, 93, 94.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
Письмо А. А. Бестужева к матери. 5 октября 1832 г. . . .	14
Записки Н. А. Бестужева о Голландии. 1815. Отрывок . . .	16
Начало повести М. А. Бестужева «Черный день». 1830-е годы	21
Иллюстрация Ф. Д. Батюшкова к рассказу В. Г. Короленко «Чудная». 1899 г.	31
Письмо В. Я. Брюсова к Ф. Д. Батюшкову. 11 августа 1914 г.	40
Письмо Поля Валери к Ф. Д. Батюшкову. Февраль 1898 г.	95
Материалы М. М. Зощенко к статье о Н. Тэффи	141

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции	3
I. О б з о р ы и с о о б щ е н и я	
<i>Б. Н. Капелюш.</i> Архив братьев Бестужевых	5
<i>К. Д. Муратова.</i> Архив Ф. Д. Батюшкова	28
<i>Г. Г. Полякова.</i> Архив А. М. Дмитриева	49
<i>В. Э. Вацуро.</i> Списки послания Е. А. Баратынского «Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры»	55
II. Н о в ы е п о с т у п л е н и я	
<i>Л. П. Архипова, М. И. Малова.</i> Обзор историко-литературных архивных материалов XIX—XX вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР за 1970—1971 гг.	63
III. П у б л и к а ц и и	
<i>Н. Бестужев.</i> Шлиссельбургская станция. (Черновые наброски). Публикация Б. Н. Капелюш	72
<i>Н. И. Гнедич.</i> Письма к К. Н. Батюшкову. Публикация М. Г. Альтшуллера	78
<i>Поль Валери.</i> Письма к Ф. Д. Батюшкову. Публикация А. Б. Муратова	93
<i>П. Ф. Якубович.</i> Письма к Ф. Д. Батюшкову. Публикация А. Б. Муратова	101
<i>Ф. Сологуб.</i> Письма к Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынскому. Публикация И. Г. Ямпольского	112
<i>А. Белый.</i> Письма к Ф. Сологубу. Публикация С. С. Гречипкина и А. В. Лаврова	131
<i>М. М. Зоценко.</i> Н. Тэффи. Публикация В. В. Зоценко	138
Указатель имен	143
Указатель периодических изданий и учреждений	150
Список иллюстраций	151

Е Ж Е Г О Д Н И К Р У К О П И С Н О Г О О Т Д Е Л А
П У Ш К И Н С К О Г О Д О М А
Н А 1972 г о д

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР*

Редактор издательства *Н. А. Храмова.* Художник *Д. С. Дамылов*
Технический редактор *З. Ф. Васильева.* Корректоры *Н. З. Петрова* и *В. А. Пузиков*

Сдано в набор 30/I 1974 г. Подписано к печати 16/V 1974 г. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Бумага № 2.
Печ. л. 9^{1/2} = 13.30 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 13.32. Изд. № 5575. Тип. зак. № 871. М-37585. Тираж 3250.
Цена 80 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука». 199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12